

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

IV Международная научная конференция

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Уфа

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
С56

Главный редактор: *Г. Д. Ахметова*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, М. А. Игнатова, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, Н. С. Сенюшкин, И. Г. Ткаченко, А. С. Яхина

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

С56 Современная филология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). — Уфа: Лето, 2015. — vi, 122 с.
ISBN 978-5-87308-141-1

В сборнике представлены материалы IV Международной научной конференции «Современная филология».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ**Янгибаева С.**

Вклад Агахи в создание историческо-литературного сочинения «Фирдавс-ул-икбол» 1

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Владимирова В.Н.

Петербургская литературная деятельность Пантелеймона Кулиша 4

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Мохаммад-заде Ш.Г., Захраи М.

Сравнительный анализ архетипических образов Илья Муромца и Рустама 7

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Баишева Д.Л.

«Истинный Запад»: сравнительный анализ главных героев и их своеобразие 10

Казымова Ф.Р.

М.М. Джафаров – последовательный исследователь романтизма 12

Кольцова С.С.

Языковые средства, создающие атмосферу детства, в рассказах А.П. Чехова. 15

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аблитарова Л.Э.

Формирование имен и фамилий у различных народов, проживающих на территории Крыма 19

Болтаева Б.И., Шукурова Ф.Х.

Изменения, происходящие в антонимии фразем узбекского языка 21

Борисова Л.В.

Оценивание на уроках русского языка в условиях введения требований нового Федерального государственного образовательного стандарта (5-е классы) 24

Былкова С.В., Крат В.А., Носова Ю.Н.

Из истории происхождения отечественных имён собственных 28

Гаврилова Е.Г.

Русские паремии с компонентом-числительным четыре как носители этнокультурной специфики 31

Граф Т.А.

Взаимосвязанное использование диктантов и тестов в обучении русской орфографии 32

Грахольская М.И.

Соотношение параметров частотности существительных с их семантическими характеристиками (на материале словаря Longman). 36

Забунова К.Н.	
Детализация языковой личности студента среднего профессионального образования.	38
Звада О.В.	
Многозначная сущность морали сквозь призму модальности и культуры.	40
Зыкова Е.Н.	
Англо-русские гибридные образования как один из способов пополнения лексического состава русского языка.	42
Игнатьева А.С.	
Метафорическая репрезентация базовых концептов в американском и немецком научном языковом сознании.	45
Илюхин Н.И.	
Анализ речевого поведения одаренной личности и ее спутников.	49
Ипатова С.Н.	
Этапы развития символического сюжета в стихотворениях в прозе святителя Игнатия.	52
Клепиковская Н.В.	
Терминологизация общеупотребительной лексики английского языка (на материале терминологии сварочного производства).	55
Климова Ю.А., Сенюкова О.В.	
Лингвокогнитивная парадигма как основа в методологии исследования концепта.	58
Маткаримова А.И., Тоштемиров Э.Н., Хамидов Б.А.	
Интерактивные методы обучения иностранному языку.	61
Копырина Е.П.	
Словообразовательные гнезда синонимичных глаголов сүөр «развязывать, распутывать, отвязывать» и өһүл «распускать, развязывать» в якутском языке.	62
Коробкина Н.И.	
Коммуникативные сферы-источники современных компрессивных окказионализмов.	64
Ломаев Б.Ф.	
Дистрибутивные и контекстуальные условия семантической вариативности модальных глаголов can и may.	67
Мехтиханлы С.Г.	
Межкультурный подход к обучению русским пословицам и поговоркам иранских студентов.	72
Мусина Г.Ф.	
Особенности применения терминов физики в татарских учебниках по физике.	75
Раджапова О.Э.	
The adverbial modifier as a part of the sentence.	79
Стетюха Н.В.	
Особенности лексической синонимии в американском просторечии.	81
Турапова Н.А.	
Национально-культурная специфика фразеологизмов японского языка (лингвокультурологический подход).	84
Ханджани Л.	
Функционально-семантическое поле темпоральности в русском и персидском языках.	86

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Асмус А.С.	
Спортивные метафоры семантического поля «шахматная игра» в печатных средствах массовой информации.	89
Долгина Е.С., Миняева Е.А.	
Профессиональная этика журналиста: каноны и нарушения.	91
Дрога М.А.	
Разнословные сложения как средство языковой игры в современных СМИ.	93

Коновалова Л.А.

Языковая характеристика предвыборной кампании 2013 года через метафоризацию (на материале немецких СМИ) 96

Магомедова А.Н., Идрисова Н.П., Эмирова Д.Г., Лабазанова Х.Л.

Особенности рекламных текстов 98

Матвеева Е.О.

Лингвостилистические особенности текстов современной рекламы. 100

Нефедова Д.С.

Инновационный контент печатных масс-медиа как инструмент построения инновационной культуры современного российского общества 102

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ**Айрян З.Г.**

Оценка качества перевода на примере переводов В. Звягинцевой из поэзии Ованеса Шираза 105

Галахова А.А.

Латинские заимствования в английском языке права 107

Дворовкина Е.В.

Тема финансового обогащения во фразеологии английского языка 109

Михеева С.В., Емцева Е.П.

Способы перевода фразеологизмов в рассказах О. Генри 111

Пархомик В.В.

Контекстуальный и комбинированный переводы как способы перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки 114

Тибинько Н.Д.

Translation concept 117

Чжу Лицзюнь

Исследование перевода конструкций со сцеплением на русский язык 120

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Вклад Агахи в создание историческо-литературного сочинения «Фирдавс-ул-икбол»

Янгибаева Сахиба, студент
Ургенчской государственной университет (Узбекистан)

Хотя в деле появления крупнейшего исторического сочинения «Фирдавс-ул-икбол» (Райский сад счастья) существенную роль сыграл Шермухаммад Мунис, Агахи также внес определенную лепту в доведение его до логического конца. Когда родился Агахи, Мунису было уже 31 год, и он был известен в качестве зрелого поэта и историографа. В день рождения Агахи Мунис находился в путешествии с Мухаммадом Рахимханом, описывал Кунградские события, связанные с покорением Турамурада суфи. В этой связи, он, наряду с впечатлениями от своего путешествия, отмечает в восторженных тонах появление на свет своего племянника с точным указанием даты [1, с. 202]. Эта дата соответствует 17 декабря 1809 года. Агахи являлся одним из самых способных учеников Муниса в усвоении знаний по истории и литературе и по возможности старался все время находиться вместе с ним. Когда умер Мунис, Агахи едва достиг двадцатилетнего возраста, он еще не успел сформироваться в качестве личности. Хивинский правитель Аллакулихан, несмотря на его молодость и жизненную неопытность, определил Агахи на должность мираба, представляющую собой одну из самых ответственных и престижных в ханстве, ввел его в сферу бесед на научные и литературные темы.

Аллакулихан сам лично являлся наставником и покровителем Агахи во многих аспектах [2, с. 62]. Он был младше Муниса на 16 лет и старше Агахи на 17 лет.

Таким образом, предложение о продолжении исторического сочинения «Фирдавс-ул-икбол», начатого, но незавершенного Мунисом, Агахи получает в 1840 году лично от Аллакулихана, что также было отмечено на страницах данного произведения [3, с. 278].

В связи с этим, Агахи по указанию Аллакулихана начинает запечатлевать на скрижалях истории события, вбирающие в себя период деятельности Мухаммада Рахимхана 1 с восьмого года его правления вплоть до его смерти. По свидетельству историографа, о событиях, которые происходили в данную эпоху, он узнавал в беседе с непосредственными свидетелями тех явлений. В отдельных случаях пользовался записанным в те времена материалом.

Следует отметить то обстоятельство, что Мунис довел историю периода царствования Мухаммада Рахимхана до седьмого года его правления включительно. Однако, хотя история последующего времени не получила определенной систематизации и завершенности, историограф оставил немало ценных письменных свидетельств тех событий. Данный письменный материал послужил Агахи в качестве весьма ценного источника в деле продолжения книги. В 1813 году, с которого Агахи продолжает изложение событий в книге, Мухаммад Рахимхан, утвердившись на престоле Хорезма, сумел существенно улучшить политическую и экономическую жизнь страны. Несмотря на это, в стране продолжались внутренние междоусобицы, а также имели место захватнические войны между различными ханствами и взаимный грабеж. По этой причине, хивинский хан свою деятельность, в основном, направил на организацию военных походов, обеспечение территориальной целостности страны, борьбу против завоевателей. В иных случаях сам противопоставлял внешней силе насилие, придерживался захватнической политики.

Агахи, изображая события, имевшие место на восьмом году правления Мухаммада Рахимхана, обращает особое внимание на социально-политическую ситуацию, сложившуюся в этот год в сфере деятельности правителя. На основе политики, осуществляемой государственным руководителем, стремится показать экономическую и культурную жизнь народа.

Разумеется, каждый историограф является представителем, прежде всего, своего времени. В связи с этим, созданные Агахи сочинения характеризуются всесторонним воплощением в себе идеологии того времени [4, с. 11]. Исходя из этого, историограф мыслит категориями, вытекающими из политики, проводимой ханом. Однако в отдельных случаях приводится реальное изображение его деспотизма и насилия.

Хивинский хан на восьмой год своего правления, собрав боеспособное войско, осуществил поход в Хорасан. Известно, что многие правители Хорезма не ладили с иранцами. Хотя одной из главных причин этого являлись противоречия между сектами шиитов и суннитов, на самом

деле это было связано с захватнической природой феодального строя. В вопросе противоборства с иранцами используется слово «Қизилбошлар» (красноголовые).

«Красноголовые» в честь 12 шиитских имамов намазывали на голову чалму с двенадцатью полосами из красного материи. Они представляли собой основную военную опору тариката сефевидов [5, с. 290].

Агахи также определяет их данным наименованием. Мухаммад Рахимхан начинает свой поход в целях нанести большой урон «красноголовым». Узнав о военных планах Мухаммада Рахимхана, целый ряд правителей городов, находившихся в подчинении иранцам, направляют к нему послов с просьбой о помиловании. Однако крепость Мир оказывает сопротивление и начинается его блокада. В это время становится известно, что правитель Хазараспа Абдулла инак предаёт хана, заключив соглашение с эмиром Бухары Амир Хайдаром, и Мухаммад Рахимхан спешным образом отправляется в Хазарасп. Однако Абдулла инак спасается бегством.

Агахи, продолжая традиции Муниса, завершая изложение каждого события, прилагает ему стихотворный отрывок, исходя из сущности исследуемого вопроса. Он оценивает поступок Абдуллы инака следующими стихотворными строками:

Кишиким, давлати агар кетса,
Бахту иқболи ҳам видоъ этса,
Феъли анинг бузулғуси аввал,
Ақли тори узулғуси аввал [6, с. 287]

Хивинский хан после этого события правителем Хазараспа назначает Кутлимурата инака.

Мухаммад Рахимхан в годы своего правления опирался, в основном, на своих младших братьев Кутлугмурата инака и Мухаммадназарбека. В то же время не оставлял без внимания авторитетных и влиятельных представителей проживавших бок о бок на данной территории туркменского и каракалпакского народов. Он всегда с уважением относился к таким выдающимся деятелям каракалпакского и туркменского народов, как Шахниязбий, Давлатназарбий, сотник Тулеген, сотник Турабек, Оймирзабий, Дусимбий, Кадырбердыбий, Кулюмрибий, Мурад, Суюн, Қоқа, Менгли Али, правил державой, опираясь в трудных случаях на их помощь [6, с. 330]. Агахи при написании исторического сочинения «Фирдавс-ул-икбол» последовательным образом продолжал традиции Муниса. Он освещал подробно деятельность Мухаммада Рахимхана посредством описания событий, происходивших в разные годы, месяцы и даже дни. Соответственно каждому событию приводил примеры из Корана. Самое главное за-

ключалось в том, что Агахи в целях обеспечения занимательности и силы воздействия исторического труда обращался к поэтическим произведениям, отдельным легендам и преданиям.

На самом деле данная традиция является характерной особенностью произведений Абу Рейхана Беруни. Сам великий ученый отмечает об этом следующее: «Нашей целью является недопущение утомления читателя. Однообразное чтение нагнетает скуку, выводит из терпения. Если читатель переходит с одного вопроса на другой, то он ощущает себя бродящим по различным садам: по окончании одного из них начинается другой. Человек стремится обозреть и насладиться ими всеми. Неслучайно говорят: «Каждая новая вещь приносит наслаждение» [7, с. 89].

Мунис и Агахи, а также предшествовавший им Абулгази Бахадурхан при написании исторических сочинений придерживались данного принципа.

Преимущественное внимание Агахи к стихотворным жанрам в написанной им части исторического сочинения «Фирдавс-ул-икбол» также определяется влиянием его наставника Муниса.

В части исторического труда, принадлежащей перу Агахи, использованы такие поэтические формы, как 58 месневи, 10 произведений в стихах, 6 кытъя, 1 муножот, 7 бейтов, 1 рубаи, 2 фарда. Среди данных жанров самыми активными являются месневи, их объем составляет 840 полустихий. Общее количество стихотворных полустихий превышает 1100.

Основной причиной преимущественного обращения Агахи к жанру месневи является сильное проявление эпичности в данном жанре. Другими словами, данный жанр более удобен для изложения событий.

Стихотворные отрывки также весьма соответствуют, в основном, жанру месневи. В этом жанре изложение событий в форме месневи считается главной особенностью.

В заключении следует отметить, что Агахи сумел в совершенном виде завершить начатый Мунисом монументальный труд, сохранив стиль своего наставника.

В процессе написания данного сочинения у Агахи усилилось влечение к историографии, он приобрел необходимые навыки для создания своих последующих исторических трудов.

Агахи своим историческим сочинением «Фирдавс ул-икбол» внес существенный вклад в дело дальнейшего обогащения староузбекского литературного языка и в развитие узбекской научно-литературной прозы.

Литература:

1. Шермухаммад Мунис Хорезми, Мухаммадризо Агахи «Фирдавс-ул-икбол» — Ташкент, «Ўқитувчи», 2010. — с. 202.
2. Муталов, О. Хивинское ханство в период правления Аллакулихана. — Т.: OFSET-PRINT», 2005. — С.62.
3. «Фирдавс-ул-икбол» (данное издание), с.278.
4. Шодмонов, Н. «Шохиду-л-икбол» — литературный источник. — Т., «Фан», 2009. — с. 11.
5. Чориев, З. Краткий толковый словарь исторических терминов. — Т., «Академия», 2002. — С.290.

6. «Фирдавс-ул-иқбол», с.287.
7. Беруни Избранные произведения, том I. — Т.: 1957. — с. 89.

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Петербургская литературная деятельность Пантелеймона Кулиша

Владимирова Валентина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Сумской государственной педагогической университет имени А.С.Макаренка (Украина)

В статье рассматривается петербургский период творческой деятельности известного украинского писателя и культурного деятеля второй половины XIX века Пантелеймона Кулиша, отмечается его важная роль в популяризации сочинений Тараса Шевченко, а также в развитии украинской литературной критики.

Ключевые слова: украинская литература, литературная критика, издательство.

Пантелеймон Кулиш (1819–1897) — одна из ключевых фигур украинского литературного процесса XIX века и украинской культуры в целом. Он выступал во всех родах и жанрах литературы, а также заявил о себе как учёный (историк, фольклорист, литературовед), издатель, общественный деятель и внёс огромный вклад в духовное развитие своего народа. «Кулиш всю свою жизнь искал новые пути, сгорал страстью сказать какое-то великое слово. В данный момент твёрдо уверенный в правоте своего суждения, он тем не менее вскоре отвергал его, чтобы опять с такой же самоуверенностью отстаивать что-нибудь другое. Эти колебания составляли трагедию его жизни, но вносили фермент в литературную жизнь Украины; в критических произведениях Кулиша, при многих несправедливых и односторонних суждениях, затрагивались верные и глубокие мысли, не падавшие даром на украинскую почву» [5, с. 122].

Творческое наследие Пантелеймона Кулиша ещё не полностью исследовано современной украинской литературоведческой наукой, так как в советское время его книги не издавались, а имя сознательно замалчивалось. Неоднозначное отношение к писателю наблюдалось ещё при жизни, в частности в 1860–1890-х годах, когда он, по мнению многих современников, резко изменил направление идейно-художественных поисков и стал восхвалять российский политический строй, идеализировать личности Петра I и Екатерины II, демифологизировать романтические представления о Запорожской Сечи, некоторые моменты украинской истории. Это давало исследователям повод утверждать, что судьба Пантелеймона Кулиша является типичной для романтика — «нестабильной» личности, которая стремится испытать на личном опыте противоположное, чтобы не оставаться застывшим, мёртвым духом. Эволюция Кулиша — эволюция в границах логического развития данной идеи» [4, с. 10].

Современный литературовед В.Ивашкив констатирует: «Известный украинский писатель и общественный деятель XIX века Пантелеймон Кулиш принадлежит к тем

творческим индивидуальностям нашего прошлого, которые несмотря на свою значимость всё-таки достаточно не просто входят в мир современной интеллектуальной мысли. Это часто связывают со сложной личностью этого писателя, который часто шокировал своих современников резкими выражениями, парадоксальными выводами, которые не вкладываются в общепринятые рамки» [1, с. 5].

Петербург как центр общественно-политической и культурной жизни XIX века открывал многим талантливым украинцам значительные перспективы образования, карьерного роста, творческой самореализации. Пребывание Пантелеймона Кулиша в 50-х — в начале 60-х годов в Петербурге также стало важным периодом его творческой биографии, кроме того, писатель развернул там активную издательскую деятельность. В его типографии смогли увидеть мир произведения таких украинских писателей, как Тарас Шевченко, Марко Вовчок и др. Этому периоду принадлежат такие его печатные издания, как альманах «Хата» (1860), журнал «Основа» (1860–1861).

Журнал «Основа» стал первым украинским общественно-политическим и литературным ежемесячником, который объединил широкий круг украинских литераторов и культурных деятелей того времени различных идейно-политических ориентаций, что имело позитивное консолидирующее значение, но также обусловило спорный и неравноценный в художественном плане смысл произведений. Это, на наш взгляд, и послужило одной из главных причин закрытия журнала.

Одновременно на страницах «Основы» появляется около двадцати сочинений Кулиша-критика, написанных на русском и украинском языках («Обзор украинской словесности», программные статьи «Характер и задачи украинской критики», «Простонародность в украинской словесности», а также «Ответ московскому «Дню» и др.). На страницах этого печатного издания Пантелеймон Кулиш вёл большую часть редакторской работы. Там появились стихотворения, рассказы, переводы, рецензии, статьи его

современников и самого Пантелеймона Кулиша. К этому времени он уже был автором произведений «О том, отчего в местечке Воронеже высох Пешевцов став», «О том, что случилось с казаком Бурдюгом на Зелёной неделе» (литературные обработки народных легенд и былин), повести «Огненный змей», написанных на русском языке. В этом так называемом «воронежском цикле» ранней прозы отчётливо просматривалось влияние раннего европейского романтизма, романтический тип творчества.

Наибольшую популярность Пантелеймону Кулишу принёс первый в украинской литературе исторический роман «Чёрная рада. Хроника 1663 года», впервые полностью напечатанный на украинском и русском языках в 1857 году. К этому времени в журналах «Современник» и «Москвитянин» была опубликована большая часть русскоязычной версии произведения. Хотя становление исторически-романного мышления Пантелеймона Кулиша засвидетельствовал ещё раньше роман «Михайло Чарнышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад» (1843).

В журнале «Основа» увидели свет разножанровые произведения Тараса Шевченко (лирические стихотворения, поэмы, драма «Назар Стодоля», отрывки из «Журнала», письма), а также произведения Марко Вовчок («Институтка»), Л. Глибова, С. Руданского, Н. Костомарова, О. Стороженко и др. С «Основой» связаны литературные дебюты молодого поколения украинских писателей — В. Кулика, Н. Номыса, А. Кониского.

Издаваемый в Петербурге журнал сыграл важную роль в развитии украинской литературно-эстетической мысли, а также становлении профессиональной критики, поскольку на его страницах печатались критико-биографические обзоры, рецензии, аннотации текущей художественной продукции. В это время Пантелеймон Кулиш научно обосновал принцип «этнографической правды» (этнографической точности), с которым он подходил к оценке сочинений таких его современников, как И. Котляревский, П. Гулак-Артемовский, Г. Квитка-Основьяненко. По его мнению, этот принцип может уберечь писателей от искусственности и надуманности в изображении жизни народа.

Писатели, которые, по убеждению Пантелеймона Кулиша, следовали принципу «этнографической правды», «засвидетельствовали своё сродство в духе и истине с великою собирательною личностью простолюдина» [2, с. 523]. Можно согласиться с тем, что в «этнографической правде» писатель мог достаточно полно раскрыть народную жизнь, но названный принцип не давал возможности разрешить проблему соотношения индивидуума и окружения, героя и обстоятельств.

В это время очень чётко прослеживается такой важный компонент литературоведческой теории Пантелеймона Кулиша, как понятие «народного духа». Сам автор не оставил специального его обоснования, однако можно сделать вывод о метафизическом характере этого понятия, которое включает в себе высшие духовные цен-

ности народа и нации, предусматривая идею их исторического развития.

Критерий «народного духа» многокомпонентный. Кроме родного языка, он состоит из других существенных черт: «По ним и писатели, выступившие уже на своём поприще, будут проверять свой язык, тон, вкус и самый строй мыслей» [2, с. 524]. Рассматривая этот критерий как абстрактный, необходимо отметить, что первоочередными характеристиками «народного духа» являются для Пантелеймона Кулиша красота, доброта, правда, — триада ценностей, которая основательно охарактеризована в немецкой эстетике позднего Просвещения и преромантизма.

С пребыванием в Петербурге связано тесное общение Пантелеймона Кулиша с Тарасом Шевченко, который возвратился туда после десятилетней царской ссылки. Их знакомство состоялось в 1843 году на Украине, о чём писатель говорит в воспоминаниях «Жизнь Кулиша» и «Воспоминаниях о Н. И. Костомарове». В середине 40-х годов мы наблюдаем творческий взаимообмен между Тарасом Шевченко, Пантелеймоном Кулишом и Николаем Костомаровым, который прервался из-за ареста за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве.

Сам Пантелеймон Кулиш в середине 1845 года после публикации «Современником» первых глав романа «Чёрная рада» был приглашён ректором Петербургского университета П. Плетнёвым (он был и редактором «Современника») в столицу на должность старшего учителя гимназии и лектора русского языка для иностранных слушателей университета. Осенью 1846 года Петербургская Академия наук по рекомендации П. Плетнёва командировует молодого писателя на три года за границу для изучения славистики. В Варшаве Пантелеймона Кулиша арестовывают за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве. В течение трёх лет он отбывает наказание в Туле, после чего возвращается в Петербург.

После возвращения из ссылки в Петербург для Тараса Шевченко особенно важной стала литературно-критическая поддержка Пантелеймона Кулиша. Первый после ссылки публичный отзыв о его поэзии, как видим из «Дневника» (запись от 26 октября 1857 года), Тарас Шевченко встречает с некоей настороженностью, неуверенностью: «В эпилоге к «Чёрной раде» П. А. Кулиш, говоря о Гоголе, Квитке и мне грешном, указывает на меня, как на великого самобытного народного поэта. Не из дружбы ли это» [3, с. 202].

Кроме того, Тарас Шевченко высоко ценил профессиональное мнение Пантелеймона Кулиша относительно своего творчества. Пантелеймон Кулиш ещё в то время сумел обозначить общенациональную роль творчества Кобзаря, популяризировал его стихотворения, в некоторые вносил отдельные редакторские правки. На сегодня текстологами доказаны факты редактирования произведений «Марьяна-черница», «Наймичка», «К Основьяненко» и др. В литературе зафиксированы отдельные суждения и отдельные высказывания Панте-

леймона Кулиша о таких сочинениях Тараса Шевченко, как цикл «В каземате», «Наймичка», «Неофиты», русскоязычные повести, важные в текстологическом плане. Сам поэт в «Дневнике» от 18 марта 1858 года отметил: «Кончил переписывание или процеживание своей поэзии за 1847 год. Жаль, что с кем толково прочитать. Михайло Семёнович (Щепкин. — В. В.) в этом деле мне не судья. Он слишком увлекается. Максимович тот просто благоговееет перед моим стихом. Бодянский тоже. Нужно будет подождать Кулиша. Он хоть и жестоко, но иногда скажет правду; зато ему не говори правды, если хочешь сохранить с ним добрые отношения» [3, с. 253].

В поэзии Тараса Шевченко Пантелеймон Кулиш усматривал воплощение украинского народного духа и отстаивал эту мысль во многих литературно-критических публикациях рубежа 50–60-х годов, письмах, воспоминаниях. Ещё при жизни Тараса Шевченко появились в печати его обзоры «Об отношении малороссийской словесности к общерусской (эпilog к «Чёрной раде»)», «Взгляд на малороссийскую словесность по случаю выхода в свет книги «Народные рассказы Марко Вовчок», «Предисловие издателя», в которых Тарас Шевченко был охарактеризован как «народный поэт», связанный с фольклором. «Перечитывая несколько раз здесь в Петербурге

Вашего «Кобзаря» и «Гайдамаков», я от души восхищался ими и многие места заучил наизусть... Ваши создания принадлежат не одним Вам и не одному Вашему времени, они принадлежат всей Украине и будут о ней говорить вечно» [3, с. 25].

В Петербурге в 1862 году вышел в свет сборник стихотворений самого Пантелеймона Кулиша «Рассвет. Думы и поэмы» («Досвітки. Думи і поеми»), в которых он заявил о себе как талантливый поэт. Позже, в 1873 году, в Петербурге, работая на должности редактора «Журнала Министерства путей сообщения», он подготовил трёхтомное исследование «История воссоединения Руси», в котором документально хотел доказать пагубное влияние народного национально-освободительного движения, что повлекло серьёзную критику в его адрес со стороны единомышленников.

Как видим, петербургский период в жизни Пантелеймона Кулиша был очень насыщен творческими планами, большинство из которых удалось реализовать. Его творческую личность трудно представить без петербургского периода, так как именно в этом городе писатель создал и опубликовал свои главные произведения, заявил о себе как важная фигурка украинского литературного процесса второй половины XIX века.

Литература:

1. Івашків, В. Художня, літературознавча і фольклористична парадигма ранньої творчості П. Куліша / Василь Івашків. — Львів: Вид-во ЛНУ імені Івана Франка, 2009. — 448 с.
2. Куліш, П. Твори: у 2 т. / П. Куліш. — К.: Дніпро, 1989. — Т. 1. — 586 с.
3. Листи до Тараса Шевченка. — К.: Наукова думка, 1993. — 375 с.
4. Петров, В. Пантелеймон Куліш у п'ятдесяті роки: Життя. Ідеологія. Творчість. Т. 1 / В. Петров; Збірник історично-філологічного відділу ВУАН. № 88. — У Києві: З друкарні Всеукраїнської Академії Наук, 1929. — 572 с.
5. Франко, І. Літературно-критичні статті / І. Франко // Зібр. тв.: у 50 т. — К.: Наукова думка, 1986. — Т. 43. — 428 с.

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Сравнительный анализ архетипических образов Ильи Муромца и Рустама

Мохаммад-заде Шахназ Гамидовна, кандидат филологических наук;

Захраи Моджтаба, студент

Гилянский университет (г. Решт, Иран)

University of Guilan, Iran, Rasht

Литературным архетипом можно назвать часто повторяющиеся образы, сюжеты и мотивы в фольклорных и литературных произведениях. Литературные архетипы одинаково встречаются в персидском фольклоре и литературных произведениях, а также в русской литературе. В данной статье проведен сравнительный анализ архетипических образов русской былины «Илья Муромец и Соловей разбойник» и персидской поэмы «Шахнаме» Фирдоуси.

Ключевые слова: архетип, былина, Илья Муромец, Рустам.

Литературный архетип, как пишет Большакова А. Ю. Несмотря на то, что обладает способностью к внешним изменениям, но таит в себе неизменное ценностно-смысловое ядро. Архетипические образы на протяжении веков сопровождают человека и отражаются в мифологии, религии и искусстве каждого народа. Уже в 20 веке исследователи стали уделять особое внимание архетипическим проформам в анализе литературно-художественных произведений и определению идейной нагрузки тех или иных архетипических составляющих. Исследователи считают, что термин «архетип» обозначает наиболее общие, фундаментальные и общечеловеческие мифологические мотивы, которые лежат в основе любых художественных и мифологических структур.

Архетипы проявляют себя в виде символов: в образах героев, мифах, фольклоре, обрядах, традициях и т.д. Существует множество архетипов, так как это обобщенный опыт наших предков. Главные из них: архетип Я, архетип матери, архетип отца. Это может быть не только положительный, но и отрицательный образ: Ведьма, Баба Яга. Архетип отца определяет общее отношение к мужчинам: Отец, Илья Муромец, Мудрый старец, Бог, Закон, Деспот и пр.

Невозможно провести четкую квалификацию архетипов в определенной форме, но они могут быть определены посредством сравнительного анализа литературы двух или нескольких народов. В данном случае проводится параллель между архетипическими образами Ильи Муромца и Рустама, а также архетипами, окружающими этих богатырей.

Минорский В. Ф. указал на предполагаемые пути проникновения иранских сюжетов в Россию через тюркское и кавказское посредничество. Он более четко выделил два варианта влияния «Шахнаме» на русскую народную лите-

ратуру — 1) Киевский цикл русских былин об Илье Муромце и Соловье-разбойнике и 2) «Повесть о Еруслане Лазаревиче» [12, с. 30].

Илья Муромец — самый известный и в то же время самый загадочный герой русского эпоса. Многие исследователи не сомневаются в том, что Илья Муромец — реальная историческая личность, воин, служивший киевскому князю. Он родился в городе Муроме, в селе Карачарове. Тридцать лет сидит он сиднем и не может подняться, потому что не владеет ни руками, ни ногами [4, с. 24].

Рустам в поэме «Шахнаме» Фирдоуси — могучий сын богатыря Золя и Рудабы — дочери кабульского царя. Рустам родился в области Систан Ирана.

При сравнительном анализе двух произведений становится очевидно, что в сказание об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике попал не только иранский сюжет о Рустаме в общих чертах, но и его детали. Например, один из наиболее важных эпизодов русского эпоса — момент встречи богатыря Ильи и его противника Соловья — много раз сравнивался исследователями с эпизодом Шахнаме, в котором Рустам, следуя совету Симурга, убивает Эсфандиара, пуская стрелу ему в глаз. Аналогичным образом Илья побеждает Соловья-Разбойника, пуская стрелу в правый глаз или правую часть тела Соловья, правда, не убивая его. В народных версиях повествований о Рустаме герой также не всегда убивает противника, а иногда строит для него каменный дом с каменной колонной посередине.

Для того чтобы богатырь превратился в эпический образ, он должен обладать нечто большим, чем другие смертные. В дополнение к храбрости и уму, богатырю требуются магические и сверхъестественные силы [6, с. 242]. Во всех эпосах богатырь — полубог или потомок семьи

аристократов и высокого происхождения. Но Илья Муромец был исключением. [11, с. 20].

В некоторых сказках эпизод исцеления приобретает легендарно-религиозный оттенок: целителями оказываются ангел или сам Христос и святители — Николай-угодник, Егорий храбрый, Илья-пророк. Но таких сказок меньше. Есть сказки легендарного характера, в которых Илья-богатырь смешан с Ильей-пророком. В тамбовской записи П. И. Астрова после краткого рассказа об исцелении ангелами Ильи-сидня и последующем его подвиге — поражении Соловья-разбойника говорится, что бог взял богатыря живым на небо, и он вместе с Михаилом-архангелом искоренял на земле чертей [1, с. 10].

Рустам как и Илья Муромец обладает магическими сверхъестественными силами. Но в поэме особое внимание уделяется другим способностям Рустама и магические силы описываются весьма поверхностно. [2, с. 254].

Феноменальная сила Ильи Муромца передалась по наследству его далеким потомкам. Так, например, прадед хозяина Иван Афанасьевич Гушин был известен в Карачарове и за его пределами своей недюжинной силой. Ему даже запрещали участвовать в кулачных боях, ибо, не рассчитав силу удара, он мог убить человека. Он также мог легко тянуть воз дров, который лошади-то не сдвинуть с места. Легенды рассказывают, что подобный случай произошел с Ильей Муромцем. Однажды богатырь принес на гору три огромных мореных дуба, выловленных в Оке рыбаками. Подобный груз был бы не под силу лошадям. Эти дубы легли в фундамент Троицкой церкви, развалины которой сохранились по сей день.

Богатырская мощь Рустама проявилась уже в детстве: он убил булваой дикого белого слона, а также выбрал себе могучего коня Рахша. Он обладал необыкновенной силой, мужеством, умом и благородством. Рустам совершает множество подвигов, постоянно выручая своего повелителя: побеждает дракона и льва, разрушает коварные планы колдуньи, освобождает из колдовского плена падишаха.

Когда Рудаба хотела родить Рустама, Симург посоветовал Золю сделать Рудабе кесерево сечение. Потому что Рустам был очень большим ребенком. Десять нянь кормили Рустама грудью и, когда отняли его от груди, его еда стала равна еде пяти мужчин [9, с. 19].

В обеих былинах существует другой сходный эпизод — битва отца и сына, хотя в подробностях эти эпизоды отличаются друг от друга.

В Шахнаме Рустам, не узнав сына, убивает его на поединке. Невыразимая скорбь овладевает душой Рустама, когда он узнает, что убитый им юноша — его сын.

Недалеко от города на заставе пятнадцать лет живут тридцать богатырей под началом Ильи Муромца. Богатырь поднимается на заре, берет подзорную трубу, смотрит во все стороны и видит, как с западной стороны приближается неизвестный богатырь, подъезжает к белому шатру, пишет грамоту и передает Илье Муромцу. А в той грамоте неизвестный богатырь написал, что он

едет в стольный город Киев, чтобы поджечь город, иконы в воде утопить, печатные книги в грязи истоптать, князя в котле сварить, а княгиню с собой забрать. Илья Муромец будит свою дружину и рассказывает про неизвестного удальца и про его послание. Вместе со своими богатырями он думает, кого послать вдогонку за чужаком. Наконец он решает послать Добрыню Никитича.

Добрыня догоняет неизвестного в чистом поле и пытается вступить с ним в разговор. Сначала чужак не обращает на слова Добрыни никакого внимания, а потом поворачивается, одним ударом снимает Добрыню с коня и велит ему ехать назад к Илье Муромцу и спросить у него, почему он, Илья, сам не поехал за ним.

Пристыженный Добрыня возвращается и рассказывает, что с ним произошло. Тогда сам Илья садится на коня, чтобы догнать чужака и расквитаться с ним. Своим дружинникам он говорит, что не успеют они щи сварить, как он вернется с головой дерзкого удальца.

Илья догоняет неизвестного богатыря, и они вступают в поединок. Когда ломаются их сабли, они берутся за палицы, пока те не распаиваются, потом хватаются за копыя, а когда ломаются и копыя, вступают в рукопашный бой. Так они дерутся целые сутки, но ни один не может ранить другого. Наконец у Ильи подламывается нога, и он падает. Сокольник собирается заколоть богатыря, но Илье удаётся сбросить с себя врага. Он придавливает Сокольника к земле и, прежде чем заколоть его кинжалом, спрашивает, кто он такой, какого рода и племени. Тот отвечает Илье, что его мать — Златогорка, удалая богатырка одноокая. Так Илья узнает, что Сокольник — его родной сын.

Илья просит сына, чтобы тот привёз мать в Киев, и обещает, что отныне он будет первым богатырём в его дружине. Однако, Сокольника берет досада, что мать скрыла от него, чей он сын. Он приезжает домой и требует у неё ответа. Старушка во всем признается сыну, а тот, разгневавшись, убивает ее. После этого Сокольник сразу же едет на заставу, чтобы убить и Илью Муромца. Он входит в шатёр, где спит его отец, берет копье и ударяет его в грудь, но копье попадает в золотой нательный крест.

Интересно, что два архетипических образа этих параллельных сюжетов — птицы Симург и Соловей. Правда, Соловей былин не вполне является птицей, — его характеристики смешаны, чаще всего он описывается как человек, но, в то же время, подобно птице живет на дереве.

Встречаются и отдельные необычные и оригинальные разработки эпизода столкновения с Соловьем-разбойником. Так, в записи П. И. Астрова из Тамбовской губернии Соловей изображен мужиком, который «залезал на деревья, разбойничал». [1, с. 13].

Симург имеет два божественное и сатаническое лица. Присутствие этой мифологической птицы в иранской культуре относится к доисламскому периоду. Золь дважды вызывал Симурга, и каждый раз Симург появлялся и решал неразрешимую проблему со своим оккультизмом и сверхъестественной силой. Но сатаническое лицо Си-

мурга появляется в пятом подвиге Эсфандияра. Когда Рустам с помощью Симурга убил Эсфандияра. Советы Симурга привели к гибели Эсфандияра [7, с. 65]. Отличительными чертами Симурга следующие: огромное тело, обитание на дереве Виспуиш или в горах Эльбрус и осведомленность о небесных тайнах. [7, с. 575].

Животные имеют символические образы не только в иранских мифах. В этих символических образах отражается тайна и секрет мифологии. В тотемистических тенденциях, образ человека и животного объединяются и животное играет роль родителей, учителя, опекуна и т.д. [2, с. 295].

Рахш — конь Рустама в первом подвиге, когда Рустам спал вступил в борьбу со львом и убил его. Третий подвиг Рустама — битва с драконом, в котором его конь пытается разбудить его.

Верный напарник и друг Ильи Муромца — конь Бурушка любит своего хозяина. Он находчив умен и очень

силен. Илья и Бурушка всегда выручают друг друга в сложных ситуациях вне зависимости от обстоятельств. Сила коня в роскошной золотистой гриве, которая выделяет его среди всех других коней. В действительности существует своеобразная душевная связь между богатырями и их конями.

Хотя архетипические образы и герои отличаются друг от друга, но при подробном изучении становится ясно, что они едины в своей структуре и природе. Когда человеческий разум не в состоянии понять некоторые удивительные явления в мире, то он обращается к мифологии и их тайнам. Исследования в области литературы, фольклора и культуры, в особенности проведение сравнительного анализа между архетипами литературных произведений носителей русского и персидского языков способствует сближению представителей этих народов, помогает понять культуру и историю народа, а также помогает изучению иностранного языка.

Литература:

1. Астахова, А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. Издательство академии наук СССР Москва 1962 Ленинград.
2. Большакова, А. «Литературный архетип»
3. Вахед-дуст, М. Мифологические характеристики. Тегеран, Сорус, 2000.
4. Дарулени, Т. Путевые заметки. Методический журнал для учителей русского языка, 2013.
5. Захеди, З. Один шаг до луны и Юнга. Тегеран, Соганд, 2004.
6. Куяаджи Дж. Исследование в «Шахнаме». Тегеран, Зенде-руд, 1992.
7. Намдариан, Т. Встреча с Симургом. Тегеран, Культурно-гуманитарный институт, 2007.
8. Пур Давуд Э. Симург в иранской культуре. Тегеран, Мобакеран, 1980.
9. Растгар Фасаи М. Эпос «Рустам и Эсфандияр». Тегеран, Джам, 1998.
10. Шайган-Фард Х. Литературная критика. Тегеран, Дастан, 2005.
11. Шалиян, Ж. Сокровищница мировых мифологий. Перевод Саиди, А. Тегеран, Нашр-е фарханг, 1998.
12. Эбрахими Торкаман, А. Караван (культурное представительство при Посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации). № 6, декабрь, 2011.

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

«Истинный Запад»: сравнительный анализ главных героев и их своеобразие

Баишева Диана Леонидовна, преподаватель

Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

Мы герои своих кухонь, своих ферм, своих судеб.

Сэм Шепард.

Это сквозная мысль семейной трилогии Шепарда. Нужно уметь увидеть то, что дано здесь и сейчас. Увидеть себя самого. Если Царь Эдип бежал от судьбы и невольно к ней приближался, то для героев Шепарда важно — разгадать самих себя. Только тогда смогут сложиться в мозаику кубики их бытия. Этим занимаются Остин и Ли, герои пьесы «Истинный Запад».

Они недовольны данной им судьбой и, пытаясь отыскать свое я, они меняются социальными ролями. В этой попытке самоосознания, самоидентификации и есть пафос, или как указывает М. Гаспаров, правильное сказать «патос» произведений Шепарда [1, с.450]. То есть, то самое «страдание», о котором писал еще Аристотель. И все-таки, ни к трагедии в классическом смысле слова, ни к «ситуативной трагедии» — пьесы драматурга отнести нельзя по нескольким причинам.

Во-первых, в его пьесах нет движения от счастья к несчастью. Мы встречаем героев, которые уже живут в каком-то расколотом мире. Это задается драматургом сразу — через выломанную дверь в «Проклятье голодающего класса», через начавшийся внезапно ливень в пьесе «Погребенное дитя», через маму, уехавшую на Аляску в «Истинном Западе».

Разбирая античную трагедию, Гаспаров пишет о том, что в античной эстетике существовал параллелизм двух очень важных «непереводимых понятий: «этос» (ethos) и «патос» (pathos). Первое означает устойчивое, ненарушаемое душевное состояние, второе — нарушенное, приведенное в расстройство.

В плане же содержания «этос» означает постоянный характер персонажа, не зависящий от ситуации, в которую он попадает, а «патос» — те временные изменения, которые он претерпевает» [1, с.450,451].

И «патос», и «этос» присутствуют у Шепарда, но в каком-то новом качестве. Сама ситуация, фабула его произведений, в особенности ранних, движется, если так можно выразиться, по прямой, жизнь не становится ни лучше, ни хуже. Что меняется между первым и вторым актом «Ла-Туристы», кроме разве что воображаемого места действия. Те же двое, тот же доктор, тот же мальчик. Может быть, по-

этому любят американцы сравнивать Шепарда с Чеховым, где будто «ничего не происходит». В семейной трилогии — жизнь вокруг героев тоже меняется мало. Но вот что существенно, в произведениях Шепарда, кажется порой, что «этос» и «патос» меняются местами. Жизнь, она течет и течет, а вот характеры, сами герои постоянно меняются. «Этос» — наиболее подвижный элемент его пьес. Объективная реальность — может быть дана через будничные или мифологизированные образы — это не так и важно. Важно, что постоянно меняется сам характер, сам герой. Поэтому не только по своим эстетическим особенностям, но и по своему театральному содержанию эти пьесы относятся к «постмодернистской драме». У героев нет трагической вины, но есть «Намартема», как «результат недостаточности человеческого знания о мире, о всеобщей связи бытия, в силу чего человек и обречен время от времени поступать «ошибочно», «невыпадать» [1,453]. Действительно, люди, которых мы встречаем на этих забытых фермах, в гостиничных номерах, на старых кухнях — они живут невыпадать. Им как будто не вдохнуть вовремя воздух вокруг себя. Они смотрят в зеркало и не узнают себя. Им кажется, что это не их жизнь, что они должны жить в Мексике или в Париже (как в «Проклятье голодающего класса»). Тот, кто стал отшельником, стремится стать кинозвездой, а тот, кто успешен в бизнесе, грустит по свободе пустынь. Шепард пишет о том, что есть вещи вечные, ценности непреходящие, которые остаются сквозь все века и эпохи — вплоть до сегодняшнего дня: есть земля, есть горящий очаг, есть семья.

«Истинный запад» — пьеса о вечном соперничестве двух отчужденных, но воссоединившихся вновь братьев. Остин, младший брат, сценарист в Голливуде, живет в доме матери, которая отдыхает на Аляске. Его старший брат Ли появляется в доме после долгого отсутствия. Ли живет как хочет, он вор и долгое время прожил в пустыне. Между ними не самые теплые отношения, но Остин пытается умиротворить своего старшего брата, который, как ему кажется, намного сильнее его.

Пьеса начинается с того, как два брата сидят в доме матери. Они увиделись впервые за пять лет. Мы узнаем, что

их мать на Аляске и что дом остался на попечении Остина. Он работает над сценарием, но Ли все время отвлекает его глупыми вопросами. Кажется, что они не выносят друг друга. И когда Остин предлагает брату уйти, Ли решает обокрасть соседей и сбежать. Остин успокаивает брата и все становится на круги своя.

Ли рассказывает об уровнях защиты в доме матери и как он уехал в пустыню в поисках отца. Здесь мы не можем не подчеркнуть важность этого момента, т.к. во всех пьесах трилогии красной линией прослеживаются сложные отношения с отцами: это и Уэстон с Уэсли в «Проклятии голодающего класса», это и Додж с его сыновьями, и Тилден с Винсом в «Погребенном дите», и вот в «Истинном западе» мы снова сталкиваемся с проблемой сбежавшего отца. Эта проблема будто бы не дает Шепарду покоя. Он будто бы снова и снова воссоздает историю из своего прошлого, пытаюсь, снова и снова решить эту задачу.

Итак, после долгого рассказа Ли о его приключениях Остин просит его уйти ненадолго, т.к. вот-вот появится еще один персонаж пьесы Сол. Примечателен выбор имени для этого героя, ведь оно в переводе с английского означает *душа*, и это неслучайно. Сол — продюсер фильма, для которого Остин пишет сценарий. Ли соглашается уйти в обмен на ключи от машины, что несколько смущает брата, но выхода нет, тем более, что Ли обещает привезти машину к шести часам.

Сол вообще персонаж достаточно мифичный. Он выступает в роли чего-то или кого-то неординарного. По своей природе его можно сравнить с Воландом, персонажем из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова. Он начинает играть *душами* двух братьев как мячами для гольфа, на который он позвал Ли. Он предложит продюсеру идею для сценария, которая очень понравилась Солу. Остин было начал писать сценарий по этой идее, но отказался из-за ее бессвязности с реальной жизнью. Они ссорятся, Остин требует ключи от машины, Ли же считает, что его хотят лишить дома. В конце концов, им пришлось признать факт того, что они всю свою жизнь завидовали друг другу. Это приводит их к перемирию, и Остин даже соглашается написать сценарий.

Признание братьев будто бы переворачивает все с ног на голову. Вернувшись с игры в гольф, Ли сообщает брату, что сам напишет сценарий по своей идее, они ругаются, и теперь Остин уезжает в пустыню. Происходит переворот. Сол будто бы исполняет желание братьев прожить жизнь другого.

Остин пытается противостоять решению Сола купить сценарий Ли, пытается убедить его в бесполезности этой затеи, аргументируя свою точку зрения тем, что пьеса не актуальна, и что это провал. Сол предлагает Остину продолжить работу над пьесой, но поняв, что это бесполезно, решает найти другого сценариста, назначив встречу с Ли.

Остин пьян, докучает Ли, который на этот раз находясь «в шкуре» брата, пытается сосредоточиться на написании сценария. Ли заключает пари с Остином, что приводит

брата в бешенство. Остин отказывается покидать дом точно так же, как и Ли в первом действии, он продолжает рассуждать о бездарности Ли как сценариста. В конце концов, обессиленный, Ли просит брата о помощи и напивается вместе с ним.

И вот перед нами два брата: Остин, полирующий тостеры, которые он своровал и чем безгранично гордился, и Ли, сидящий за пишущей машинкой. Остин рассказывает, что он женат, но несчастен. И снова мы видим повторение судеб. Кто-то из братьев должен продолжить ритуал отца, должен уехать жить в пустыню. Остин умоляет Ли отвезти его туда, взамен он готов написать пьесу для Ли.

В последней сцене в полуразрушенном доме Ли и Остин работают над сценарием. Возвращается их мать, первым ее заметил Ли. Ее смущает внешний вид ее сыновей и состояние дома. Остин рассказывает матери об их с братом решении уехать в пустыню, но Ли подтрунивает над братом, считая, что он не приспособлен жить там, начинается драка, и Остин, сильно ударив брата, видит, как их расстроенная мать убегает из дома. Мать, как и в «Проклятии голодающего класса», Элла, как и мать Винса в «Погребенном дите», снова бросает своих детей. Но Остина больше волнует, что он сделал с братом, он очень сильно испугался, что убил его, но подойдя к двери, он увидел, что Ли встал. Два брата встают лицом к лицу друг с другом. Вот он, достойный финал еще одной линейной пьесы с большим количеством конфликтов без завязки, без развития, без решения.

На Западе Сэм Шепард обрел славу и имя лет двадцать назад. Привычными стали восторженные эпитеты типа «гений театра» или «величайший американский летописец своего поколения». Театральные критики даже придумали для его драматургического стиля специальный термин — «тудейзм» — с английского «тудей» — «сегодня». Современные коллизии, насилие, жестокость, шокирующие-откровенные разговоры, неформальная лексика — и здесь же: язык метафор, философские размышления, библейские мотивы.

Пожалуй, современная драматургия «новой волны» — вот единственный аналог «тудейзма». Из четырех десятков написанных драматургом пьес классическим бестселлером считается так называемая «семейная» трилогия: уже опубликованная пьеса «Где-то в Америке»..., опубликованная — «Погребенное дитя» и «Истинный запад». Не зря большинство исследователей творчества Шепарда, и мы в том числе, объединяют эти три пьесы в трилогию, во всех трех ясно просматриваются одинаковые конфликты: конфликт отца и сына, конфликт несостоявшейся личности, потерянных надежд, утраченных иллюзий. Во всех трех пьесах герои не желают больше жить так, как они живут, и во всех трех пьесах они отчаянно пытаются что-то изменить. Но все герои делают это как-то невпопад. Когда холодильник пуст, они ищут еду, когда же он полон, она им не нужна, так поступают герои «Проклятия голодающего класса»; когда он говорит, что ферма приносит урожай, Тилдену никто не верит, так по-

ступают герои «Погребенного дитя», когда у них появляется шанс стать тем, кем они хотели быть, Остин не может решиться уехать один, а Ли — написать сценарий.

Все они обречены страдать, и никто из них ничего не делает, чтобы как-то это изменить. Им проще обвинить своих отцов. Шепард же на собственном примере доказал, что став взрослым без отца, можно стать человеком, успешной личностью, писать отличные сценарии, иметь хороший дом и полный холодильник... Он как бы показывает читателям, что могло бы быть, но чего не произошло. И просит посмотреть со стороны, а вдруг и у Вас не иде-

альная «американская семья», а вдруг и у Вас есть дома отец, прошедший войну и потерявший на ней остатки жизненного любия, а вдруг и у Вас в семье есть сестра, которая совсем не славится примерным поведением, а может, Ваша мать тоже мечтает жить в Париже. Он приглашает нас присмотреться друг к другу и услышать друг друга.

И мы считаем, что подобного рода литература очень полезна для чтения, ведь она содержит в себе богатый социально-бытовой опыт и позволяет нам самим решить, что станет с Уэстоном и его матерью, как поступит Весли, и где, а главное, как дальше будут жить Остин и Ли...

Литература:

1. Гаспаров, М.Л. Избранные труды. Т. 1 О поэтах. М, 1997.

М.М. Джафаров — последовательный исследователь романтизма

Казымова Фергана Рамиз кызы, кандидат филологических наук, доцент
Нахчыванское Отделение НАН Азербайджана

Творчество академика Мамеда Джафара Джафарова было многосторонним и охватывающим широкий круг вопросов. Тем не менее, он провел в последней степени значительную работу в области исследования проблем романтизма в азербайджанской литературе. Он впервые доказал существование в литературе XX века романтизма как отдельной творческой школы наряду с реализмом, осветил прогрессивные идейно-эстетические качества этого романтизма.

Какая же творческая необходимость стала причиной исследования М. Джафаром творческого метода романтизма? Творческий путь, обусловивший решение этой проблемы, можно легко проследить. Он сначала написал знаменитую статью «Кто забудет тебя?» (4) и причина обращения к этой теме ясно изложена в первых строчках статьи: «Мухаммед Хади любил Родину, народ. Любил больше своей души и жизни. Насколько Хади всей душой любил другие народы и нации, желал им счастья и свободы, настолько же он любил и свой народ, свою нацию. К тому же любил пылкой, огненной, страстной любовью, любил всей незамутненной, чистой, незапятнанной, высокой душой.

О, родина, о, моя красота и совесть.

Не отводи от нас милосердный взгляд!

Такая верность, любовь к языку,

Не есть ли убежденная любовь к тебе?!» (4)

В статье охарактеризованы особенности, критерии романтики Хади, несущего весть о светлом будущем человека, присущие этой романтике качества, автор пришел к выводу, что красной линией лирики Хади являются патриотические мотивы: «Мухаммед Хади любил Родину, народ Любил больше своей души и жизни. Насколько Хади всей душой любил другие народы и нации, желал им

счастья и свободы, настолько же он любил и свой народ, свою нацию, любил всей незамутненной, чистой, незапятнанной, высокой душой.

О, родина, о, моя красота и совесть.

Не отводи от нас милосердный взгляд!

Такая верность, любовь к языку,

Не есть ли убежденная любовь к тебе?!»

Это печальное положение языка

Выражается в тоске моей.

В душе зреющий замысел» [4].

Великий Хади, естественно, открыл путь к великому Джавиду. Была создана монография «Гусейн Джавид» (1960) [3]. В этом богатом творчестве критика привлекли великие идеалы поэтов-романтиков. В 1957 году ученый пишет труд под названием «Об идейных особенностях в азербайджанском романтизме 1905—1917 годов», в котором разъясняет особенности азербайджанского романтизма.

Вслед за этим в 1961 году М. Джафар, защитив диссертацию по теме «Гусейн Джавид и прогрессивный романтизм в азербайджанской литературе», был удостоен ученой степени доктора филологических наук. В диссертационной работе подробно рассмотрены теоретико-эстетические основы прогрессивного романтизма, формы его проявления в творчестве М. Хади, А. Сиххата, А. Шаига, после этого подробно объяснены идейные особенности прогрессивного романтизма, вопросы любви к родине этих романтиков, проблема востока и запада, вопросы отношения к гуманизму и свободе. Большая часть диссертации посвящена Гусейну Джавиду. В труде указано, что Гусейн Джавид, являясь самым видным представителем азербайджанского романтизма, прошел очень противоречивый творческий путь. Несмотря на все про-

творчества, он оставил неизгладимый след в истории азербайджанской литературы как видный деятель искусства, самый знаменитый представитель прогрессивного романтизма. Характеризуются лирические стихотворения Джавида, его драмы в стихах и прозе, также эпические произведения и особенности мастерства.

М. Джафар анализировал каждого деятеля искусства в единстве в его средой, временем и идеологией современного ему общества, мыслями и философскими тенденциями, что проистекало из особенностей его творчества.

До исследований М.Д. Джафарова не были раскрыты идейно-художественные особенности романтизма как азербайджанского литературного течения, не были в достаточной степени рассмотрены сущность его основных направлений и положение в нашей литературе. М. Джафар для глубокого и всестороннего разъяснения литературного течения романтизма в азербайджанской литературе все эти сложные вопросы смог предварительно в точности определить.

В статье «Об идейных особенностях в азербайджанском романтизме 1905–1917 годов» (5) он впервые привел анализ конкретных исторических условий творчества романтизма в Азербайджане. Как отмечал автор, в азербайджанской литературе возникший и развивающийся романтизм «был одним из литературных событий, рожденных жизнью Азербайджана в 1905–1917 годах» [2, с.3].

В статье читателям дается подробная информация о направлениях романтизма, его философской основе, идейных особенностях, противоречиях, все раскрыто глубоко и объективным образом.

Видные представители литературного течения романтизма в азербайджанской литературе — А. Сиххат, М. Хади, А. Шаиг — привнесли ряд прогрессивных идей, оригинальных мыслей и новых литературных форм, в своих произведениях поднимали актуальные вопросы современной жизни, затрагивали насущные проблемы того периода, воспевали Национально-освободительное движение, охватившее весь Ближний Восток, свобода человеческой личности, экономический и культурный прогресс родины, вели активную борьбу за свободное и счастливое будущее.

М. Джафар в своем труде, приводя примеры из их произведений, раскрыл присущие им все общие качества и таким образом разъяснил основные особенности прогрессивного романтизма. Он кстати обсуждал и черты, отличающие романтиков друг от друга. В этом труде проблемы, имеющие большое значение для нашего литературоведения, находят решение на высоком научно-теоретическом уровне, выражены складным, ясным и публицистическим языком

Мы должны отметить, что в азербайджанской литературе романтизм являлся следующим этапом после реализма и вместо того, чтобы оказывать не него влияние, сам находился под влиянием традиций реализма.

Все эти стороны не могли не оказать влияние на идейно-художественное направление азербайджанского романтизма и его эстетические особенности, и возникла необходимость его исследования научным образом как сложного оригинального литературного феномена.

Труд М. Джафара «Романтизм в азербайджанской литературе» [2] в определенной степени удовлетворяет эту потребность в нашем литературоведении. Автор одновременно проанализировал достоинства литературного творчества романтиков азербайджанской литературы XX века, их сильные и слабые стороны, политико-социальную жизнь в связи с идейным и литературным противостоянием того периода. Идейно-художественные принципы романтизма, тема, жанровые особенности и мир образов, социальные взгляды романтиков, идеологические противоречия, язык и стиль впервые в азербайджанском литературоведении были рассмотрены таким образом с теоретической точки зрения.

Ученый-литературовед справедливо выводил особенности романтизма из его двух основных черт: во-первых, в его идейном содержании, творческих идеалах и идеологических принципах, во-вторых, непосредственно в особенностях поэтики и приемов художественного познания.

В труде азербайджанский романтизм, прежде всего, рассмотрен и охарактеризован как литературное течение, основанное на творческом методе с особым идейным содержанием, присущей только ему единой, общей темой, проблемами, средствами художественного выражения. Автор подчеркивает поэтический стиль этого романтизма, несмотря на все противоречия, представляет и анализирует азербайджанский романтизм в целом как активное, прогрессивное и целеустремленное течение.

Страницы труда, посвященные творчеству отдельных романтиков, сравнению реалистического и романтического литературных течений, анализу теории романтизма в печати начала XX века, интересны, отличаются новизной и оригинальностью.

М. Д. Джафаров в этом труде выдвигает сложные и серьезные научные проблемы, которые до него не были исследованы, касаясь же известных вопросов, еще более углубляет их анализ.

В труде романтизм в основном оценивается в сравнении и отношении с реализмом, так как данный анализ имеет много преимуществ. Автор характеризует азербайджанский романтизм как «просветительский», подробно останавливаясь на его особенностях, дает доказательный ответ тем, кто объявляет его «запоздавшим романтизмом», приводит интересные наблюдения касательно взаимоотношений романтизма и реализма.

Определяя теоретико-эстетические принципы романтизма, ученый часто с полным правом основывается на критико-теоретических произведениях писателей-романтиков (М. Хади, А. Сиххат). «Резкой критике подвергались идеализированные «образованные», кажущиеся воспитанными в современном романтическом духе, псевдонародные, как описано в стихотворении А. Сиххата

«Мусульманские просветители», критикующие среду, из которой вышли, современность, культуру видящие в том, чтобы «одеться, как аристократ, и взять зонтик», непонимающие язык и дела народа, чужающиеся национального языка и литературы, проводящие свои дни в ресторанах» [2, с.84].

«По мнению М. Хади такие «интеллигенты» не только просто не одобряли народ, но и жили только для себя, а также были подлецами, продававшими народ, свои принципы, служившими деспотизму и реакции:

Торговцы идеями, инструмент в руках деспота,
Эти подлецы себя считают талантами» [2, с. 84].

Автор дает качественный научный анализ романтизма с философской, идейной и идеологической точки зрения, с точностью наблюдает и характеризует все прогрессивные и негативные элементы в мировоззрении романтиков.

Этот труд имеет очень большое значение как оригинальное исследование, проясняющее ряд вопросов в нашей литературе XX века.

Исследователь подробно останавливается на чертах, которые отличают восточный романтизм в целом.

Обе монографии М. Д. Джафара: «Гусейн Джавид» [3] и «Романтизм в азербайджанской литературе» [2] — полноценно отражают этапы развития национальной теоретической мысли о романтизме, моменты возникновения и развития, его историческую эволюцию с методологической точки зрения. В этом труде проявился основной направляющий фактор научной мысли о романтической литературе в нашем литературоведении 60–70-х годов. «Мамед Джафар впервые поставил вопрос о ненаучности и внутренних противоречиях разделения течения романтизма в азербайджанской литературе XX века на отдельные противоборствующие направления» [1].

Труд Мамеда Джафара Джафарова, успешно защищенный им в качестве диссертации, по теме «Романтизм в Азербайджане XX века и Гусейн Джавид» (1963), написан о Гусейне Джавиде, который был великим мыслителем азербайджанской литературы XX века, прошедшим бесконечно противоречивый и сложный жизненный и творческий путь, всегда летевший на крыльях вдохновения и любви к правде, а также статьи «Гусейн Джавид», «Художественные особенности творчества Джавида», «Слово о Джавиде» и другие заложили основы современного научно-методологического направления в области исследования классического романтизма в Азербайджане.

Какое положение в истории нашей литературы у Джавида, обладавшего сложным и противоречивым мировоззрением и творческим путем, в чем состояли историко-социальные корни и причина вопиющих противоречий, существовавших в его творчестве и мировоззрении, какие стороны в творчестве Джавида ценны для нас, а какие черты устарели? — существовала необходимость дать ответы на эти вопросы, равно хорошо изучить все противоречия Джавида, как прогрессивные, так и ограниченные его черты и познакомить с ними молодое поко-

ление. Для работы над трудом о Гусейне Джавиде Мамед Джафар исследовал проблему романтизма в нашей литературе XX века, создал ясный научный взгляд на оба вопроса. В своем труде «Гусейн Джавид» автор постарался прояснить как сильные, так и слабые стороны в творчестве и мировоззрении Гусейна Джавида как одного из самых характерных представителей романтиков XX века. Какие же сильные, прогрессивные черты в романтизме Джавида?

На основе конкретных наблюдений и фактов исследователь определяет их следующим образом: понимание резких противоречий науки и философии с религией и религиозной верой, критика религиозного фанатизма (произведения «Шейх Сенан» и «Одно воспоминание»), осуждение царства капитала, понимание существования тяжелой эксплуатации рабочих буржуазией, призыв к борьбе за свои простые человеческие права всех трудящихся, угнетенных народов и наций (произведения «Шейда», «Масуд и Шафига», «Дитя Нила», «Обращение одного гуманиста к людям»), описание простых людей с любовью, поиск героев среди людей, которые являются врагами любого консерватизма, невежества, отсталости: (Джалил, Хумай, Шеида, Алагез, Хайям, Антон и др. образы), защита высоких этических идеалов, с этой точки зрения восстание против негативного поведения и семейных отношений («Афат», «Пропасть»), представление с одинаковой симпатией положительных образов людей разных национальностей, в произведении «Месть дьявола» разоблачает германских, итальянских и японских фашистов, осознание фашизма как огромной опасности и чумы для человечества, Джавид также был сильным, искусным драматургом, который дал азербайджанской литературе первые прекрасные примеры драмы в стихах, обогатил азербайджанскую поэзию с точки зрения жанра, темы, размера и так далее.

Какие же «слабые, ограниченные стороны», «идеологические ошибки» есть у Джавида? Автор и на этот вопрос дает конкретный, традиционный для своего времени ответ.

Монография и сегодня остается авторитетным обобщением для романтической и стихотворной азербайджанской драматургии, мира ее образов.

Положение Гусейна Джавида в истории нашей поэтической и художественно-философской мысли ученый, прежде всего оценивая с позиций его гуманизма и общечеловеческих идеалов, его благородных, масштабных патристических чувств, и обобщил следующим образом: «Хотя Джавид брал материалы и темы для некоторых своих произведений из жизни других народов, дух этих произведений, источник всех прогрессивных мыслей, пропагандируемых в них, — тот народ, к которому он принадлежал, его Родина, самими поэтом называемая «любимой матерью». Невозможно категорически разграничить труды Мамеда Джафара как критика и литературоведа, написанные в реалистическом и романтическом духе, также очень трудно вместить его произведения в рамки «современности» и «историчности».

Продолжая творческий поиск в области исследования литературного течения романтизма и романтической литературы, М. Джафаров написал статью «Романтика в литературе и в жизни» [6], в которой обсуждается романтика, романтический стиль и его выразительные средства. В статье ученый, затрагивая сущность романтического стиля, подробно рассмотрел отдельные художественные формы романтического стиля, его выразительные средства.

В статье с научной точки зрения дан ответ на вопрос о том, в чем же состоит первостепенная задача романтического стиля. А именно: с помощью убедительных научных доказательств опровергается точка зрения тех, кто видел первостепенную задачу романтического стиля в отражении собственных взглядов, чувств, тревог и чаяний писателя.

Литература:

1. Алышанов, Ш. Тянгидимизин мудрик агсагалы // Коммунист. — 1989. — 21 июнь
2. Джафар, М. Дж. Азербайджан едебийатында романтизм / / Сечилмиш есерлери. Дж..2. Баку: Азернешр, 1974, с.3—186
3. Джафар, М. Дж. Гусейн Джавид. — Баку: Азернешр, 1960. — 262 с.
4. Джафар, М. Дж. Сени ким унудар // Едебийат газети. — 1942. — 28 октябрь.
5. Джафар, М. Дж. 1905—1917-жи иллер Азербайджан романтизминде идея хусусийятлары хаккында // Физули душунур. — Баку, 1959. — с.152—218
6. Джафар, М. Дж. Хаяатда ве едебийатда романтика // Азербайджан. — 1959. — № 9. — с. 185—195

Языковые средства, создающие атмосферу детства, в рассказах А.П. Чехова

Кольцова Софья Сергеевна, учитель русского языка и литературы
МБОУ СОШ № 3 (г. Тула)

Детство — счастливая пора, которая видится и представляется в добром свете. Весь мир в этот период как бы изнутри пропитан только светлыми и яркими красками. Здесь нет предательства, разочарования, обмана, горя.

Детство — сквозная тема русской литературы, тема, к которой равнодушным не оставался, пожалуй, ни один русский писатель или поэт.

Обращение к творчеству А.П. Чехова в этой связи не является для нас случайным.

Чехов написал 23 рассказа, в которых центральными героями являются дети и подростки и в которых нашли себе место все возрасты от двух до семнадцати лет.

Во всех этих рассказах Чехов вводит читателя в специфический, мало изученный мир, в область постепенного формирования человеческой личности в детстве, отрочестве и ранней юности.

Детство у Чехова — особый, утраченный мир, о котором вечно тоскует взрослый человек. Чеховские герои структурно четко поделены на взрослых и детей. Детство и взрослость — два вечно противопоставляемых состояния. И если автор, несмотря на поступки ребенка,

М. Джафар затронул также вопрос идеального романтического героя. Он пришел к такому выводу, что идеальный романтический герой должен отражать в себе, прежде всего, общенародный характер. Создание такого героя возможно только в результате объединения, сплавления реалистического и романтического стилей.

Как видно, М.Д. Джафаров, подходя к каждому литературному явлению с современного научно-методологического уровня, впервые в истории теоретической мысли исследовал проблему романтизма как литературного метода, подготовил ясную и ценную программу для будущих исследований. Его исследования, основанные на напряженном труде и глубоких наблюдениях, обогатили наше литературоведение, и тем самым подняли авторитет, научный вес и монументальность его собственного творчества.

его возраст, сословие, — всегда с уважением относится к нему, то мир, который предстает перед нами на страницах рассказов писателя, не всегда ласков и щедр на заботу и уважение к ребёнку.

При помощи языковых средств, точно подобранных автором, мы видим детский мир как время слез и плача, родительской грубости и жестокости.

В рассказах А.П. Чехова мы можем встречать языковые особенности, присущие всем уровням русского языка.

Так в рассказах А.П. Чехова о детях мы будем наблюдать целые группы имён существительных, как собственных, так и нарицательных, дающих характеристику главным героям. Это могут быть имена существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, просторечные слова, бранные, уничижительные, слова с негативной окраской и т.д. Помимо имён существительных главные герои могут характеризоваться с помощью, например, имён прилагательных, эпитетов, рядов однородных членов предложения, синонимии и т.д.

Глаголы в тексте произведений характеризуют собой детскую подвижность, неспособность долго сидеть на одном

месте и выполнять один вид работы. Интересно использование междометий в рассказах, которые выражают все виды человеческих эмоций от удивления до негодования.

Обилие восклицательных и вопросительных риторических предложений в текстах говорит нам об эмоциональном настрое автора и героев произведений. Чаще всего подобные предложения встречаются в речи персонажей-детей. К особенностям синтаксиса мы можем отнести и инверсию. Речь взрослых персонажей характеризуют повелительные синтаксические конструкции по отношению к детям. Часто автор прибегает к контекстуальным антонимичным конструкциям, с помощью которых он противопоставляет мир сильного взрослого и бессилие ребенка.

Олицетворения в текстах помогают автору наиболее точно описывать агрессивность взрослой среды по отношению к миру детей, состояние, чувства ребёнка.

В рассказах, описывающих жизнь бедных детей из социальных низов, их тяжелое детство (например, «Ванька» и др.), мы встречаем обилие просторечной лексики, бранные слова.

В рассказе «Кухарка женится» семилетний мальчик пытается разгадать устройство взрослого мира и значение знаменательного события для девушки — обручения с женихом. Тема детства прослеживается уже в названии рассказа «Кухарка женится», которое нацеливает читателя на то, что повествование будет вестись с точки зрения ребёнка. Автор заведомо совершает ошибку: *кухарка* (существительное женского рода с лексическим значением «домашняя работница на кухне, стряпающая кушанья») и если мы говорим о процессе смены ею своего статуса, о замужестве, то выбираем словосочетание — вступить в брак или разговорную форму «выйти замуж». Употребленная мальчиком лексема употребляется в той же ситуации, но по отношению к лицу мужского пола. У ребенка произошла деэтимологизация значения глагола «жениться». Подобные ошибки характерны детской речи, они помогают А. П. Чехову вводить читателя в детское миропонимание.

В рассказе мы встречаем также как авторские обращения и названия семилетнего Гриши, так и от лица персонажей:

— Гриша (*«Гриша, маленький, семилетний карапузик, стоял около кухонной двери, подслушивал и заглядывал в замочную скважину»* [2]) — имя, выбранное и используемое автором, встречается на всех страницах текста, в том числе и в производных формах «Гришину спину»;

— маленький карапузик (*«Гриша, маленький, семилетний карапузик, стоял около кухонной двери, подслушивал и заглядывал в замочную скважину»* [2]) — разговорное шутовское, означающее «толстый, пухлый малыш» автор еще больше умалывает прилагательным «маленький» в значении «небольшого роста», что на первый взгляд может показаться тавтологией, однако это выражение авторской симпатии к герою.

— Гришенька (*«К Гришеньке лепетитор ходит, барыня, так она об него все свои глазищи обмозговала»* [2]) — уменьшительно-ласкательное от Григорий, употреблено в реплике няньки героя в беседе с его матерью.

В тексте мало реплик, обращенных к маленькому персонажу. Мать общается с ним четкими командными фразами: *«Ступай учиться. Не твое дело тут слушать!»* [2]. В этой отстраненности четко видна нежность и сопереживание автора маленькому герою, выраженная в использовании краткой формы личного имени мальчика, употребленная много раз в тексте произведения.

Размышления Гриши в тексте представлены пятью высказываниями, оформленными в виде прямой речи. Здесь мы можем наблюдать и риторические вопросы: *«Не понимаю, зачем это жениться?»*, *«Отчего папа и мама не заступятся?»*, и собственные вопросительные предложения *«Куда ее повели?»*. Восклицательные предложения: *«Бедная, бедная!»*, *«Сказала бы: не нравиться!»*, *«Ужасно совестно!»* [2].

В речи персонажа встречаются междометия: *фи, цыц*.

Тему детского одиночества, обездоленности в кругу близких и многие другие затрагивает автор и в рассказах, описывающих более старший детский возраст.

На страницах рассказа «Отец семейства» мы встречаем разнообразные лексические единицы, называющие одного из главных персонажей семилетнего мальчика Федю. Это, во-первых, краткая форма имени — Федя. *«Наш Федя»* — так называет ребенка мать, оправдываясь перед рассерженным отцом. В рассказе будет несколько реплик матери, однако только в первой она упоминает имя ребенка, остальные её реплики будут полны экспрессии, защищаясь от нападок мужа, она уже не разделяет себя и ребенка, остальных домочадцев.

Краткой формой имени будет на протяжении всего рассказа называть героя сам автор. В тексте произведения А. П. Чехов использует эту форму 11 раз. *«Федя, семилетний мальчик с бледным, болезненным лицом, перестает есть и опускает глаза»* [2]. Лишь однажды Чехов назовет героя *«мальчиком»*, однако эта лексема также в силу наличия в ней уменьшительно-ласкательного суффикса *-чик* говорит о его любви к Феде.

В репликах отца мы встречаем разнообразные характеристики, которые он дает своему сыну:

— мальчишка (*«Вам, например, нравится поведение этого мальчишки (Жилин трагическим жестом указывает на своего сына Федю), вы в восторге от него, а я ... я возмущаюсь»* [2]) — уничижительное к слову «мальчик»;

— сын (*«Кто из нас прав, не знаю, но смею думать, что я, как отец, лучше знаю своего сына, чем вы»* [2]) — слово общеупотребительной лексики, в данном контексте употреблено автором для эффекта отстраненности, к которому прибегает отец семейства, пронося прописные истины;

— скверный мальчишка (*«Погоди, доберусь я до тебя, скверный мальчишка»* [2]) — уничижительное

«мальчишка» автор усиливает еще больше определением, значение которого «гадкий, недостойный»;

— скотина («Пошел, стань в угол, **скотина!**» [2]) — бранное;

— мерзавец («Такие **мерз...** такие шалуны не имеют права обедать!» [2]) — разговорное бранное, означающее «подлый, безнравственный человек, негодяй» [1; Т. 2, 253]. Это слово отец не решается проговорить полностью, запинаясь на полуслове, однако оно легко читаемо в его реплике;

— шалун («Такие мерз... такие **шалуны** не имеют права обедать!» [2]) — слово, употребляемое наиболее часто в отношении детей, означающее «тот, кто шалит, резвится, проводит время в проказах» [1; Т. 4, 699];

— брат («У меня, **брат**, не будешь шалить да плакать за обедом!» [2]) — фамильярное или дружеское обращение к лицу мужского пола, в данном контексте применяется автором для отражения отцовских намерений исправить поведение ребенка, для создания эффекта единой цели отца и сына;

— болван («**Болван!**») — разговорное бранное, означающее «тупица, дурак, неуч, невежа, оболтус» [1; Т. 1, 104];

— мерзкий мальчишка («Ты знаешь, **мерзкий мальчишка**, сколько ты мне стоишь» [2]) — уничижительное «мальчишка» автор усиливает еще больше определением, значение которого «гадкий, дурной»;

— подлец этакий («Хочешь, чтоб я тебя, **подлеца этакого**, высек?» [2]) — негативность разговорного бранного слова, означающего «низкий, подлый человек», автор усиливает указательным местоимением «этакий»;

— бутуз («Ну, иди, **бутуз**, поцелуй своего отца» [2]) — разговорное ласкательное, автор вкладывает в реплику отца семейства после того, как он успокоился.

В рассказе отражением взаимоотношений отца и ребенка являются не только имена собственные, имена существительные и усиливающие их негативную окраску прилагательные, но и местоимения. В одной из реплик, словно разделяя свою жизнь и жизнь сына, отец семейства обращается к нему на вы: «После всего, что здесь произошло, **вы** свободны»;

«Я больше **в ваше** воспитание не вмешиваюсь»;

«Прошу извинения, что искренно, как отец, желая **вам** добра, обеспокоил вас и ваших руководителиц»;

«Вместе с тем раз навсегда слагаю с себя ответственность **за вашу** судьбу...» [2].

А после того, как его раздражение уходит он обращается к мальчику также, но здесь уже прослеживается заискивание перед ребенком после ссоры, отстраненность человека, не знающего, на какую ответную реакцию со стороны Феди ему рассчитывать: «Ну, что, **молодой человек?**»; «Что у вас нового, **молодой человек?**» [2]. В этом маленьком монологе отец семейства обращается к ребенку официально «**молодой человек**».

Состояние мальчика автор передает, усиливая отдельные лексемы:

— со значением «бледность» («бледный», «лицо его еще больше бледнеет», «и та же бледность на следующий день»);

— слезы, плачь, рыдания и близкие к этому состоянию («навертываются слезы», «не смей плакать», «глаза переполняются слезами», «не реветь», «начинает рыдать», «громко взвизгивает», «проходя мимо плачущего Феди», «Федя взвизгивает и рыдает еще громче»).

Речь отца переполнена повелительными краткими односоставными синтаксическими конструкциями: «Сядь хорошенько!», «Ешь!», «Держи ложку как следует!», «Не смей плакать!», «Гляди на меня прямо!», «Пошел, стань в угол, скотина!», «Не реветь!», «Молчать!». Они перемежаются риторическими восклицаниями и вопросами: «Поглядите, как он сидит!», «Ты плакать?», «Ты виноват, ты же и плачешь?» [2]. Из 36 предложений, обращенных к мальчику: 23 — восклицательные, 10 — вопросительные.

Рассказ «Случай с классиком», как и описанное ранее произведение «Отец семейства» вобрал в себя целую гамму оценок персонажей, которые даются 13-летнему мальчику Ване Оттепелеву.

«Ваня» — эту краткую форму имени выбирает для мальчика автор и не отступает от него на протяжении всего рассказа в своих авторских комментариях. Он не назовет его мальчиком, ребёнком и т.д., поскольку на первый план выступают прозвища матери, которые выстраиваются целыми комплексами в ходе ее причитаний:

— «**подлый мальчишка**» — разговорное уничижительное слово по отношению к мальчику усилено определением в значении «бесчестный, низкий, презренный» [1; Т. 3, 197];

— «**ирод, мучитель, злое моё произволение**» — бранное просторечное «ирод» в значении «злодей, изверг» [1; Т. 1, 675] открывает целый ряд ругательств матери мальчика. Следующее далее слово «мучитель» направлено на мать, а конструкция «злое мое произволение» с главным словом «произволение» (торжественно, книжное, устаревшее в значении «воля, желание») и вовсе используется героиней для провоцирования жалости к себе, что свойственно причитаниям;

— «**дрянь такая непутящая**» — конструкция специально начата главным словом «дрянь», чтобы еще больше усилить оскорбительный эффект, а далее значение «низменный, ничтожный человек» усиливается указательным местоимением и разговорным сниженным прилагательным в значении «бестолковый, безалаберный, непутёвый»;

— «**мучитель ты мой**» — мать мальчика употребляет эту конструкцию дважды в качестве обращения и риторического восклицания, озвучивая негативные качества своего сына для провоцирования жалости к себе;

— «У других дети как дети, а у меня один-единственный — и никакой точки от него, никакого пути» [2] — в предложении на первый взгляд нет ярких оскорблений, скорее причитания, однако во фразеологической конструкции «и никакой точки, никакого пути», употребленном по отношению к «одному-единственному» ребенку, заключено отношение к сыну как к неудачнику;

— «Разбойник мой, мучитель!» [2] — разговорное «разбойник» в значении «шалун, баловник, негодник» [1; Т. 3, 588] использовано в обращении к сыну вместе с притяжательным местоимением, что говорит о том, что причитания матери идут на спад;

— «У-у-у... иезуит, Магомет, мучитель мой!» [2] — употребленное на первом мете междометие, далее следующая пауза, обозначенная в реплике многоточием, говоря о том, что гнев матери пошел на убыль, остается жалость к себе, выражающаяся в причитаниях. Прозвища, которые она дает мальчику, уже не такие грубые, а скорее изощренные: слово «иезуит» употреблено в переносном значении «хитрый, двуличный, человек, лицемер», за ним следует имя основателя ислама Магомета, употребленное матерью вкупе с первым бесконтрольно, завершает конструкцию хорошо знакомое читателю и семье мальчика «мучитель мой», в котором опять жалость к себе и к своей судьбе;

— «возмутительный молодой человек!» — так называет жилец, «человек умный и образованный», которого мать просит высечь Ваню, поскольку у самой сил на это не хватает. Молодым человеком он зазывает мальчика в силу неблизкого знакомства, обращается к нему на вы. Принимая сторону матери, он характеризует поведение Вани и его самого при помощи лексемы «возмутительный». Он не опускается до брани, но все же принимает участие в унижении ребенка.

Единственная, кто заступает за мальчика в произведении, его тётка. Она не обращается к нему лично, но, беседуя с матерью, так характеризует его: «худенький, кашляет... погляди: тринадцать лет ему, а вид у него, точно у десятилетнего» [51]. Одной лексемой «худенький» с уменьшительно-ласкательным оттенком она выражает всю жалость к его участи.

Вопросительные предложения «Что-то ему будет сегодня? Тройка или двойка?» [2] выражают некую неопределенность и неизвестность.

Литература:

1. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
2. Чехов, А. П. Собрание сочинений — <http://a-p-chehov.ru/library/>

По своей эмоциональной окраске встречаются в тексте произведения восклицательные предложения: «Так и знала! И предчувствие моё такое было!», «Ох, господи!», «Нет, не ты, а я у тебя несчастная, подлый мальчишка! Я у тебя несчастная! Щепку ты из меня сделал, ирод, мучитель, злое мое произволение!», «Мучитель ты мой!», «Бить бы нужно, вот что!» [2] и т.д.

Словосочетания со связью согласование «тощее лицо», «покрасневшие глаза», «розовые уши» описывают внешность мальчика.

В тексте часто встречается многоточие. Оно либо заканчивает предложение, либо находится в самом предложении. Эта особенность свойственна речи Вани, т.к. отражает его неуверенность: «По греческому... Я, мамочка... Спросили меня, как будет будущее от «феро», а я... я вместо того, чтоб сказать «ойсомай», сказал «опсомай». Потом... потом... обложенное ударение не ставится, если последний слог долгий, а я... я оробел... забыл, что альфа тут долгая... взял да и поставил обложенное. Потом Артаксерксов велел перечислить энклитические частицы... Я перечислял и нечаянно местоимение впутал... Ошибся... Он и поставил двойку... Несчастный... я человек... Всю ночь занимался... Всю эту неделю в четыре часа вставал...» [2].

В предложениях «Ваня замигал глазами, скривил в сторону рот и заплакал» и «Мамаша побледнела, разинула рот и всплеснула руками» мы можем наблюдать синтаксический параллелизм конструкций. Однородные ряды сказуемых передают состояние главных героев.

В своих рассказах Антон Павлович Чехов показал нам доброго, справедливого, тянущегося к прекрасному маленького человека. Общаясь с большим миром, этот малыш может научиться многому, но это произойдет лишь тогда, когда на первое место в своей жизни взрослые будут ставить любовь к детям. А.П. Чехов к раскрытию темы детства подходит с философской точки зрения. Он опирается на детское восприятие мира для точного реалистичного описания действительности. Детство у Чехова — особый, утраченный мир, о котором вечно тоскует взрослый человек. Чеховские герои структурно чётко поделены на взрослых и детей. Детство и взрослость — два вечно противопоставляемых состояния.

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Формирование имен и фамилий у различных народов, проживающих на территории Крыма

Аблитарова Лилия Энановна, учитель русского языка и литературы
МОУ «Крымская школа» (Джанкойский р-н, Республика Крым)

В статье раскрываются особенности возникновения имен и фамилий, словообразование имён у тюркоязычных и славянских этносов, проживающих на территории Республики Крым.

Ключевые слова: антропонимия, ономастика, словообразование, имена, фамилия, этносы.

Актуальность проблемы. В XVIII веке некоторые особенности русской антропонимии — «говорящие» фамилии — были блестяще использованы сатириками и комедиографами Н.И. Новиковым, И.А. Крыловым, Д.И. Фонвизиним. Эта традиция была продолжена в XIX веке, но лишь в конце XIX — начале XX века начинают уделять настолько большое внимание изучению имён собственных и фамилий, что об антропонимах появляются специальные работы. Имена и фамилии — это своеобразная летопись, в которой отражена история народа. Изучение их этимологии рассказывает о взаимоотношениях и культурных связях с соседними народами.

Целью статьи является характеристика возникновения имён и фамилий, особенностей их словообразования и обобщения собранного материала.

Постановка проблемы. Наука о собственных именах называется *ономастикой*. Термин этот связан с греческим словом *онома* — имя. Отрасли ономастики, посвящённые изучению отдельных разрядов имён, также имеют свои особые названия. Имена людей относятся к ведению антропонимики (от греч. *антропос* — человек, ср. *антропология* — наука о человеке). Имена людей — часть истории народов. В них отражается быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты. Наш полуостров многонационален, и у каждого из народов, населяющих Крым, есть свои замечательные личные имена.

Необходимо различать официальные и неофициальные формы именования людей. В русском языке варьировались практически все формы имён, и церковные, и светские, однако светские — в значительно более широком диапазоне. В прежнее время при крещении имя ребёнка записывали в книгу регистрации, при этом обычно следовали орфографии того календаря или какой-либо другой служебной книги, которая имела в данной церкви. При получении метрики или справки о рождении имя переписывалось не буква в букву, а чаще всего так, как про-

сили родители или как считал нужным писарь. Серьёзного юридического значения расхождению записей имени в церковной книге и в метрике не придавалось; основным вариантом был церковный, и написание имени можно было дополнительно проверить по дате рождения именуемого и соотносившемуся с ней дню ангела.

В наши дни варианты имён подвергаются серьёзной переоценке. Церковный календарь как эталон, с которым сопоставляется написание и произношение имени, давно уже не действует, а при установлении соотносённости друг с другом отдельных вариантов приходится основываться на звучании и написании имени и отчасти на общественном знании взаимной сводимости отдельных вариантов. Поскольку раньше в документы попадали разные варианты имён, все они могут называться паспортными, официальными, документальными, несмотря на ряд орфографических и произносительных отличий. В народных говорах многие имена подвергались существенным переделкам, но так как в документальные записи попадали и эти формы, их также приходится считать официальными, документальными.

В неофициальных ситуациях — дома, в кругу друзей, среди товарищей по работе — людей называют неофициальными сокращёнными формами имён. Они сложились в быту для повседневного употребления, так как полные имена бывают иногда громоздкими и неудобными при общении в семье, и особенно среди детей и подростков. Эти имена, тёплые, домашние (Катя, Маша, Петя Серёжа), противопоставляются строгим официальным (Екатерина, Мария, Пётр, Сергей).

Немаловажное значение для подобной оценки сокращённых форм имён имеет ещё тот факт, что создавались они на базе имён полных, официальных, церковных при значительном участии народного творчества и под большим влиянием древнерусских дохристианских имён, исторически предшествовавших именам церковным. Например, имя Люба, сокращение от церковного Любовь,

могло быть в дохристианские времена сокращением от женского имени Любава или мужских Любим, Любомир, Нелюб; Тома — от Томила, Истома, а не только от церковного Тамара.

Таким образом, именно неофициальные домашние древнерусские имена оказались тем «проводником», который позволил новым чужим именам легче войти в словарный состав русского языка. Благодаря тому, что сокращённые формы русских имён сохранились с древнейших времён, а позже они соединились в сознании народа с новыми полными именами, эти последние были приняты нашим языком. Позже новые, похожие на эти сокращения были созданы для других заимствованных полных имён по образцу всё тех же древнерусских.

Сокращённые формы имён образуются от особых, усечённых основ, сохраняющих лишь условную общность с основами полных имён. В современном литературном языке сокращённые формы имён обычно стилистически нейтральны. Они лишь сигнализируют о том, что их употребляют люди, равные по положению, относящиеся друг к другу тепло, дружески, или о том, что их употребляют старшие по отношению к младшим.

Сокращённые формы имён могут быть противопоставлены не только полным, но и специальным ласкательным. Сравним полное имя Наталия с сокращёнными Ната, Наташа и с ласкательными Наточка, Наташенька, Наталенька, Натусенька и т.д.

Сокращённые имена столь коротки, что нередко оказываются созвучными нескольким полным именам, и наоборот, одному полному имени может соответствовать несколько сокращённых. От имени Евдокия могло бы быть ещё и Ева, но оно нам известно как самостоятельное полное имя, поэтому в качестве сокращённого почти не встречается. Имя Анастасия образовало народную форму Настасья и сокращённые Настя, Ася, Стася, Тася.

Особо следует отметить мужские сокращённые имена с конечным -ик. Эта форма иногда выручает при подыскании сокращённого имени для мальчиков (Стасик, Владик). Иногда суффикс -ик считают сугубо городским, интеллигентским. Однако он свойствен и народному имёнотворчеству, особенно в западных областях нашей страны, быть может, не без некоторого влияния польских народных говоров, где ему соответствует суффикс -ек (Владек, Рудек).

Бывает так, что при выборе имени ребёнку молодые родители не могут найти подходящей к данному имени сокращённой или ласкательной формы и поэтому отказываются от имени, которое им нравится. Действительно, ко многим именам, будь они русские или иноязычные, подобрать сокращение для употребления в семье не всегда бывает просто.

Как мало усилий прилагают иногда родители к выбору полного имени своему ребёнку, видно из того, что некоторые имена присваиваются в массовом масштабе, всем одинаковые. А ведь каждый ребёнок уже имеет свой характер, частично унаследованный от родителей! Очень

часто, например, мальчиков называют Дмитриями. Почему? Нравится сокращённое — Дима. По-видимому, такие родители не знают, что это сокращённое имя образуется от многих имён, включающих элемент -дим: Будимир, Вадим, Венедим, Дим, Никодим, Радим.

Традиционные сокращённые и уменьшительные — не единственные; к ним можно добавить много других вариантов. Вот некоторые примеры. Для имён Савва, Саватий, Савелий, Савин, несколько похожих друг на друга, существует общее для всех сокращённое — Сава. Весьма трудно образовать сокращённые формы от отдельных имён, не имевших широкого хождения, например, от Эраст, Товий, Иоиль и других. Зато просто обстоит дело с односложными мужскими именами: Ива, Том, Вар, Мар, Дан, Юст и другими [2, с. 44].

Сокращённые имена, мужские и женские, очень похожи друг на друга тем, что они нередко оканчиваются на -а, — я: Миша, Вова, Люся, Надя. Иногда по такому сокращению трудно бывает определить, относятся ли они к мужскому и женскому полному имени (Шура, Саша, Слава, Валя, Лера, Адя). Сходство мужских и женских сокращённых имён проявляется ещё и в том, что в семье или в кругу друзей форма и на -ик могут звать и девочек: Светик, Леник, Люсик, Алик, Мусик, Томик.

У крымско-татарского народа издавна было принято при рождении второго ребёнка называть его таким именем, чтобы оно начиналось с той же буквы, что и имя старшего. Например, Айше, Алие, Асие Меметовы; Сайде, Селиме, Сабрие Халиловы. Мужские имена обычно созвучны именам старших братьев: Билял — Джелял, Энвер — Сервер. Если рождались близнецы, то их называли Асан — Усеин, Амет — Мемет, Айше — Фатма, Хатидже — Халиде.

Женские имена образуются при помощи аффиксов: -де, — фе, — иле, — ине, — изе, — ре и др. Например, Тевиде, Зарифе, Адиле, Эмине, Пакизе, Мунире. Мужские имена образуются при помощи таких аффиксов: -за, — ит, — ли, — улла, — вер и т.д. например: Муртаза, Ваит, Сейдали, Абдулла, Дилявер.

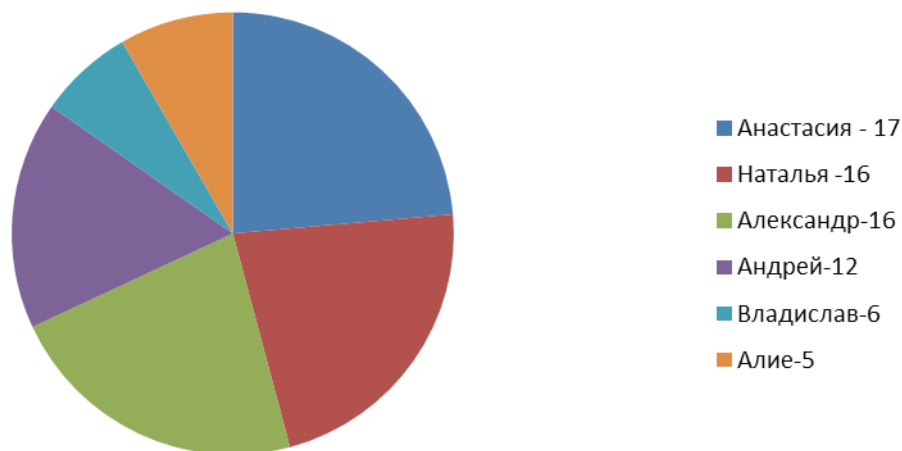
В моем ономистическом исследовании было опрошено 200 человек из числа учащихся и их родителей нашей школы, которые родились на территории республики Крым. Результаты следующие:

1) у славянских этносов — Анастасий (17 человек), Александров — 16, Наталий — 16, Андреев — 12, Владиславов — 6, Екатерин — 5, Сергеев — 5, Ален — 3;

2) у тюркоязычных этносов — Алие — 5, Диляр — 5, Русланов — 5, Эльвин — 5, Исметов — 3, Усеинов — 3, Эмине — 4, Эдемев — 3, Хатидже — 2; в единичном варианте названы Вадим, Глеб, Матвей, Олег, Ярослав, Динар, Лятиф, Осман, Ресул, Сейяр, Тевиде и многие другие.

Если учесть частоту имён по годам, то оказалось, что в 1998 г. именем Анастасия были названы 12 человек, а в 1999 г. пользовалось популярностью имя Александр (10), а имя Сергей — в 2000 г. (6). Именем Руслан больше всего называли сыновей в 1997 г. (13)

Диаграмма имен учащихся Крымской ОШ

Эти результаты мне удалось собрать в ходе анкетирования учащихся и их родителей. Многие из опрошенных знают значение и происхождение своего имени, но некоторые обращались с просьбой рассказать об истории воз-

никновения новых имён и как имя влияет на судьбу человека. Родители учащихся проявили интерес к моему исследованию и просили познакомить их с новой информацией, которая изучается в разделе «Антропонимия».

Литература:

1. Меметов, А. Крымские татары (историко-лингвистический очерк). Симферополь, 1993. — 130 с.
2. В.Е. Потехин, Д.В. Потехин Культура народов Крыма [Текст]: историческая литература / В.Е. Потехин, Д.В. Потехин. — Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 1997. — 44 с. — Библиогр.: с. 43–44.

Изменения, происходящие в антонимии фразем узбекского языка

Болтаева Барно Исакуловна, соискатель;

Шукурова Феруза Хидировна, преподаватель

Джизакский государственный педагогический институт (Узбекистан)

Фраземы являются самым выразительным средством языка. Неспроста их называют жемчужиной речи. Имеющиеся в нашем языке фраземы «не видеть под собой земли», «ходить со вздернутым носом» имеют более широкое и образное значение, чем слова, обозначающие значение этих фразем. В научной литературе лексический состав фразем трактуется как стабильный, постоянный, неизменчивый. Однако в исследованиях утверждается, что их лексический состав довольно-таки изменчив. Из этого исходит, что возникает необходимость изучения причин изменчивости общеязыковых фразем. Согласно законам природы каждый предмет, явление дополняют друг друга и вместе с этим противоречат друг другу. Фраземы тоже не составляют исключения из этого правила. Известный языковед Л.В. Щерба утверждал, что контрастность сильно притягивает наше внимание. Действительно, фраземические антонимы, с одной стороны, в качестве методического средства выражают вза-

имопротивоположные описания, сравнения и резкое противопоставление; с другой стороны, отражают реальные противоречия, существующие в окружающем нас мире. Фраземические антонимы широко используются в процессе обмена мыслями человеком, формируются на основе тех или иных его отношений к духовной жизни, на основе индивидуальной и социальной деятельности человека, его качеств, чувств и познания действительности.

В художественном тексте антонимы служат для образования антитез, а также они направлены для усиления выразительности речи. Антитеза-это стилистический метод, основанный на противопоставлении образов, понятий и идей. Писатели создают яркие, запоминающиеся образы посредством фраземических антонимов. Существуют различные формы фраземических антонимов:

— Антонимия в составе одной фраземы, построенная на основе антонимических отношений. Некоторые такие фраземы выражаются при помощи лекси-

ческих антонимов. Например, «дарёга хўл олиб бориб, қуруқ қайтариб келади» (к реке идёт мокрым, возвращается сухим — не солоно хлебавши), «егани олдида, емагани кейинда» (что пожелает — всё на готова), «ит ётиш, мирза туриш» (жить как собака, жить в беспокойстве), «кулидан кириб, косовидан чиқади» (трудолюбивая, исполнительная), «оқ ит кириб, қора ит чиқади» (говорит что попало) и др. Сравните: хўл-қуруқ (мокрый-сухой), олдида-кейинда (впереди — позади), ётмоқ — турмоқ (лежать-вставать), кирмоқ-чиқмоқ (входить-выходить). В составе других фразем-лексических антонимов не существует. Например: «дунёни сув босса, тўпигига чиқмайди» (море по колено), «мен боғдан келсам, у тоғдан келади» (я ему про Фому, а он мне — про Ерёму), «нининг учидек гап бўлса, туядек қилади» (делать из мухи слона), «юзи кулса ҳам ичи қуяди» (снаружи улыбается, а изнутри — душу кошки скребут), «осмонга чикса оёғидан, ерга кирса қулоғидан тортаман» (если высоко поднимаешься — за ногу, если в землю спустишься-то за ухо вытяну) и др. В таких примерах антонимия выделяется от фраземы полностью на основе двоякого лексического значения [1; 8].

— Антонимия, созданная посредством парности антонимических фразем, возникает в результате входа в антонимические отношения противоположных друг другу по значению двух самостоятельных фразем. Например: «дунёга келмоқ — дунёдан кетмоқ» (прийти в этот мир — уйти с этого мира), «гапида турмоқ — сўзидан қайтмоқ» (сдерживать слово — не сдерживать слово) и т.д. Ученый К. Базарбаев, изучивший фразеологизмы узбекской разговорной речи утверждал, что взаимноантонимические фразеологизмы определяются на основе антонимических слов отдельных лексических значений, входящих в состав этих фразеологизмов [2; 14]. И он же приводит примеры: в составе антонимических фразем имеются антонимические лексемы: ерга урмоқ — кўкка кўтармоқ (умалывать достоинства — возводить в небеса), ёмон кўрмоқ — яхши кўрмоқ (любить-ненавидеть), жиловини кўлга олмоқ (взять в руки управление) — жиловини кўлдан бермоқ (потерять руководство, управление), истараси иссиқ — сўхтаси совуқ (приятный на вид-холодная внешность): кўзига иссиқ кўринмоқ — кўзига совуқ кўринмоқ, кўнгли бор — кўнгли йўқ (душу притягивает — не лежит душа), кўнгли бўш — кўнгли қаттиқ (добродушие-жестокость), кўли узун — кўли калта (рука длинна — рука коротка).

В антонимической паре «гапида турмоқ — сўзидан қайтмоқ» антонимические лексемы не участвуют, потому что лексемы «турмоқ» и «қайтмоқ» не могут быть взаимноантонимами. По этому поводу языковед А. Маматов так утверждает мысль Ш. Рахматуллаева, что антонимические пары могут возникать на основе противопоставления лексических значений выражений [3; 48]. Например, юраги тош (каменное сердце) — кўнгли бўш (добрая душа), кўли очик (щедрый) — кишда қор сўрасанг бермайди (скупой), дунёга келмоқ (появиться на свет) — кўз юммоқ (отбро-

сить коньки), кўнгли жойига тушди (душа успокоилась) — юрагига гулгула тушди (места себя не находит, тревожится), кўнгли тоза (чистая душа) — ичи қора (темная душа), оралари бузук (черная кошка пробежала между ними) — оралари якин (их водой не разольёшь), оғзининг танобини тортмоқ (заставить замолчать) — оғзининг жиловни қочди (язык развязался), гапидан қайтмоқ (не сдерживать слова) — гапида турмоқ (сдерживать слово, стоять на своём), турмушга чиқмоқ (выйти замуж) — эрдан чиқмоқ (развестись с мужем).

— Фраземы, входящие в антонимические отношения, со структурной точки зрения тоже могут быть разными, со структурной точки зрения бывают и похожими. Например, гапида турмоқ (стоять на своём, сдерживать слово), ўзига келмоқ (прийти в себя) — ўзидан кетмоқ (возмнить о себе высоко), кўли узун (рука длинна), кўли калта (рука коротка) и др. Разноструктурные антонимические пары со структурной точки зрения бывают разные.

Например, ташвиш тортмоқ (переживать) — ичига чироқ ёқилгандай бўлди (в душе просветлело); юзи кулса ҳам ичи чироқ ёкса ёришмади (хоть и улыбается, а в душе кошки скребут); кўли очик (щедрая душа) — тутунини булут кўрмас, ювиндисини ит (скупой человек).

— Иногда антонимия фразем, состоящая из одинаковых лексических компонентов, как и в других тюркских языках, могут распознаваться посредством аффикса с отрицательным значением (-ма). Например, бўлса бўлар, бўлмаса говлаб кетар (эх, была — не была), билса хазил, билмаса чин (узнает-шутка, не узнает правда), текканга тегиб, тегмаганга кесак отади (никого в покое не оставляет), кўзи кийди (согласен, с желанием что-то сделать) — кўзи қиймади (не согласен, нет желания что либо сделать). С лексической точки зрения в разносоставных антонимических фраземах одинаковые лексемы не участвуют. Примером этому могут служить «истараси иссиқ» (миловидная на внешность) — сўхтаси совуқ (непривлекательный), кўкка кўтармоқ (возвышать) — ерга урмоқ (унижать), хаёлига келмоқ (вспомнить) — ёдидан кўтарилмоқ (забыть, вылететь из головы). Шўрқишлоқликлар феъли қаттиқ, кўнгли юмшоқ халқ, сўка туриб алқайди, ура туриб йиғлайди. (Жители Шуркишлака — сильные характером, с доброй душой, бранят — потом жалеют, бьют — потом плачут) [4; 5].

Основываясь на внутрисистемные отношения компонентов антонимических фразеологизмов они формируются на основе противоречия друг другу образов, событий. В таких случаях опорные компоненты не входят в антонимические отношения, однако, может быть, что фразеологизмы в отдельном виде могут выражать противопоставленные значения. Например, Қарима хола оғзи қулоғида Хўжақишлоққа бориб, тарвузи қўлтиғидан тушиб қайтиб келди (Тётя Қарима была на седьмом небе от счастья, поехала В Хужақишлаке и вернулась не слона хлебавши). Сравните: оғзи қулоғида (на седьмом небе от счастья, рот до ушей) — тарвузи қўлтиғидан тушиб (вернуться с пустыми руками, не солоно хлебавши).

Известный учёный-фразеолог Б. Юлдашев утверждает, что «развитие и обогащение фразем обновляются не только за счёт появления фразеологических неологизмов, как происходит с другими единицами языка, но и за счёт имеющихся в языке семантических, грамматических и функциональных сторон выражений» [5, с. 30].

Действительно, писатели обычно не ограничиваются выбором и употреблением выражений в соответствие с целями описания. Допустимо, что фраземы изменяются и заново используются в зависимости от природы героев, их душевных состояний, образа жизни. Именно это мы можем заметить в антонимии фразем. Обратим внимание на следующее предложение: Кимнингдир сабр косаси чукуррок, бошқа бировники саёзрок бўлади (Кто-то терпелив, а кто-то нетерпелив) [6, с. 76]. Известно, что фразема «Сабр косаси тўлмоқ» (Чаша терпения переполнена) существует в языке и она означает, что больше нет сил терпеть. Писатель, чтобы придать ещё большую эмоциональную окраску выражению, немного видоизменяет фразему. Сравните: сабр косаси чукуррок (чаша терпения глубже, т.е. терпелив) -сабр косаси саёзрок (чаша терпения не глубока, т.е. нетерпелив). Или ещё один пример: «Тулки бўлса доим сувдан куруқ, оловдан ҳўл бўлиб чиқар экан» (Ловкий всегда выходит из воды сухим, а из огня мокрым) [7, с. 42]. Фразема «Сувдан куруқ чиқмоқ» (выходить из воды сухим) означает «ни от чего не пострадать, легко избавиться от чего-то» и широко используется в общезыковой лексике. Если посмотреть с логической стороны, нельзя выйти сухим из воды и эта фразема используется относительно к очень ловким людям. Автор подбирает к фраземе «оловдан ҳўл бўлиб чиқмоқ» оккозиональную фразему и возникает антонимическая пара.

Также, Б. Юлдашев, глубоко анализирувавший фраземы с методической точки зрения, останавливает своё внимание на методах образования антитез посредством фразеологических единиц, которые являются одним из способов творческого семантического изменения фразеологических единиц и представляет следующие их виды:

а) метод противопоставления антонимических фразем: Бир сўз билан бош осмонга ҳам етади, жон бўғизга ҳам келиб қолади (Одно слово может и с ног повалить, и на ноги поставить) [4, с. 392]. В этом предложении антонимическими фраземами являются «боши осмонга етмоқ» (быть на седьмом небе от счастья) — «жони бўғизга келмоқ» (дойти до седьмого колени; довести до конца).

б) посредством противопоставления контекстуальных фразеологических антонимов. Например: «Самад полвон ўлганида, унинг нонини еб тўла бўлган қизларидан кўра, калтагини еб пўла бўлган Пирмат, Ориф, Сотим, Муслим ва ичкуёв Шароф бир-бирларини кучоқлаб, қишлоқни бошларига кўтаришди» (Когда умер Самад палвон его сыновья Пирмат, Ориф, Сотим, Муслим и его зять Шараф,

которые часто получали взбучку от отца, обнявши друг друга подняли крик-плач на весь кишлак, нежели его упитанные жиром дочери) [4, с. 163]. В этом предложении использованная антонимическая пара «нони еб тўла бўлган — калтагини еб пўла бўлган» (накормленное до сыта хлебом, упитанные жиром) является авторским дополнением, а в общезыковой лексике оно не употребляется.

в) метод стыковки компонентов фразеологической единицы со словом: «Кўлидан кетганига рози бўлиб, қўлига келганига шукр қилса!» (Согласен с тем, что упустил, благодарен за то, что получил) [4, с. 426]. В этом предложении автор противопоставляет общезыковой фраземе «кўлдан кетмоқ» (упустить, потерять что-то) слово «келмоқ» (получить). Рассмотрим следующий пример: «Муаллиф ўз романида бутун умр далада кетмон чопиб, серкўёш юртида елкаси офтоб кўрмаган, кут-барокот юртида косаси оқармаган мунис ўзбек халқи сиймосини Дехқонкул тимсолида бадий талкин этади» (Автор в своём романе в образе Дехканкула обобщает образ узбекского народа, который всю жизнь трудился в поле, в таком солнечном крае его лицо не видело света, в таком обильном, богатом крае жил в нужде) [8; 4]. В этом предложении посредством противопоставления выражениям свободных словосочетаний образованы антитезы и этим автор высказал свою мысль. Обратите внимание на противопоставления: не выдавший света, серкўёш (тепла) — «елкаси офтоб кўрмаган» (жить в темноте); кут-барака (достаток, изобилие) -косаси оқармаган (жить в нужде). Если будем анализировать, то там, где солнце-все ощущают тепло, видят свет, но обратного быть не может. Выражением «елкаси офтоб кўрмаган» автор ставит цель — показать народ, который живет несчастливо, фраземой «косаси оқармаган» — показывает, как народ не видел достатка и благополучия. Создавая такую антонимию, автор не только показывает свою мысль, свою позицию, но и показывает состояние простого народа в этот период времени.

Необходимо отметить, что фразеологические антонимы намного отличаются от лексических антонимов. Во первых, основополагающие компоненты фразем не всегда входят во взаимоотношения, общезысловое значение согласуется с антонимическим значением. Во-вторых, фразеологические антонимы редко встречаются в языке, чем лексические антонимы. Но несмотря на это, писатели стараются всесторонне охватывать и употреблять фраземы. Потому что такие фраземы, выражают противопоставленные по смыслу мысли и помогают ярко воспроизвести и показать характер человека, раскрыть суть происходящего. А изменения, происходящие в антонимии фразем, показывают то, что их лексический состав очень изменчив.

Литература:

1. Рахматуллаев, Ш. Ўзбек тилининг тилининг изоҳли фразеологик лугати. — Т. 1978.

2. Бозорбоев, К. Ўзбек сўзлашув нутқи фразеологизмлари. Филология фанлари номзоди... дисс.автореферати. — Самарқанд, 2001.
3. Маматов, А. Ўзбек тили фразеологизмларининг шаклланиши масалалари. Филология фанлари доктори... дисс.автореферати. — Т. 2000.
4. Аббосхон, Н. Шўрқишлоқ. — Т. 1999.
5. Йўлдошев, Б. Ҳозирги ўзбек адабий тилида фразеологик бирликларнинг функционал-услубий хусусиятлари. Филология фанлари доктори... дисс.автореферати. — Т. 1993.
6. Тохир Малик. Иблис девори. — Т.
7. Оймоманинг қирқ эртаги. — Т. 2013.
8. Тоғай Мурод. Отамдан қолган далалар. — Т. 1993.

Оценивание на уроках русского языка в условиях введения требований нового Федерального государственного образовательного стандарта (5-е классы)

Борисова Любовь Владимировна, учитель русского языка и литературы
МБОУ гимназия № 16 (г. Мытищи, Московская обл.)

Современный этап общественного развития характеризуется рядом особенностей, предъявляющих новые требования к школьному образованию. Если раньше традиционно перед школой ставилась задача дать ученику определенную сумму знаний, умений и навыков, то в настоящее время цель образования — развитие функционально грамотной личности, способной осваивать потоки новой информации и новые виды деятельности, умеющей учиться, общаться, решать возникающие проблемы и, как следствие, быть успешной [18].

Поэтому отличие новых стандартов заключается именно в том, что целью школьного обучения является не предметный, а личностный результат. Важна прежде всего личность самого ребенка и происходящие с ней изменения, а не сумма знаний, накопленная за время обучения в школе.

В связи с переходом на Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего и среднего (полного) общего образования встает вопрос о том, как строить обучение русскому языку в новых условиях. На эти и другие вопросы можно найти ответ в Примерной программе по русскому языку для основной школы, которая составлена на основе Фундаментального ядра содержания общего образования и Требований к результатам основного общего образования, представленных в Федеральном государственном образовательном стандарте общего образования второго поколения. В ней также учитываются основные идеи и положения Программы развития и формирования универсальных учебных действий для общего образования, преемственность с примерными программами для среднего общего образования.

В Федеральном законе «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 года сказано: «Общее образование — вид образования, который направлен на развитие личности и приобретение в процессе освоения основных общеобразовательных программ знаний, умений, навыков и форми-

рование компетенции, необходимых для жизни человека в обществе, осознанного выбора профессии и получения профессионального образования» [2]. В данном документе, как и в других программных документах по модернизации, речь идет об изменении цели современного образования. Традиционный «знаниевый» подход не соответствует требованиям общества, которому необходим человек, способный адаптироваться в современном мире. Воспитание и образование — единый процесс, направленный на развитие умений, навыков, формирование информационно грамотной личности, способной к саморазвитию и самоопределению.

Русский язык играет в процессе формирования такой личности значительную роль. Осваивая язык, человек не только познает мир, но и учится жить в этом мире, приобретает ценностные ориентиры, приобщается к духовным богатствам, хранимым языком [16]. Язык является обязательным элементом гуманитарной культуры, важнейшим средством человеческого общения, формирования и духовного развития личности. Именно такое понимание роли языка в обществе определяет особое место предмета «Русский язык» среди других учебных предметов и позволяет сформулировать конечную цель его преподавания в школе, понимаемую как свободное владение русским языком [20].

В соответствии с новыми Федеральными государственными образовательными стандартами урок в школе меняет структуру, переформируясь в занятие, выстроенное в логике системно-деятельностного подхода. В связи с этим в последнее время появляются новые формы итоговой и промежуточной аттестации учащихся. Логично, что на первый план в связи с этим выходит проблема контроля знаний и оценки деятельности учащихся.

Таким образом, целью данной статьи является — исследование особенностей оценивания на уроках русского языка в условиях введения требований нового Федераль-

ного государственного образовательного стандарта (5-е классы)

В условиях традиционной системы обучения оценивались главным образом знания, а основным средством проверки являлось их воспроизведение. Остальные компоненты содержания образования — умения, эмоционально-ценностные отношения — большей частью оставались вне поля оценивания [2]. При этом оценивались

только результаты освоения отдельных предметов; оценочные задания межпредметного (универсального, метапредметного) характера практически не использовались.

Если сравнить традиционную деятельность учителя и деятельность учителя на уроке, направленном на получение метапредметных и личностных результатов, то можно увидеть ряд отличий:

Результаты обучения	Предметные результаты	Не только предметные результаты, но и личностные, метапредметные
	Нет портфолио обучающегося	Создание портфолио
	Основная оценка — оценка учителя	Ориентир на самооценку обучающегося, формирование адекватной самооценки
	Важны положительные оценки учеников по итогам контрольных работ	Учет динамики результатов обучения детей относительно самих себя. Оценка промежуточных результатов обучения

В соответствии с новым стандартом система оценки образовательных достижений школьников четко привязывается к планируемым результатам.

При оценке личностных результатов диагностируется сформированность внутренней позиции школьника, которая проявляется в эмоционально-ценностных отношениях к себе и окружающему миру. В повседневном образовательном процессе оценка личностных результатов необходима [8]. Учитель не может оставить без внимания и оценки нравственные или, наоборот, безнравственные суждения, поступки школьника. Оценка (но не отметка) проявляется в словесной характеристике. В процессе оценивания ученик становится в позицию нравственного выбора в той или иной ситуации [14]. При этом следует помнить, что такая оценка должна проходить «в форме не представляющей угрозу личности, психологической безопасности и эмоциональному статусу учащихся».

Основным объектом оценки метапредметных результатов служит сформированность ряда регулятивных, коммуникативных и познавательных универсальных действий, таких как способность принимать и сохранять учебную цель, умение осуществлять информационный поиск и др. на уроках можно проверить и такие компетенции, которые трудно (или невозможно) проверить в ходе стандартизированной итоговой проверочной работы. Например, такие умения как, взаимодействие с партнером, стремление учитывать и координировать различные мнения и позиции в сотрудничестве и др.

В рамках ФГОС каждый урок русского языка должен включать формирование тех или иных УУД. Соответственно, должна осуществляться оценка достижений школьников в этой области. В настоящее время, именно УУД становятся основным объектом оценки как в процессе внутренней, так и итоговой проверки образовательных результатов [9].

Предметные результаты, кроме некоторых личностных компетенций, содержат предметные знания и систему формируемых предметных действий.

В системе предметных знаний выделяют опорные знания (знания, освоение которых необходимо для текущего и последующего успешного обучения) и знания, дополняющие, расширяющие или углубляющие опорную систему знаний, а также служащие пропедевтикой для последующего изучения курса.

Однако, при оценке предметных результатов основную ценность представляют не собственно знания и способность воспроизводить их в стандартных учебных ситуациях, а способность использовать эти знания при решении учебно-познавательных и учебно-практических задач. Иными словами, объектом оценки являются не столько знания, сколько действия, выполняемые учащимися с предметным содержанием, в данном случае (с содержанием курса русского языка в 5-классе).

В основе многих предметных действий лежат универсальные действия, и прежде всего познавательные: использование знаково-символических средств; моделирование; сравнение, группировка и классификация объектов.

По традиционной системе оценивания образовательных достижений далеко не всегда принималась во внимание их динамика. В новой системе оценивания динамике образовательных достижений учащихся (индивидуальному прогрессу) уделяется большое внимание. Определение индивидуального прогресса или прироста образованности другими словами осуществляется путем сравнения результатов входной и выходной диагностик.

Таким образом, в качестве объектов оценивания образовательных достижений школьников выступают компетенции, относящиеся к личностным, метапредметным, предметным результатам образования, а также динамика образовательных достижений (прогресс).

Что касается вопроса соотношения оценки и отметки в процедуре оценивания, то он может решаться следующим образом: оцениваться может любое, особенно успешное действие (предметное, метапредметное, личностное), а фиксироваться отметкой только демонстрация умения по применению знания (решение задачи).

Традиционно процедура оценивания была прерогативой учителя. В новых условиях ситуация меняется. В процесс оценивания достигнутых результатов включается и школьник. Более того, обучение школьников оценке собственных результатов, достижений своих товарищей становится одной из целей образования.

Традиционно при оценке за точку отсчета принимался некий идеальный образец, из которого «методом вычитания», фиксируя допущенные ошибки и недочеты, формировалась оценка ученика. Согласно уровневому подходу за точку отсчета принимается не «идеальный образец», а необходимый для продолжения образования и реально достигаемый большинством учащихся опорный уровень образовательных достижений. Достижение этого опорного уровня интерпретируется как учебный успех ребенка, как исполнений им требований Стандарта. Оценку индивидуальных образовательных достижений предлагается вести «методом сложения», при котором фиксируется достижение опорного уровня и его превышение [9].

Необходимый уровень (базовый) — решение простой типовой задачи, подобной тем, что изучали уже много раз, где требуется применить сформированные умения и усвоенные знания прежде всего опорной системы, что необходимо всем. Это «хорошо, но не отлично» [2].

Программный уровень (повышенный, обязательно проверяемый) — решение нестандартной задачи, где требуется либо применить знания по новой, изучаемой в данный момент теме, либо «старые» знания и умения, но в новой, непривычной ситуации. Это уровень функциональной грамотности — «отлично»

Максимальный уровень (повышенный, не обязательно проверяемый) — решение «сверхзадачи» по неизученному материалу, когда требуется применить либо самостоятельно добытые вне уроков знания, либо новые самостоятельно усвоенные умения. Этот уровень демонстрирует исключительные успехи отдельных учеников по отдельным темам — сверх школьных требований — «превосходно» [5].

Чтобы эффективно управлять обучением учащихся, учитель должен обладать достаточной информацией, которую даст ему новая форма контроля — оценочный лист. Причем стоит отметить, что оценочный лист — довольно оперативная форма контроля, позволяющая получить информацию о знаниях и умениях школьника в виде таблицы, к которой заранее сформированы критерии. По отношению к ученику оценочный лист играет еще и мотивирующую роль, так как, глядя в него и используя критерии оценивания, ученик может сделать вывод об уровне своих знаний на уроке, в контрольной работе, по окончании изучения темы. Приведем пример такого оценочного листа для учащихся 5-х классов на уроке русского языка

Оценочный лист по теме «Правописание слов с чередующимися гласными а-о в корне», 5класс:

Фамилия, имя _____

Класс _____

Критерии	Образец задания	Самооценка	Оценка учителя	Итоговая оценка
1. Умение находить орфограмму «Буквы а-о в корне с чередованием» и правильно их писать: а) -лаг — лож-; б) -раст- (-ращ-) — рос-; в) -гар гор-; д) -зар зор-. 2. Умение графически обозначать условия выбора орфограмм.	1. Вставить пропущенные буквы, обозначить условия выбора орфограммы. а) Предл.гать усилия, распол.житься на ночлег, прил.гать усилия, изл.гать точку зрения, сл.гать стихи. б) Р.стительный мир, постепенно разр.стаются, зар.ели тростника, выр.щенные овощи, отр.сль экономики. в) Дог.рать в облаках, заг.релый юноша, ог.рок свечи, сг.рсвший куст, обг.реть на солнце. д) Оз.рять лес, утренняя з.ря, сверкают з.рницы, оз.рённый солнцем, з.рька алая.			

После написания работы, взаимо- или самопроверки обучающийся видит свои ошибки и типы орфограмм, с которыми ему предстоит поработать. Через

некоторое время, данное на подготовку, работа может быть проведена повторно, результаты проанализированы.

Анализ результатов позволяет учителю определить уровень усвоения материала каждым обучающимся и автоматически спланировать работу с ним, а накопленная информация является основанием для рационального планирования процесса повторения учебного материала. Для обучающихся оценочный лист является стимулом самообразования, так как позволяет видеть им изучаемую тему через свои действия и самостоятельно организовывать учебно-познавательную в соответствии со своими возможностями [3].

Если оценочный лист использовать как средство проверки качества знаний за четверть (при выполнении четвертной контрольной работы), учитель сможет сделать вывод о подтверждении\неподтверждении оценок обучающихся, предполагаемых для выставления в журнал, как итоговых [4].

При критериальном оценивании образовательный процесс строится таким образом, чтобы у обучающегося формировалась оценка самого себя, своих достоинств и недостатков, своих действий и возможностей, то есть самооценка. Смысл данной работы — сформировать у детей способность понимать и выбирать критерии оценивания, давать содержательную оценку тому или иному способу действий и полученному результату, уметь оценивать себя, пользуясь разными шкалами. Самооценка ребенка должна предшествовать оценке учителя, лишь тогда можно воспитать относительно адекватную самооценку.

В основе реализации основной образовательной программы лежит системно-деятельностный подход, который позволяет на каждой ступени общего образования представить цели образования в виде системы ключевых задач, отражающих направления формирования качеств личности [5]. При этом деятельностный подход отражен не только в целевом блоке Стандарта, но и в требованиях, состоящих из трех компонентов:

— *знать/понимать* — перечень необходимых для усвоения каждым учащимся знаний;

— *уметь* — владение конкретными умениями и навыками по русскому языку, основными видами речевой деятельности;

— выделена также группа знаний и умений, востребованных в практической деятельности ученика и в повседневной жизни [5].

Таким образом, сравнив деятельность учителя до введения ФГОС и на современном этапе, понимаем, что она, если не меняется коренным образом, то существенно обновляется.

Чтобы процесс введения новых образовательных стандартов протекал максимально успешно и безболезненно, педагог должен непрерывно работать над повышением своего профессионального уровня. Он должен непрерывно учиться: учиться по-новому готовиться к уроку, учиться по-новому проводить урок, учиться по-новому оценивать достижения обучающихся, учиться по-новому взаимодействовать с их родителями.

Литература:

1. Комплексная программа модернизации образования и Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа».
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.12. 2010 г. № 1897.
3. Гоглова, М. Н. Информационные инструменты управления введением ФГОС основного и среднего (полного) общего образования / М. Н. Гоглова, О. В. Покозовская // Справочник заместителя директора школы. — 2013. — № 8. — с. 5–15.
4. Зайцева, О. Н. Общеучебные техники информационной обработки текста при подготовке к ГИА по русскому языку. / О. Н. Зайцева // Справочник заместителя директора школы. — 2014. — № 4. — с. 20–30.
5. Куприянова, Г. В. Оценка качества рабочей программы учебного предмета (курса) в соответствии с требованиями ФГОС / Г. В. Куприянова // Справочник заместителя директора школы. — 2013. — № 2. — с. 5–10.
6. Примерные программы по учебным предметам. Русский язык. 5–9 класс: проект. — 3 — е изд., дораб. — М.: Просвещение, 2011. — 112с. — (Стандарты второго поколения).
7. Феденко, Л. Н. Особенности введения ФГОС среднего общего образования / Л. Н. Феденко // Вестник образования. — 2013. — № 22. — с. 21–31.
8. Цукерман, Г. А. Оценка читательской грамотности. РАО институт содержания и методов обучения отдел оценки качества общего образования. Москва, 2010
9. Цыбулько, И. П. Русский язык. Планируемые результаты. Система заданий. 5–9 классы: пособие для учителей общеобразовательных организаций / И. П. Цыбулько; под ред. Г. С. Ковалёвой, О. Б. Логиновой. — М.: Просвещение, 2014. — 192 с. — (Работаем по новым стандартам).
10. <http://www.edu.ru> — каталог образовательных Интернет-ресурсов
11. <http://www.ege.edu.ru> — портал информационной поддержки единого государственного экзамена
12. <http://www.profile-edu.ru> — сайт по профильному обучению
13. <http://www.auditorium.ru/> — Российское образование — сеть порталов
14. <http://www.teacher-edu.ru/> — научно-методический центр кадрового обеспечения общего образования ФИРО МОН РФ

15. <http://www.mon.gov.ru/> — сайт Министерства образования и науки РФ
16. <http://gramota.ru> — Портал по культуре речи
17. <http://lit.1september.ru> — сайт газеты «Первое сентября. Литература» /методические материалы/
18. <http://www.prosv.ru/> — сайт издательства «Просвещение»
19. <http://www.drofa.ru/> сайт издательства «Дрофа»
20. <http://русское-слово.рф/> сайт издательства «Русское слово»

Из истории происхождения отечественных имён собственных

Научный руководитель: Былкова Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка

Донской государственный технический университет (Ростов-на-Дону)

Крат Валерия Александровна, учащаяся 10 класса;

Носова Юлия Николаевна, учащаяся 10 класса

МБОУ Рассветовская СОШ (Ростовская обл.)

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана!
Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письмена...*

И. А. Бунин

Наука о собственных именах называется **ономастикой**. Термин этот связан с греческим словом **онома** — **имя**. Имена людей — часть истории народов. В них отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты. Любое слово, которым именовали человека, окружающие начинали воспринимать как его личное имя, и, следовательно, любое слово могло стать именем. Таким образом, **личное имя** (в древнерусском языке — **рекло, назвище, прозвище, название, прозвание, проименование**) — **это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нём с кем-нибудь другим**. Чтобы получить информацию о том или ином имени необходимо обратиться к антропонимическому словарю.

Антропонимика (от греч. **antropos** — **человек** и **опута** — **имя**) — **раздел ономастики, который изучает антропонимы, т.е. собственные имена людей**.

Кроме трехчленного именованья людей — имя, отчество, фамилия — в антропонимическую систему русского языка входят также прозвище и псевдоним. Однако цель нашего исследования — изучение истории имён и фамилий наших соотечественников.

Анализ справочной и публицистической литературы позволил нам сделать ряд наблюдений. В истории русских личных имен выделяются три этапа.

1. **Дохристианский**. В этот период исповедовались самобытные имена, созданные на восточнославянской почве средствами древнерусского языка.

До введения на Руси христианства, личные имена были ничем иным, как прозваниями, данными по тому или иному поводу. В древности люди воспринимали имена материально, как неотъемлемую часть человека. Они скрывали свои имена от врагов, считая, что одного знания имени достаточно для того, чтобы навредить кому-нибудь.

Древнерусские **имена-прозвания** представляют собой огромный интерес. Они раскрывают богатство русского народного языка. Древнерусские имена-прозвания были очень разнообразными, так как поводов для их возникновения было немало. Назовём лишь некоторые из них.

Начнём с самых распространённых имён: Первак — Первой, Второй, Вторак, Третьяк, Третий, и т.д. Мы встречаем прямых потомков этих имен — фамилии: Первов, Третьяк или Третьяков и т.д. Эти имена и фамилии **отражают очерёдность появления на свет людей, которым они присваивались**. А вот такие имена, как Черныш, Бемяк, Белый и др. **даны были по внешним характеристикам: цвету волос, кожи**.

Имена присваивались и по другим внешним признакам: росту, особенностям телосложения, характеру. Ещё один повод для появления нового имени — это время рождения (день, время суток, время года, погодные условия). Сравните, *Ночник, Вечерок, Хлад, Теплыш..*

Множество прозваний давалось по отдельным поводам и случаям. Например, имя *Ждан* носил тот ребёнок, рождения которого ждали долго или же он был желанным у родителей; *Всеволод* — богатый наследник, так как он, согласно этимологии, «владеет всем». *Любаву* все любят, она всем любя. Среди древнерусских имен есть и такие,

которые дошли до наших дней: *Вадим, Всеволод, Яромир, Мирослав, Добрыня, Забава, Василиса*.

2. **Христианский** (с X века). С введением на Руси христианства все имена этого типа были вытеснены церковными, пришедшими к нам из Византии. Среди них, помимо имен собственно греческих, были древнеримские, древнееврейские, сирийские, египетские имена, каждое из которых в своем родном языке имело какое-то значение, но при заимствовании в другой язык употреблялось лишь как имя собственное, а не как слово, обозначающее что-либо еще. Так, в свое время Византия собрала лучшие имена своего языка и языков соседних стран и канонизировала их, т.е. узаконила официально, сделав именами церковными. Таким образом, в этот период на Руси вошли в практику так называемые **календарные имена**. Они стали составной частью русского языка, частью истории русского народа. Календарными мы их сейчас называем условно, так как в течение всего времени своего существования они *давались людям по церковным календарям*. Христианизации населения Руси и обязательному при этом обряду крещения сопутствовало наречение людей новыми, христианскими именами. Эти имена, перенесенные на русскую почву эти имена не сразу вытеснили старые. О постепенности вхождения этих имен в русский быт говорит тот факт, что вплоть до XVII века русские люди, наряду с христианскими именами, даваемыми церковью, звались более понятными им мирскими именами, которые постепенно перешли в прозвища. Поэтому в старинных летописях, книгах, грамотах нередко встречаются такие сложные названия людей, как *«боярин Феодор, зовомый Дорога»*, *«Федот Офонасьев сын, прозвище Огурец»*, *«Осташко, прозвище Первушка»*, *«Алексей, прозвище Будила, Семенов сын»*.

К XVIII–XIX вв. древнерусские имена были уже полностью забыты, а имена христианские в значительной степени изменили свой облик, приспособившись к особенностям русского произношения, словоизменения и словообразования. Так, имя *Аквилина* приняло в русском языке форму *Акулина*, *Диомид* — *Демид*, *Иеремия* — *Еремей*, *Иоанникий* — *Аникей* и т.д. Ряд имен до недавнего времени употреблялся в двух вариантах: церковном, стоящем ближе к греческому оригиналу, и гражданском, народном, более приспособленном к русскому произношению. Ср. *Сергий* и *Сергей*, *Агипий* и *Аган*, *Илья* и *Илья*, *Захарий* (*Захария*) и *Захар*.

3. **Новый этап** начался после Октябрьской революции. В первые годы основной массе рождавшихся давали старые имена. После окончания гражданской войны произошли перемены: реже стали устраивать церковные свадьбы, осуществляли положенную гражданскую регистрацию новорожденных. Этот этап также ознаменовался проникновением в русский именослов большого числа заимствованных имен и активным имитаторством. Это связано, скорее всего, с тем, что была предоставлена полная свобода в выборе имен. Созданием новых имён увлеклись особенно в городах, где, с одной стороны, в связи с антирелигиозными настроениями, а с другой стороны, из боязни

назвать ребенка слишком просто, «по-деревенски», отказывались от многих хороших русских имен, изобретая свои собственные. Их можно разделить на несколько групп:

1. Имена, **связанные с новой идеологией**: *Ревмира* (революция мира), *Диамара* (диалектический материализм);
2. Имена, **отражающие первые этапы индустриализации**: *Электрина*, *Элеватор*, *Дизель*, *Рэм*, (революция, электрификация, механизация);
3. Имена, **вычитанные в иностранных романах**: *Альфред*, *Рудольф*;
4. Имена, **данные по названиям цветов**: *Лилия*, *Астра*.

Однако мода эта быстро прошла, так как большинство новых имен оказалось такими же чуждыми для русского языка, как и многие старые, имевшиеся в «Святцах», но почти совершенно не употреблявшиеся.

И начиная с 30-х годов, опять появляются бесчисленные Маши, Саши, Сережи, т.е. опять делаются употребительными наиболее близкие русскому народу имена, хорошо освоенные русским языком. Однако этот возврат к старым именам отнюдь не означал возврата ко всему списку имен церковного календаря, более двух третей которых так и остались чуждыми русскому народу.

Наоборот, количество полюбившихся народу старых имен настолько ограничено, что, судя по материалам нашего социологического опроса, бедным Сашам и Лёшам, Димам и Максимам приходится уже в яслях зваться по фамилиям. С другой стороны, многие хорошие имена оказались незаслуженно забытыми. В результате всего этого число имен для новорожденных не увеличивается, а только варьируется от веяний моды.

Поскольку существуют многочисленные варианты одних и тех же имен, то необходимо различать официальные и неофициальные формы именования (Юлия/Юля, Валерия/Лера). В неофициальных ситуациях: дома, в кругу друзей — людей называют неофициальными сокращенными формами имен. Они сложились в быту для повседневного употребления, так как полные имена вызывают иногда громоздкими и неудобными при общении в семье, и особенно среди детей и подростков. (Екатерина — Катя, Мария — Маша, и т.д.).

В настоящее время очень часто встречаются сокращенные формы имен, которые употребляются в самых различных ситуациях, за исключением официальных. Такие имена столь коротки, что нередко оказываются созвучными нескольким полным именам, и наоборот, одному полному имени может соответствовать несколько сокращенных:

— Аграфена — Агаша, Гаша, Граня, Груня, Груша, Феня;

— Александр (а) — Ара, Аря, Аля, Алик, Ксана, Ксая, Алексаня, Алекса, Алексаша, Саша, Сашура, Шура, Саня, Санюра, Нюра, Санюша, Нюша.

— Анастасия — Настасья, Натя, Ася, Стася, Тася, Нюша.

Обратимся к истории фамилий россиян. Слово фамилия означает: семья, семейство, общесемейное имя.

Изначально у наших предков как таковых фамилий не было, их заменяли имена и прозвища. Так и писали: «*сотник, прозвище Блоха*»; «*Неупокой Карга*».

В различных общественных слоях фамилии появились в разное время. Первыми в XIV–XV вв. приобрели фамилии князья и бояре. Обычно фамилии давались по названиям вотчинных владений: *Тверской, Звенигородский, Вяземский*. В XVI–XVIII вв. формируются фамилии дворян. Среди них немало фамилий восточного происхождения, поскольку многие дворяне прибывали на службу к царю из чужих земель. В XVIII–XIX вв. стали появляться фамилии у служивых и торговых людей. В них часто отражались географические понятия по факту рождения. В XIX в. начали складываться фамилии духовенства. У крестьян не было фамилий вплоть до конца XIX в., а у некоторых они появились только в 30-е годы XX века.

Еще три столетия тому назад каждый человек мог значиться в документах, где были указаны: **крестильное имя; имя, прозвище или профессия отца; собственное прозвище; место рождения; национальность; профессия или должность**. Эта информация нашла отражение в большинстве русских фамилий. Правда, почти все те, что родились от крестильных имен, исконно русскими не назовешь: и Александр, и Григорий, и Леонид, и Фрол и около тысячи других «переданы» нам по наследству византийской церковью вместе с принятием православия. К сожалению, среди них немало режущих ухо, неблагозвучных: Авдифакс, Авиафин, Агафопус, Акакий, Акепсим, Асклипиодот, Голиндуха, Евундий, Сосипатр, Фифаил, Фусик, Христула, Худион, Яздундокта. Уже и церковь давно не настаивает на присвоении их младенцам, а фамилии-то не вычеркнешь!

Вошли в наш словарь и русифицированные фамилии иностранного происхождения (тюркские, польские, греческие, еврейские, армянские, осетинские, бурятские) представители десятков, сотен народов проживали в России. Надо, однако, помнить и то, что фамилии, кажущиеся порой заёмными, самые настоящие русские. Ведь наши предки охотно называли своих детей в честь знакомых иноземцев. Тут нет ничего удивительного: вспомним, как после первого полета Юрия Гагарина в честь его называли младенцев Юриями не только в России, но и в Китае, Мексике, Эфиопии.

Мы узнали, что современные русские фамилии, как правило, оканчиваются на **-ов/-ев или -ин** (Иван — Иванов, Сергей — Сергеев, Кузьма — Кузьмин и т.п.), то есть они образовывались с помощью суффиксов от собственных и нарицательных имен, причем большинство — от притяжательных прилагательных с суффиксами **-ов (-ев), — ин**.

Оказывается, до сих пор сохранились в неприкосновенности и те формы, что были тысячу лет назад: *Бегун,*

Варенье, Грань, Дратва, Жаворонок, Кривич, Лагерь, Маляр, Неделя, Окорок, Просвира, Ремень, Сластен, Татарин, Упырь, Хоть, Цаца, Чепура, Шатоха, Щегол, Яр. Вот какой устойчивый наш язык!

А вот отчества появились не позднее X в. и первые из них «получились» путём присоединения

— **-ич** — тоже вместо фамилий, — от мужских и женских имён: Сотко *Светинич*, Княгинин *Хотович*, Васко *Буслаевич*, Даньслав *Лазутич*, Внезд *Ячиниц*.

— **-ин** к от женским именам: Васко *Варварин*, Сенка *Оринин*, Якуш *Софьин*, Данилко *Катюшин*.

Любопытно, что имена Вера, Малюта, Чернавка, Томила были встарь еще и мужскими.

Итак, большинство русских личных имен по своему происхождению не исконно русские. Они заимствованы из греческого языка вместе с христианской религией. До этого у русских были имена, отражающие различные свойства и качества людей, их физические недостатки, особенности речи, имена, отражающие порядок появления детей в семье и отношение к ним родителей. Все эти характеристики могли быть выражены в именах как непосредственно при помощи соответствующих нарицательных существительных, так и образно, путем сравнений с растениями, животными и т.п. Так, можно отметить имена *Волк, Кот, Воробей, Горох, Берёза, Рябой, Буян, Первой, Третьяк, Большой, Меньшой, Ждан, Неждан*. Отражение этих имен мы находим в современных фамилиях Волков, Третьяков, Нежданов и т.п.

После крещения Руси церковь стала насаждать вместе с христианскими религиозными обрядами иноязычные имена, заимствованные византийской церковью у разных народов. Наряду с **каноническими** именами (так называемыми **календарными**, имеющимися в церковном календаре), такими, как *Вера, Владимир, Пётр* и т.п., а также некоторыми новыми (*Гелий, Карина* — от названия «*Карское море*» и др.), сохранились **старые славянские** (языческие) имена: *Добромысл* (от основ слов со значениями «добро», «мысль»), *Доброслав* (от основ слов со значением «добро», «слава») и др. Следы этих славянских языческих имен обнаруживаются и в фамилиях (*Неждан — Нежданов, Некрас — Некрасов* и др.).

Имя должно быть, прежде всего, привычным, созвучным с основной массой имен, находящихся в живом употреблении, большинство же новых имен — имен по предметам, имен-сокращений, иностранных имен — не привилось именно из-за своей необычности, несоотнесенности с традиционными именами, из-за слишком яркой предметности. Те же немногочисленные из новых имен, которые утвердились в нашей жизни, по своей структуре напоминают имена с вековой традицией.

Литература:

1. Еремия, А. И. Личные имена: Краткий антропонимический справочник. [Текст] / Еремия А. И., Косничану М. — Кишинев: Молдова, 1999. — 330с.

2. Петровский, Н.А. Словаря русских личных имен. [Текст] / Н.А. Петровский. — Издание 8-е, стереотипное. — М.: Дрофа, 2010. — 145с.
3. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Под ред. А. Суперанской. — М.: Дрофа, 2008. — 135с.
4. Тихонов, А.Н. Словарь русских личных имен. [Текст]: Первый гнездовой словарь имен / А.Н. Тихонов, Л.З. Бояринова, А.Г. Рыжкова. — М.: Просвещение, 2005. — 220с.
5. Федосюк, Ю.А. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. [Текст] / Ю.А. Федосюк. — 3-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1996. — 426с.
6. Щетинин, Л.М. Русские имена (Очерки по донской антропонимии) [Текст] / Л.М. Щетинин. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — 76с.

Русские паремии с компонентом-числительным четыре как носители этнокультурной специфики

Гаврилова Елизавета Геннадьевна, студент

Тюменский государственный университет, филиал в г. Тобольске

Числа играют важнейшую знаковую роль в мифопоэтическом образе мира. Они являются средством описания мира и человека, способом моделирования Вселенной, её упорядочивания. Числа используются в культуре как объект семантизации и символизации, поэтому они являются многозначительными для культуры каждой нации.

Группа паремий с компонентом-числительным **четыре** немногочисленна, но и через эти пословицы и поговорки транслируется культура русского народа, символическая осмысленность числа в славянской культуре.

Знаменитый филолог В.Н. Топоров считает, что неизменные элементы мировой структуры пространственно связаны с символами троичности и четверичности по вертикали и горизонтали. Число **четыре**, по его мнению, является, образом статической целостности, идеально устойчивой структуры [5, с. 630]. Таким образом, сущность **четверки** и ее назначение в славянской символической системе — быть статической целостностью и проявлением идеальной устойчивой структуры мироздания (четыре стороны света, времени года, ветра, стороны квадрата), что предопределило ее использование в мифах о сотворении Мира и ориентации в нем.

В народном сознании **четыре** — «полное число»: это и стан колес, и стан подков у лошади, и стан животного [2, с. 425]. Эта символика устойчивости и целостности находит отражение в понятиях русского народа: четыре стены, четыре угла дома, четыре колеса, четыре стороны света. Эти образы появились и в паремиологических единицах:

— устойчивость сооружения — *без **четырех** углов изба не рубится; жить в **четырех** стенах; **четыре** стены на **четыре** стороны;*

— наличие частей, которые должны обеспечивать устойчивость — *пропадай моя телега, все **четыре** колеса!; конь о **четырех** ногах, да и то спотыкается;*

— стороны света, направления: *в чистом поле **четыре** воли — хоть туда, хоть сюда, хоть инаково; **четыре** стороны света на **четырех** морях положены; у нас по одну сторону море, по другую горе, по третью мох, по **четвертую** «ох».*

Интерес представляет поговорка *идти на все **четыре** стороны* и её эквивалент *идти на все **четыре** ветра*. Родители в старину, провожая сына «на все четыре стороны», благословляли и наставляли его [2, с. 426]. Об этом же упоминает С.Ю. Ключников: «... Распутье четырёх дорог — та точка, на которой совершались важные магические заклинания и обряды. В древние времена на перепутье ставили сосуды с прахом умерших (позднее — иконы) — благословение путника на любом из выбранных им направлений» [1, с. 150].

Помимо символической интерпретации числа **четыре** как целостности и завершенности, в некоторых пословицах и поговорках русского народа оно называет некое усредненное количество, норму, в противовес другому компоненту-числительному, присутствующему в структуре паремий, общая же семантика этих паремий склоняется к тематической сфере «достаток — бедность». Бедных чиновников народ характеризовал так: ***четыре** полы, а бока голы; **четыре** полы — **четыре** голы, да и то не свое — в людях выпрошено*. Паремии *ах, судья, судья: **четыре** полы, восемь карманов!; на что **четыре**: живет и о пяти* характеризуют тех, кто жил в достатке и зачастую зарабатывал нечестным путем.

Особенностью паремий с компонентами — именами числительными заключается в том, что многие из них построены на основе счетных функций числительных, таким образом, компонент-числительное сохраняет свое конкретное количественное значение, но при сложении семантики всех компонентов, появляется вторичный план содержания: неопределенность, неправильность счета. Вторичный план возникает по причине логической и ма-

тематической несовместимости числительных при выполнении счетных функций. Обычно такие паремии применяются для обозначения плутовского счета, нечестного подсчета денег: *около — четыре, а прямо — шесть; покупала по четыре денежки, а продавала пару по два грошика; семь без четырех, да три улетело.*

Несмотря на то, что пословицы и поговорки с компонентом **четыре** достаточно мало, в их число входят паремии, связанные с самой животрепещущей темой для русского человека — семьей. Так, например, четверем названным отцам в жизни человека — Богу, царю, духовнику, крестному — противопоставляется один единственный родной отец: *у меня молодца четыре отца, пятый батюшка.* Ласковое наименование «батюшка» говорит о нежном отношении к родителю, который воспитывает дитя и помогает ему на протяжении всей жизни. Особое положение родного отца помогает выделить антитеза между компонентами — именами числительными, на основе которой построена паремия. Здесь компоненты **четыре** и **пятый** имеют реально-количественное значение и не несут отвлеченного смысла. Другая пословица, связанная с семейными, родственными отношениями подмечает тот факт, что жене

легче ужиться с братьями мужа, чем с его сестрой, ещё одной женщиной: *лучше деверя четыре, чем одна золовушка.* Женской вражде посвящена яркая образная пословица с другими компонентами-числительными, которая объясняет предыдущую: *семь топоров вместе лежат, а две прялки врознь.* В обоих случаях компоненты-числительные не называют конкретное число, они имеют семантику неопределенного количества: **четыре** и **семь** — неопределенного большого, **один** и **два** — неопределенного малого. Таким образом, благодаря антитезе подчеркивается сварливость женской натуры и способность идти на компромисс — мужской. Семантика неопределенного количества как вторичного плана содержания в целом свойственна компонентам — именам числительным в структуре паремий как устойчивых единиц.

Паремии передают характерные для народа образы и символы культуры, национальный способ мышления и мировосприятия. Компонент — имя числительное **четыре**, в большинстве своем, не содержит реально-количественной семантики, а благодаря его символизации, значение паремии гиперболизируется, увеличивается ее экспрессивность и образность.

Литература:

1. Ключников, С. Ю. Священная наука чисел / С. Ю. Ключников. — М.: Беловодье, 1996. — 192 с.
2. Мокиенко, В. М. Почему так говорят? / В. М. Мокиенко. — СПб.: «НОРИНТ», 2003. — 510 с.
3. Русские пословицы и поговорки: учебный словарь / авт. В. И. Зимин, С. Д. Ашурова и др. — М.: Школа-Пресс, 1994. — 320 с.
4. Словарь русских пословиц и поговорок / сост. В. П. Жуков. — М. Русский язык, 1968. — 544 с.
5. Топоров, В. Н. Числа // Мифы народов мира: Энциклопедия. — М.: Советская Энциклопедия, 1980. — Т. 2. — с. 629–631. — 722 с.

Взаимосвязанное использование диктантов и тестов в обучении русской орфографии

Граф Татьяна Александровна, студент-бакалавр
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

Статья посвящена взаимосвязанному использованию диктантов и тестов в обучении русской орфографии. Автором рассмотрена понятийная сущность терминов «диктант» и «тест»; проанализирована методика их проведения. Кроме того, сопоставлены различные виды диктантов и тестов по выделенным критериям, вошедшим в основание общей классификации. Показана возможность составления банка текстов для различных видов диктантов и соответствующих им тестовых заданий с целью комплексного использования их в обучении орфографии.

В последние десятилетия активно внедряются в теорию и практику образования современные средства оценивания результатов обучения, вследствие чего методистами, а также учителями-практиками зачастую забываются традиционные формы совершенствования и контроля орфографической грамотности. Особенно широкое распростра-

нение на всех уровнях образования получило тестирование как один из наиболее точных методов контроля и измерения знаний и умений учащихся. На практике, помимо тестов, учителям приходится выбирать разные виды упражнений и заданий для достижения тех или иных целей обучения. Зачастую они используются изолированно друг

от друга. Однако такое разделение не способно решить всех образовательных задач, а также повысить уровень продуктивности знаний. В данной статье описывается возможность использования при обучении орфографии тестовых заданий и диктантов в их совокупности.

Сравнивая дефиниции, представленные в справочной и методической литературе, мы выяснили, что ученые-методисты предлагают расширенное толкование термина «диктант». В нашем исследовании мы принимаем определение, представленное в «Словаре-справочнике по методике русского языка» М.Р. Львова. На наш взгляд, оно более полно раскрывает сущность данного понятия.

Диктант — одно из наиболее употребительных письменных грамматико-орфографических аналитико-синтетических упражнений, состоящее в воспроизведении услышанного, т.е. воспринятого на слух текста или отдельных его элементов (слуховые Д.), а также зрительно воспринятого и в отличие от списывания, фиксируемого по памяти (зрительные Д.). Письмо Д. сопровождается различными грамматическими и орфографическими заданиями [3, с. 54–55].

Обратившись к дефиниции термина «тест», мы заметили, что в научной тестологической литературе существует несколько подходов к определению указанного понятия. Это связано в первую очередь с тем, что можно встретить разные его обозначения, предназначенные для системы образования (тест: педагогический, психологический, дидактический, преподавательский и т.д.) [1, с. 100–103].

Однако в своём исследовании мы остановимся на сжатом, но достаточно полном и ёмком определении понятия «тест» как диагностического метода выявления и оценки уровня учебных достижений учащихся, взяв при этом за основу точку зрения учёного О.В. Гордиенко [1, с. 102].

Анализируя и сравнивая методики проведения диктанта и теста, мы пришли к мнению, что на отдельных этапах проведения они могут совпадать [4, с. 200–202; 1, с. 104–108]. Это проявляется в следующем:

1. Как и в заданиях тестовой формы, в диктанте не должно быть перенасыщения орфограммами.
2. Учитель должен заранее объяснить детям инструкцию. Для диктанта — это инструкция по выполнению заданий в тексте, а для теста — по способам занесения ответов в бланк.
3. Задания теста и диктанта должны соответствовать возрастным особенностям детей.
4. Не рекомендуется употреблять для проверки правописания трудные, иностранные или неизвестные детям слова, допускающие разные написания, а также предложения с авторской пунктуацией.
5. Содержание текстов для диктанта и заданий для теста должно соответствовать образовательной программе.
6. Задания теста и текст диктанта подбираются в соответствии с целью обучения: контроль (итоговая проверка) знаний или закрепление и развитие умений и навыков.

Рассмотрев классификацию тестов, мы соотнесли её с дополненной и обобщённой классификацией диктантов, предложенной профессором Остриковой Т.А. [5, с. 184–188], которая была взята нами за основу в ранее проведённом исследовании [2, с. 125]. После сопоставления этих двух классификаций, мы заметили, что некоторые подвиды диктантов и тестов имеют сходную структуру, но при этом различаются критерием, положенным в основание классификации, и терминологией обозначения тех или иных видов заданий.

Так, например, диктанты и тесты в зависимости от сложности могут быть *с поэтапным усложнением задания*. Однако критерий выделения таких видов диктантов в отдельную группу обозначен как «*виды диктантов по учебной трудности*», в то время как критерий для тестов подобного вида назван «*по гомогенности заданий*», где задания даны *либо без усложнений, либо по возрастающей трудности*. Но структура этих видов заданий совпадает, несмотря на различные критерии в классификациях.

Что нельзя сказать по следующему примеру, где критерий выделения диктантов и тестов одинаков: *цель проведения*. В соответствии с этим критерием **диктанты** могут быть *обучающие, контрольно-обучающие и контрольные*, в то время как **тесты** делятся на *констатирующие, диагностирующие и прогнозирующие*.

А вот в следующем случае и виды заданий, и критерии их выделения совпадают: *по форме проведения* **диктанты** и **тесты** могут быть как *устные*, так и *письменные*.

Именно эта проблема выделения критериев и видов в различных классификациях способствовала объединению видового многообразия диктантов и тестов в единую систему, где отражены общие критерии и соответствующие им виды диктантов и тестов (таблица 1).

Особенно отчётливо видно сходство между тестом и таким видом диктанта, как контрольный. Ведь при обучении диктанте важно не столько выявить уровень грамотности, сколько научить детей применять правила на практике, видеть «опасные» места, быстро и правильно принимать решения, накопить опыт написания диктантов. Контрольные же диктанты проводятся с целью комплексной проверки грамотности, здесь задача учеников — показать свои знания и применить навыки, так сказать, «держать оборону». Контрольный диктант проверяет усвоение слов с непроверяемыми и труднопроверяемыми орфограммами, проверка подготовки учащихся по определённой теме, а также обеспечение выявления прочности ранее приобретённых навыков [1, с. 55].

На основе анализа методики проведения диктантов и тестов, а также сравнения их различных видов, мы составили банк текстов и соответствующих тестовых заданий для применения их на практике учителями. Ниже даны примеры.

Таким образом, сравнивая методики проведения диктантов и тестов, а также тексты и задания для их проведения, можно сказать, что эти два вида работ могут и даже

Таблица 1

Классификация видов диктантов и тестов

Критерий выделения диктантов и тестов	
Виды диктантов	Виды тестов
По учебной трудности: <ul style="list-style-type: none"> • облегчённые; • нормативные; • усложнённые. 	По гомогенности заданий: <ul style="list-style-type: none"> • тесты из равнотрудных заданий; • тесты на сложность.
Цель проведения:	
<ul style="list-style-type: none"> • обучающие; • контрольно-обучающие; • контрольные. 	<ul style="list-style-type: none"> • констатирующие; • диагностирующие; • прогнозирующие.
По форме проведения:	
<ul style="list-style-type: none"> • письменный; • устно-письменный; • устный. 	<ul style="list-style-type: none"> • письменные; • устные.
По месту проведения:	
<ul style="list-style-type: none"> • в классе; • дома. 	<ul style="list-style-type: none"> • в классе; • дома.
По охвату изученных тем: <ul style="list-style-type: none"> • тематические; • универсальные 	По виду осуществляемого контроля: <ul style="list-style-type: none"> • текущего контроля; • рубежного контроля; • итогового контроля; • заключительного контроля.
По характеру языковых единиц:	По характеру проверяемых знаний и умений:
<ul style="list-style-type: none"> • текстовые; • нетекстовые. 	<ul style="list-style-type: none"> • мультимедийные; • традиционные.
По источнику ДМ и его подготовке:	По использованию средств оперативной обратной связи:
<ul style="list-style-type: none"> • учительские; • ученические. 	<ul style="list-style-type: none"> • компьютерные; • бланковые.

Таблица 2

Примеры соответствия видов диктантов и тестов

Диктант	Тест
<p><i>Распределительный диктант</i> — по указанию учителя дети распределяют слова из диктанта на группы.</p> <p><u>Задание.</u> Выписать предложения с полными причастиями в один столбик, а с краткими — в другой.</p> <p><i>В сентябрьское утро идёт первоклассник, сопровождаемый родителями, в школу, чтобы воспользоваться своим правом на образование. И трудно сказать, кто взволнован в этот час больше — ребёнок или родители. Право на образование гарантировано Конституцией. На педагогов возложена обязанность учить и воспитывать детей. А школьники должны стать образованными, много знающими людьми. Это их главная гражданская обязанность, решающая их дальнейшую судьбу.</i> (По материалам газет.)</p>	<p><i>На установление соответствия</i> — вид задания на установление соответствия между элементами двух множеств.</p> <p><u>Задание.</u> Установите соответствие.</p> <p>А. Полное причастие Б. Краткое причастие</p> <p>1. Дом построен. 2. Полы выкрашены. 3. Прочитанная книга. 4. Выращены цветы. 5. Посеянные семена.</p> <p>Ответ: А _____ Б _____</p>

<p><i>Выборочный диктант</i> — производится запись не всего текста, а лишь отдельных слов, словосочетаний или предложений.</p> <p><u>Задание.</u> Выпишите из текста слова с чередованием в корнях -РАСТ-//-РАЩ-//-РОС-.</p> <p><i>Жил-был мальчик по имени Нильс. Однажды он обидел сказочного гнома, и тот превратил Нильса в маленького человечка. Нильс очень хотел ВЫРАСТИ и снова стать обычным мальчишкой. Но для этого ему пришлось пройти через множество приключений: опуститься в подводные ЗАРОСЛИ ВОДОРОСЛЕЙ, подняться в звёздное небо, потеряться среди густых космических РАСТЕНИЙ. И только когда в душе мальчика появились РОСТКИ добра, он ВЫРОС и стал таким, как прежде. Разве может РОСТ или ВОЗРАСТ быть помехой для добрых дел?</i></p>	<p><i>Тест с выбором 1 (нескольких) правильного ответа</i> — вид задания, в котором правильным является только 1 (несколько) правильный ответ.</p> <p><u>Задание.</u> Выберите номер (номера) правильного ответа.</p> <p>Буква «а» пишется в словах:</p> <p>Выр..щенный Р..сла Р..сток Отр..сль Р..сти</p> <p>Ответ: _____</p>
<p><i>Алгоритмический диктант</i> — дети записывают слова (текст), опираясь на определённый алгоритм (схему).</p> <p><u>Задание.</u> Запишите слова, следуя алгоритму.</p> <p>ПРИСТАВКИ</p> <p>Выделить приставку.</p> <p>Определить какой звук следует после неё: звонкий или глухой.</p> <p>В соответствии с согласным звуком выбрать, какая буква будет в приставке:</p> <p>— З — если звонкий согласный</p> <p>— С — если глухой согласный</p> <p><i>Бесценный, безвкусный, разбудить, расписание, вздрогнуть, всходить, разгибаться, испортиться, бесплатный, раздать, рассмешить, взмахнуть, вскрикнуть, воссоздать, низвергаться, восславить, исцарапать, исцелить, расколоть, раздумать.</i></p>	<p><i>Тест на установление правильной последовательности</i> — в задании предполагается установить правильную очерёдность действий, операций, явлений.</p> <p><u>Задание.</u> Установите правильную последовательность действий к правилу «приставки на -З и -С»</p> <p>Определить какой звук следует после приставки: звонкий или глухой.</p> <p>В соответствии с согласным выбрать, какая буква будет в приставке.</p> <p>Выделить приставку.</p> <p>Ответ: _____</p>

должны друг с другом взаимодействовать в процессе обучения русскому языку для повышения орфографической грамотности учащихся.

Стоит отметить, что, несмотря на то, что в литературе постоянно появляются новые средства повышения орфо-

графической грамотности и оценки уровня знаний, преподавателям необходимо уметь применять данный виды заданий на уроках русского языка рационально и взаимосвязано друг с другом, ориентируясь на цели образования.

Литература:

1. Гордиенко, О. В. Современный средства оценивания результатов обучения [Текст]: практикум / О. В. Гордиенко. — Ярославль: «Литера», 2011. — 132 с.
2. Граф, Т. А. Различные подходы к типологической классификации диктантов [Текст] / Т. А. Граф // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: проблемы глобализации и сохранения национальной самобытности: материалы VIII Международной научно-практической конференции, 24–26 октября 2012 г., г. Абакан / науч. ред. И. В. Пекарская; отв. ред. В. П. Антонов. — Абакан: Издательство ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2013. — 146 с. — с. 125.
3. Львов, М. Р. Словарь-справочник по методике преподавания русского языка [Текст]: пособие для студентов педагогических вузов и колледжей / М. Р. Львов. — М.: Издательский центр «Академия», 1999. — 272 с.
4. Поздняков, Н. С. Методика преподавания русского языка [Текст]: уч. пособие для педагогических и учительских институтов / Н. С. Поздняков. — М.: Просвещение, 1952. — 319 с.
5. Острикова, Т. А. Орфография в школе: полувековой опыт обучения [Текст] / Т. А. Острикова. — М.: «Вербум-М», 2008. — 222 с.

Соотношение параметров частотности существительных с их семантическими характеристиками (на материале словаря Longman)

Грахольская Марина Ивановна, аспирант
Смоленский государственный университет

Данная статья посвящена выявлению соотношений семантических признаков высокочастотной именной лексики с частотными параметрами, а также сопоставлению частотного ядра с семантикой существительных общезыковой системы. Для достижения поставленной задачи используется коэффициент корреляции Коула.

Ключевые слова: существительные, частотность, коэффициент корреляции Коула, соотношение признаков, семантика.

В современной филологии много внимания уделяется выявлению соотношений между отдельными элементами языковой системы, а также сопоставительному анализу общезыковой системы и различных ее участков [1; 3; 5; 6]. Однако, такой участок языковой системы, как высокочастотная лексика, не получил до сих пор системного исследования в плане выявления соотношений между разноуровневыми и разноаспектными признаками частотных единиц, определяющими их специфику и позволяющими выявить наиболее важные виды структурной организации этой группы лексических единиц.

В данном исследовании главной задачей является выявление корреляций между различными рангами частотности существительных и их семантическими характеристиками. Нам представляется интересным сопоставить лексические единицы, относящиеся к разным рангам частотности, и выявить уровень их сходства и различия в пространстве семантических параметров.

Наше исследование основано на изучении существительных с разными показателями употребительности, включенных в толковый словарь Longman Dictionary of Contemporary English [10], в котором отдельно учитывается частотность использования слова как в устной речи, так и в письменной речи. Их число достигает 25282. В соответствии с данными словаря, выделяется четыре основных ранга частотности (класса). В словаре маркируются три наиболее частотных класса устной речи и три наиболее частотных класса письменной речи. Четвёртый класс обозначен отсутствием специальных помет (немар-

кированный) и представляет собой конъюнкцию частотности устной и письменной речи. В качестве помет в словаре выбраны S с индексом 1, 2, 3 для устной речи и W с индексом 1, 2, 3 для письменной речи: S 1 указывает на то, что слово входит в состав 1000 наиболее употребительных слов в устной речи; S 2 — в диапазон от 1001 и 2000; S 3 — в диапазон от 2001 и 3000; W 1 — указывает на то, что слово входит в состав 1000 наиболее употребительных слов в письменной речи; W 2 — в диапазон от 1001 и 2000; W 3 — в диапазон от 2001 и 3000. Стоит отметить, что в результате нашего отбора одно и то же слово не попадает в несколько выделенных групп, а относится к своему частотному классу.

В состав первых трех тысяч общеупотребительных слов входит 1432 существительных, т.е. количество существительных, относящихся к четвертому рангу, равно 23850. По таблице случайных чисел было отобрано 1192 лексических единицы, что составляет 5% от общего числа. Из 1432 частотных существительных были исключены случаи, когда слово является частотным только в устной или только в письменной речи, а также чьи показатели для устной и письменной речи не совпадают. Общее число существительных, привлекаемых к исследованию, составило, таким образом, 1810 единиц, их распределение показано в таблице 1. В качестве помет в нашей работе выбраны P-1, P-2, P-3, указывающие на то, что слово входит в состав 1000, 2000 и 3000 наиболее употребительных слов соответственно. Показатель P-4 относится к остальным лексическим единицам.

Таблица 1

Распределение существительных по частотности

P-1	P-2	P-3	P-4
265	231	122	1192

Для описания материала в пространстве семантических признаков используется схема, апробированная в работе Е.А. Жоголева «Факторы, определяющие аффиксальную сочетаемость существительных в совре-

менном английском языке» [4] и включающая наиболее распространенные семантические характеристики имени существительного. К ним относятся: исчисляемость ИСЧ (fact), неисчисляемость НИСЧ (light), абстрактность

АБСТ (duty), конкретность КНКР (board), собирательность СБРТ (community), вещественность ВЩСТ (blood), имя деятеля ИДТ (teacher), имя действия ИДС (pressure), имя места ИМТ (town). Стоит отметить, что учитывается основное значение существительного, т.к. именно в этом значении данное слово является наиболее употребительным. Необходимо указать, что ряд слов в своих ос-

новных значениях могут выступать (а) как исчисляемые, (б) как неисчисляемые (effect, mind и др.).

В таблице 2 показано количество существительных в каждой группе, обладающих определенным набором семантических признаков. Эта таблица состоит из двух частей: в левой части помещены абсолютные числа, в правой части — их процентные соотношения.

Таблица 2

Семантика существительных (абсолютные числа и процентные соотношения)

Признаки	P-1	P-2	P-3	P-4	P-1	P-2	P-3	P-4
	265	231	122	1192	100%	100%	100%	100%
ИСЧ	216	178	102	829	81,5	77,1	83,6	69,5
НИСЧ	85	89	36	463	32,1	38,5	29,5	38,8
АБСТ	110	66	39	244	41,5	28,6	32,0	20,5
КНКР	126	163	83	702	47,5	70,6	68,0	58,9
СБРТ	35	15	6	49	13,2	6,5	4,9	4,1
ВЩСТ	9	7	3	73	3,4	3,0	2,5	6,1
ИДС	38	45	20	247	14,3	19,5	16,4	20,7
ИДТ	7	11	9	155	2,6	4,8	7,4	13,0
ИМТ	38	12	9	54	14,3	5,2	7,4	4,5

Для выявления взаимосвязей между частотными и семантическими параметрами существительных, принадлежащих к различным классам частотности, привлекается корреляционный анализ (мера Коула) [2; 7; 8; 9; 10]. По-

мещенная ниже корреляционная таблица содержит значения меры Коула для данных соотношений. В строках таблицы 3 помещены частотные характеристики. В столбцах указаны семантические признаки.

Таблица 3

Коэффициент корреляции Коула частотных и семантических характеристик существительных

	ИСЧ	НИСЧ	АБСТ	КНКР	СБРТ	ВЩСТ	ИДС	ИДТ	ИМТ
P-1	0,27	-0,17	0,12	-0,08	0,05	-0,40	-0,11	-0,70	0,16
P-2	0,15	0,02	0,06	0,25	0,05	-0,40	-0,02	-0,53	-0,10
P-3	0,39	-0,20	0,10	0,19	0,00	-0,51	-0,17	-0,27	0,02
P-4	-0,25	0,10	-0,15	-0,08	-0,13	0,42	0,09	0,55	-0,22

Статистически значимые корреляции выделены жирным шрифтом. В дальнейшем учитываются только эти корреляции. Уровень значимости принимается равным $p=0,01$ ($df = \infty$). В нашей работе при анализе коэффициентов корреляции мы будем условно рассматривать все значения коэффициента корреляции Коула по модулю от 0 до 0,1 как слабые, от 0,1 до 0,3 — как средние по силе, от 0,3 до 0,6 — сильные. Коэффициенты от 0,6 до 1 считаются сверхсильными.

Отмечено 29 статистически значимых корреляций из 36 возможных (80,6%). Из них 15 положительных (51,7%), 14 отрицательных (48,3%). Среди сильных положительных корреляций стоит выделить соотношение между признаками P-3 и ИСЧ (certificate, shelf),

P-4 и ВЩСТ (batter, ivory), P-4 и ИДТ (inheritor, gobber).

Положительная корреляция означает взаимную обусловленность признаков, их совместную встречаемость в лексической единице. При отрицательной корреляции имеет место взаимная несовместимость характеристик.

Указанные четыре класса вступают в ряд контрарных (наличие статистически значимой зависимости для одних и тех же признаков в обеих соотносимых выборках, но с различными знаками) и контрадикторных (наличие значимой корреляции в одной выборке при отсутствии зависимости в другой) оппозиций [7] относительно семантических параметров. Между признаками, отражающими 1 и 2 ранги частотности, отмечено две контрадикторных и одна

контрарная оппозиция. Две контрарных оппозиции и одна контрарная наблюдается при сопоставлении 1 и 3 частотных классов. Между 2 и 3 классами насчитывается две контрарных оппозиции, контрарных оппозиций нет.

Большой интерес представляет их сопоставление с четвертым рангом. Наиболее диагностически значимыми оказываются признаки ИСЧ, АБСТ, КНКР, ВЩСТ, ИДТ. Первые три класса оказываются противопоставленными четвертому относительно параметров ИСЧ, АБСТ, ВЩСТ, ИДТ. Признак ИДС оказывается абсолютно не-

релевантным для первых трех частотных классов, но обнаруживается слабая положительная корреляция с четвертым классом.

Таким образом, ранг частотности существительных оказывается довольно важным маркером семантического облика этих лексических единиц. С другой стороны, семантические параметры выступают фактором для диагностирования того или иного ранга частотности существительных. Наблюдается целый ряд случаев, дифференцирующий частотную и общезыковую именную лексику по семантическим параметрам.

Литература:

1. Андреев, С. Н. Семантические метаязыки: сходства и различия // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 137–146.
2. Андреев, С. Н. Устойчивость результатов исследования языкового материала // Иностранные языки в высшей школе. — Рязань, 2005. Вып. 2. — С. 93–105.
3. Гращенков, А. С. Факторы, определяющие деривационную сочетаемость английских глаголов и существительных в подязыке делового общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Гращенков Александр Сергеевич. — Смоленск, 2012—24 с.
4. Жоголев, Е. А. Факторы, определяющие аффиксальную сочетаемость существительных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Жоголев Евгений Александрович. — Смоленск, 2006. — 18 с.
5. Зиновьева, И. В. Факторы, определяющие аффиксальную сочетаемость английских глаголов в подязыке медицины: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Зиновьева Ирина Викторовна. — Смоленск, 2009. — 24 с.
6. Никифорова, Н. А. Структурные особенности английского семантического метаязыка (на материале глагольной лексики дефиниций словаря «Macmillan English Dictionary»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Никифорова Наталья Александровна. — Смоленск, 2011а. — 21 с.
7. Сильницкий, Г. Г. Соотношение глагольных признаков различных уровней в английском языке / Г. Г. Сильницкий, С. Н. Андреев, Л. А. Кузьмин, М. И. Кусков. — Минск: Наука и техника. — 1990. — 182 с.
8. Тулдава, Ю. А. Об измерении связи качественных признаков в лингвистике: сопряженность альтернативных признаков // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов: уч. зап. Тарт. ун-та. 1988. Вып. 827. с. 146–162.
9. Тулдава, Ю. А. Проблемы и методы квантитативно-системного исследования лексики / Ю. А. Тулдава. — Таллин: Валгус. — 1987. — 204 с.
10. Cole, L. C. The measurement of Interspecific Association // Ecology. 1949. Vol. 30, № 4. P. 411–424.
11. Longman Dictionary of Contemporary English. 4th ed. Harlow: Pearson Education Ltd, 2006. 1950 p.

Детализация языковой личности студента среднего профессионального образования

Забунова Кристина Николаевна, магистрант
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Речь человека — его внутренний портрет. Д. Карнеги утверждал, что о человеке всегда судят по его речи, которая может рассказать проницательным слушателям о том обществе, в котором он находится, об уровне интеллекта, образования и культуры [6].

В современном языкознании проблема изучения языковой личности является одной из весьма актуальных,

поскольку «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — к человеку, к конкретной языковой личности» [5]. Для современной науки интерес представляет уже не просто человек вообще, а личность, т.е. конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным от-

ношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он занимает особое положение во Вселенной и на Земле, он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Человек — существо социальное по своей природе, человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры. Образ мира формируется у любого человека в ходе его контактов с миром и является основным понятием теории языковой личности [10].

«Слово личность, имеющее яркую окраску русского национально-языкового строя мысли, содержит в себе элементы интернационального и, прежде всего, европейского понимания соответствующего круга идей и представлений о человеке и обществе, о социальной индивидуальности в её отношении к коллективу и государству» [2].

Языковая личность — социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов, при этом языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей — из индивидуальных языковых особенностей [8].

Существует множество классификаций языковой личности по различным аспектам. О. А. Кадилина предлагает классификацию, включающую три компонента: 1) слабая языковая личность; 2) усредненная языковая личность; 3) сильная (элитарная) языковая личность [4]. Нам эта классификация представляется наиболее точной. Студентов среднего профессионального образования было бы правильно отнести к слабой языковой личности.

Главный признак слабой языковой личности — плохая речь. «Плохая (в смысловом, коммуникативном, языковом отношении) речь — свидетельство несформированных когнитивных моделей, отсутствия информационных фрагментов, связи между ментальными и вербальными структурами. Аналогичным образом может быть оценена и «хорошая», и «средняя» речь» [1].

Как и сильная языковая личность, слабая языковая личность может проявлять себя практически на всех рече-коммуникативных уровнях: на фонетическом (орфо-эпическом), лексическом, семантическом, фразеологическом, грамматическом, стилистическом, логическом, прагматическом. Впрочем, в этом плане, как справедливо пишет В. И. Карасик, «важна не столько иерархия уровней, сколько идея неразрывной связи между разными сигналами, характеризующими либо престижную, либо непрестижную речь» [4].

Определить принадлежность говорящего к низкому социальному слою общества (что в подавляющем большинстве стран мира коррелирует с понятием слабой

языковой личности) возможно уже на уровне произношения, интонации. В. И. Карасик говорит о низком образовательном уровне и провинциальном происхождении и перечисляет ряд признаков «презираемого произношения» [4]. «Произношение не должно быть безграмотным, с одной стороны, и претенциозным, с другой стороны» [4].

Самая распространенная ошибка в современной коммуникации, независимо от языка, — наличие большого количества слов-паразитов, пустых звуков, не имеющих никакого смысла. Они свидетельствуют вовсе не о значительности личности, как ошибочно думают некоторые, а лишь о скудости ее словарного запаса. Аналогична роль в речи вульгарных, непристойных выражений, матерщины и уголовного жаргона (они есть «свидетельство осквернения души, нравственного неблагополучия жизни» [7], канцелярит, употребление слов и словосочетаний в несвойственных им значениях, чрезмерное употребление иноязычных слов — это «болезни нашей речи» [7]. В речи слабой языковой личности часто встречаются выражения «и все такое», «и тому подобное», выступающие в качестве детализации и абстракции [4].

Логические нарушения также являются признаком слабой языковой личности. «Наблюдения показывают, что людям свойственно на короткое время упускать из виду какой-либо существенный (чаще всего не категориальный, а характерный) признак объекта: тем самым объект в той или иной мере растождествляется в сознании субъекта, невольно относится не к своему классу, в результате чего субъект ведет себя по отношению к объекту А так, как если бы он был не-А» [9].

О. А. Кадилина пишет: «В идиостилевые параметры слабой языковой личности входят незнание норм различных стилей и жанров языка и речи, форм речевого этикета, бедность речи, однообразие лексического состава, неумение слушать собеседника и достойно отстаивать свою точку зрения, агрессивный тон, неприятный голос, наличие большого количества слов-паразитов, пустых звуков, не имеющих никакого смысла, что свидетельствует о скудости словарного запаса, логические нарушения, отсутствие умения считывать кинетическую информацию, неумение вести беседу в нужном русле, скованность, зажатость, страх перед общением и стремление избегать его, шумливость, суетливость, самонадеянность, чванство, канцелярит, употребление слов и словосочетаний в несвойственных им значениях, чрезмерное употребление иноязычных слов, применение вульгарных, непристойных выражений, брань, насмешки, критиканство без разбора, неуживчивость, неприменение похвалы и одобрения, неумение различать ситуации, требующие применения суггестивов и директивов. Слабая языковая личность считает себя умнее и значимее окружающих. В свою очередь, окружающие избегают такого человека, игнорируют, смеются над ним за глаза или даже презирают, считают дураком; могут понизить в должности» [3].

Литература:

1. Бутакова, Л. О. Языковая способность — речевая компетенция — языковой сознание индивида // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. — М.: МГУ, 2004. с. 13–14.
2. Виноградов, В. В. История слов. — М.: Толк, 1994.
3. Кадилина, О. А. Сильная / слабая языковая личность: коммуникативно-прагматические характеристики: дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2011.
4. Карасик, В. И. Речевая индикация социального статуса человека // Эссе о социальной власти языка / Под общ. ред. Л. И. Гришаевой. — Воронеж: ВГУ, 2001. с. 37–56.
5. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987. — 263 с.
6. Карнеги, Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. В. П. Зинченко и Ю. М. Жукова. — М.: Прогресс, 1989. — 720 с.
7. Колодко, В. М. «... Обращение с русским языком вызывает тревогу» // Проблемы русского и общего языкознания: Межвуз. сб. науч. тр., посв. Году русского языка. — Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2008. Вып. 6. С. 120–122.
8. Мигненко, М. А. Языковая личность в пространстве культуры // Современная лингвистика: теория и практика. Мат-лы 7-й Межвуз. научно-методич. конф. Ч. 1. — Краснодар: КВВАУЛ, 2007. с. 132–134.
9. Савицкий, В. М. Псевдоинформативные высказывания (логический аспект) // Языковая личность: проблемы креативной семантики. Сб. науч. тр. к 70-летию профессора И. В. Сентенберг. — Волгоград: ВГПУ: Перемена, 2000. с. 115–120.
10. Самосенкова, Т. В. Языковая картина мира и формирование языковой личности иностранного студента в процессе обучения культуре профессионального речевого общения // Мова: Научно-теоретический журнал по языкознанию. — Одесса: Одесский национальный ун-т им. И. И. Мечникова. 2006. № 11. с. 384–387.

Многозначная сущность морали сквозь призму модальности и культуры

Звада Оксана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет, Евразийский лингвистический институт

Цель статьи: определить моральную суть модальности. В статье используется комплексный метод лингвистического анализа. Выводы: Модальности в своём значении и моральной конкретизации выстраиваются в цепочку этических категорий

Ключевые слова: мораль, норма, стандарты, модальность.

Key words: morality, norm, standards, modality.

Модальность очень чутко отзывается на все перемены, происходящие в обществе и его культуре, и, относясь к универсальной категории человеческого языка, связана, во-первых, с культурно-социальными концептами того или иного этноса, во-вторых, как и все в языке, является связующим звеном между прошлым и настоящим. Язык как часть культуры хранит в своей памяти обычаи, провозглашая отношение добро, сострадание, любовь и т.д., как общечеловеческие универсалии и национальную ментальность. В модальности реализуется индивидуальное видение мира (его интерпретация), то есть индивидуальная ментальность. Альтернативные интерпретации в речи возникают за счет неодинакового воспроизведения объекта, различного его членения и монтажа вычленимых элементов, множественной акцептуации, прое-

цирования, символизации реальности. Модальность связывает мир внешних явлений и внутренний мир человека: человек определяет отношение высказывания к действительности (реальность / ирреальность), человек оценивает действительность, выражает своё отношение к тому, о чем сообщает [10].

Анализ эмпирического материала позволяет говорить о том, что слово *morality* (*мораль*) характеризуется сложным лексическим значением, включающим в свою структуру разнородные семантические признаки. Сущность *морали* определяется оценкой, имплицитно модальность долженствования. Под моралью следует понимать нормативно-ценностные суждения (о добре и долге), выраженные в виде требований в случае несоответствующей стандарту поведения ситуации и представ-

лениям о норме (то есть о том, что есть правильно и неправильно). Моральные суждения могут быть выражены в виде правил, размышлений, заповедей.

При обосновании нравственных требований, норм в языке используются одни и те же понятия, несмотря на различие позиций, употребляются определённые приёмы и способы рассуждений. Этот аппарат рассуждения и представляет собой язык морали, отражающий особый ментальный мир. Язык морали санкционирует специфический способ отношений между людьми, отличный от иных типов нормативной регламентации межличностных связей, складывающихся в сфере общепринятых обычаев, права, политики и т.д. Элементами языка морали являются моральные суждения и термины. Моральные суждения бывают предписательные («Люди должны говорить правду») и оценочные («Воровство есть зло»). Моральные термины («зло», «должны») выполняют роль логических сказуемых (предикатов). Существуют также дефинитивные суждения, в которых даётся определение какого-либо морального термина («Добро есть то, что отвечает интересам человека и общества»), где моральный термин является подлежащим (субъектом суждения).

Язык морали нормативен. При нравственной оценке того или иного акта индивидуальной или групповой деятельности остается в стороне её инструментальная ориентация и даже успех или неудача. Достигнутый прагматически полезный результат может быть осужден моральным вердиктом, а то, что кажется крахом надежд, получит нравственное одобрение. «Моральные суждения призваны сформировать определенное отношение к конкретным действиям, тем или иным типам поступков в человеческом сообществе. Они всегда ориентированы на партнёра по диалогу, его реакцию, хотя и варьируются по своей структуре и содержанию. В любом случае моральное суждение содержит два элемента — описательный и нормативный. Описание фиксирует деяния индивида или группы людей, в то время как нормативный элемент запечатлевается в предписании того или иного типа поведения или же оценке совершённого. Само долженствование представлено объективно, отстранённо от того лица, которое его выражает. По сути, неважно, кто является носителем утверждения о нравственно должном. Главное — сама норма, её соблюдение или несоблюдение» [4, с. 292]. Моральные требования и ценности, обращенные к человеку, имеют объективное значение, они должны соответствовать общезначимым критериям и не могут зависеть от чьих-либо симпатий или антипатий [3].

Морально-ценностное поведение предполагает наличие моральной мотивации, включающей добровольное самополагание воли и автономию духа.

Человек есть активный деятель. Человеческое действие может быть хорошим или дурным, это составляет его внутреннюю моральную ценность. Поскольку язык морали выражает некую оценку, то в нём присутствует не столько сообщение о мире, сколько отношение говорящего к этому миру. Все высказывания, в которых выра-

жается такого рода субъективная модальность, нацелены, главным образом, на оценочное или эмотивное воздействие на адресата.

Норма, долженствование, оценка, императивность являются различными видами модальности. Модальность в языкознании рассматривается как функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого. «По мнению А.М. Пешковского, категория модальности выражает только одно отношение — отношение говорящего к той связи, которая устанавливается им же между содержанием данного высказывания и действительностью, то есть «отношение к отношению». При таком подходе модальность изучается как комплексная и многоаспектная категория, активно взаимодействующая с целой системой других функционально-семантических категорий языка и тесно связанная с категориями прагматического уровня» [6, с. 303].

В русском языкознании глубокий анализ функционального диапазона модальности представлен в работе В.В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке». По мнению В.В. Виноградова, модальность может реализовывать такие значения, как возможность, необходимость, долженствование, намерение, желание, эмоциональное отношение и эмоциональную характеристику, волеизъявление, значение морально-этической, качественной и количественной оценок. Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, то есть содержит в себе указание на отношение к действительности [1].

Модальность определяется и как отношение высказывания к объективной действительности с точки зрения говорящего [9] или как оценочное отношение автора к фактам объективной действительности, воплощённое в языковой форме художественного произведения [2], [5].

Моральные нормы и требования ориентированы на идеал, следовательно, мораль основана на противоречии между должным и сущим. При помощи категорий должного и сущего моральное сознание прогнозирует будущее. Мораль в своём отношении к будущему исходит из отрицания существующего положения вещей. Первоначальная позиция морали состоит в неприятии настоящего и признании желаемого будущего, с которым связываются представления о счастье.

На стадии модальности хотения будущее приобретает незначительную модальную окраску. В дальнейшем происходит нарастание объективизации будущего, и оно последовательно осуществляется сначала в виде бесчисленных и равнозначных возможностей и, наконец, в виде долженствования (объективной необходимости). Это не исключает синхронного существования всех форм модальности в один и тот же отрезок времени с установлением их приоритета, но в данном случае в качестве исходной посылки избирается типологическое преобладание той или иной модальности, определяющей колорит

эпохи и характер культуры в целом. В этой связи можно выделить некоторые виды модальности. «Уровень объективации в предвидении будущего и степени осознания объективной необходимости выражает модальность долженствования, уровень развития нравственного сознания, в той или иной мере отдающего себе отчёт в соотношении желаемого — модальность желания и уровень возможности его реального осуществления — модальность возможности» [8]. Возможность возникает в про-

шлом или настоящем, а реализуется уже в будущем. Возможность внутренне противоречива и включает в себя как положительные, так и отрицательные варианты развития, должное выступает по преимуществу как позитивное начало социально-нравственного прогресса [7].

Модальности при своём развёртывании и моральной конкретизации выстраиваются в цепочку этических категорий, приобретающих в силу их модального значения взаимообусловленность.

Литература:

1. Виноградов, В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — 559 с.
2. Гальперин 1981. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 137 с.
3. Кондрашов, Чичина 1998. Этика. Эстетика. — Ростов н \ Д.: Феникс, 1998. — 512 с.
4. Культурология. 20 век. Словарь. — Санкт-Петербург: Универсальная книга, 1997. — 640 с.
5. Кухаренко, В. А. Практикум по интерпретации текста. Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранные языки». — М.: Просвещение, 1988. — 176 с.
6. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
7. Моральные ценности и личность / Под ред. А. И. Титаренко, Б. О. Николаева. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 176 с.
8. Моральный выбор. Под общей ред. А. И. Титаренко. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. — 344 с.
9. Москальская, О. И. Грамматика текста: Пособие по грамматике. — М.: Высшая школа, 1981. — 183 с.
10. Романова, Т. В. Лингвокультурологический аспект категории модальности. [электронный ресурс] — Режим доступа. [<http://www.hse.ru/pubs/lib/data/access/ram/ticket>]

Англо-русские гибридные образования как один из способов пополнения лексического состава русского языка

Зыкова Елена Николаевна, преподаватель

ГБ НОУ «Губернаторская кадетская школа-интернат полиции» (г. Кемерово)

В современном языкознании в последнее время часто рассматривается вопрос об интеграции иноязычной лексики в систему родного языка. Данный аспект исследуется как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Особое значение при этом придается заимствованию элементов английского словарного фонда, так как английский язык является языком — донором не только для русского языка, но и для многих других языков мира. Спорным остается вопрос о масштабах и последствиях распространения таких элементов в языке — реципиенте. Появление в современном языке англо-русских гибридов является результатом одного из самых неординарных и сложных словообразовательных процессов, при котором часто вновь образовавшиеся слова обладают не только юмористическим эффектом, свежестью, неожиданностью и благозвучием, но и имеют такие свойства, как стремление коммуникантов к сжатости, обладая при этом высокой информативностью высказывания.

Проблема развития словарного состава русского литературного языка занимает весьма значительное место

в современной лингвистике и неразрывно связана с проблемой новообразования различного происхождения.

Существует два универсальных способа пополнения словарного запаса: формирование слов на базе ресурсов русского языка по словообразовательным моделям и заимствования, одним из видов которых являются слова-гибриды, активно пополняющие словарный запас русского языка.

Несомненно, что наиболее открытой для иноязычного проникновения сферой является лексика. Английский словарный состав обогатился романской лексикой, по разным оценкам, на 60–70%, что сделало его одним из самых лексически могучих и развитых языков мира. Русский язык находится сейчас в аналогичном положении, впитывая, как губка, новую лексику самых различных тематических сфер.

Ключом к семантическому прочтению и истолкованию любого производного слова является его поверхностная морфологическая структура. Готовые производные слова — это результат деятельности говорящего, формальной операции, закрепляющей различные типы отно-

шений между явлениями и предметами объективной действительности. Результат этой деятельности фиксируется в языковой единице. В любом производном слове отражается динамизм языка и его статичность. Сложно сказать, создаем ли мы каждый раз в процессе речи по аналогии и известной нам словообразовательной модели производное слово или воспроизводим в речи готовую лексическую единицу. Несомненно, в процессе коммуникации мы прибегаем к помощи готовых единиц номинации, а также используем в нашей памяти модели создания слов. Конкретная ситуация общения определяет выбор мотивирующих единиц и формальной операции для создания производного слова. «Словообразование — это процесс, целиком ориентированный на коммуникацию, на передачу знаний о мире, на структурирование тех элементов окружающего мира, которые в процессе деятельности субъект выделил и которыми овладел» [10, с. 88].

Имеющиеся в языке лексические средства и словообразовательные механизмы дают возможность человеку использовать их для создания новых лексических единиц, удовлетворяющих его замыслу. Не случайно во многих языках, в том числе и в английском, производные слова составляют большую часть словарного состава.

Скрытую опасность для русского языка таит калькирование грамматических структур, подрывающее основы русского синтаксиса. Двусоставные наименования, созданные по типу простого сложения без свойственного русскому языку морфолого-синтаксического оформления, в которых оба элемента являются существительными, но один выполняет функцию определения, а другой — определяемого слова, нетипичны для русского языка. Подобные словообразовательные модели являются калькой английских структур (*интернет-класс, интернет-платеж, интернет-пресса; арт-сцена, арт-тусовка; веб-обозреватель, веб-представительство, веб-устройство*).

В работах лингвистов отмечается также, что один из важнейших на сегодняшний день источников проникновения иноязычной лексики в русский язык — СМИ — насыщен разного рода клишированными оборотами, которые часто также оказываются результатом калькирования.

Современную ситуацию общения в мире иногда характеризуют как эпоху глобального билингвизма «родной язык + английский язык». Среди основных факторов, обусловивших мировое господство английского языка, следует выделить:

- 1) политическое могущество и наличие развитой экономики в англоговорящих странах (в первую очередь США);
- 2) приоритет английского языка в интернет-сети;
- 3) стремление вступить во всемирное информационное общество; любое современное государство, чтобы стать технологически конкурентоспособным, должно принимать и использовать информацию, поступающую на английском языке;

4) английский язык является одним из основных языков в работе международных организаций.

Безусловно, нельзя не согласиться с тем фактом, что глобальный язык (в данном случае — английский) необходим для создания глобального сообщества, в котором возможен свободный обмен информацией и опытом, высокими компьютерными и даже нанотехнологиями, к которому целенаправленно идет современное человечество.

Однако не следует забывать о взаимосвязи языка и культуры. Исторически сложилось так, что культурные, политические, военные контакты между народами предполагают параллелизм языковых контактов. В современной же ситуации глобализации, или, как ее иногда называют, американизации, прослеживается и обратная взаимосвязь, когда всему миру навязываются англо-американский образ жизни и систему ценностей, что часто входит в противоречие с местной национальной культурой.

Подобная опасность существует и для русской культуры, причем, возможно, даже в большей степени, чем для других. В первую очередь в силу того, что после нескольких десятилетий холодной войны и различных запретов резко активизировались деловые, научные, торговые и культурные связи с Западом, американизмы стали восприниматься как своего рода стандарт в узусе на фоне заметного понижения статуса исконного слова.

Таким образом, можно говорить о начальной стадии изменения русской языковой системы и русской ментальности под воздействием англо-американской лингвокультуры, что позволяет назвать английский язык перстратом по отношению к русскому.

Определенный интерес вызывает изучение графических новообразований, создаваемых средствами двух алфавитов одновременно — латиницы и кириллицы. Такие «контаминации» лингвисты называют визуальными неологизмами (Е. В. Маринова), гибридами, кентаврами (Л. П. Крысин), графическим словообразованием (В. П. Изотов), а также словами-вкладышами и словами-матрёшками. Игра с двумя языками и алфавитами как выразительный речевой приём становится достаточно популярной, частотной и разнообразной в настоящее время. Особенно такая игра с графикой является «наглядной» для современного массмедийного дискурса: широко используется в рекламных слоганах, в газетных заголовках, в печатных материалах.

Характерной чертой таких новообразований является то, что они создаются в процессе языкового творчества, в процессе сознательного «манипулирования» со «старым» языковым материалом. Одним из способов образования контаминированных лексем, или визуальных неологизмов, является нелинейная деривация. Суть такого вида деривации заключается в том, что слова и, соответственно, смыслы, наслаиваются на одном и том же материальном отрезке, на одной и той же цепочке языковых знаков. Такие графические новообразования несут в себе двойной смысл, т.к. в них выделенный латиницей иноязычный «фрагмент» представляет собой самостоятельное

слово. Например, VIPендриваться → VIP (от англ. Very Important Person — особо важное лицо) + выпендриваться, клубиться → club (клуб) + клубиться.

В ряде гибридных новообразований происходит полное совмещение одного из исходных слов с частью другого, что на письме выделяется графически. Например, Выборная PРодукция, Экономическая PРопаганда, PРостота хуже воровства, PРофессия первоPРоходцы. В данных примерах происходит обыгрывание аббревиатуры PR (Public Relations — связи с общественностью) в структуре русского слова. Безусловно, не всегда подобные гибридные новообразования получаются удачными. Однако следует отметить, что экспрессивный потенциал графических новообразований, полученных в результате нелинейной деривации, значительно выше, чем потенциал гибридов, в которых семантическое приращение отсутствует. При сохранении кириллического облика слова новая графика визуальных неологизмов создаётся ненормированным написанием прописных букв. Новообразования-гибриды отличаются не только произвольным характером внутрисловных, межморфемных границ, но и увеличением семантического объема, семантической компрессией, что отражает стремление автора к максимальной информационной емкости текста в рамках ограниченного пространственно-временного континуума, а также желание достичь определенного стилистического (в частности, комического) эффекта. В связи с этим многие сложные дериваты, созданные неузвальными способами, отмечены явной установкой на языковую игру и имеют оценочный характер. Гибридные лексемы встречаются в общепотребительной лексике и в отраслевых субъязыках:

Хай-тек рынок и hi-tech рынок

Спам-рассылка и спам-рассылка

Ноу-хау новинки и know-how новинки

Веб-страница и web — страница

Спа-индустрия и spa-индустрия

Арт-директор и art-менеджер

Интернет — реклама и Internet — провайдер

Представляется оправданным рассматривать процесс гибридизации в качестве составной части неологизации лексического состава русского языка. В рамках же этого процесса можно выделить еще одно явление — неологизмы — самоделки — как, своего рода, индивидуализированные гибридные словосочетания: жизненный драйв вместо идиоматической формулировки сильная жизненная позиция; драйвовые личности, люди с драйвом, вместо полные энергии, цели, устремленные личности, инициативные люди. При этом мы полагаем, что подобные гибридные речевые единицы являются следствием языковых амбициозных предпочтений русскоговорящих коммуникантов.

Слова — гибриды с английским корнем демонстрируют актуализацию валентности морфологических моделей русского языка и вместе с тем адаптацию или натурализацию иноязычного элемента. Очевидно, что морфологические категории приписываются английскому слову

по грамматическому роду русского эквивалента (наша Russia», опустошенное Space»), а так же то, что скрытый смысл может выявляться только при знании английского языка. Вот здесь — то мы и можем говорить не только «гибридизации», но и о языковой игре слов — гибридов. Главной коммуникативной задачей говорящего, использующего языковую игру, является намеренное отстранение от слова, словесная рефлексия и в сознании адресанта, и в сознании адресата речи.

Психологи считают игру одним из свойств человеческой культуры. Авторы учебного пособия «Основы психолингвистики» И.Н. Горелов и К.С. Седов рассматривают игру как вид деятельности, который не преследует каких — то ярко выраженных конкретных практических целей: «Цель игры — доставить удовольствие людям, которые принимают в ней участие». [2]

Особенно ярко языковая игра представлена в средствах массовой информации, но не все средства массовой информации в равной степени увлекаются гибридным написанием, студенческие университетские газеты гораздо более насыщены ими чем «взрослые» издания. [9, с.208]. Возможно это показатель быстротечности и эфемерности таких новообразований, как летучесть и короткая жизнь сленга. Но сленговые слова уходят, а сленг как явление устойчив и прочно включен в систему языка. С другой стороны, если какое-то языковое изменение поддерживается молодежной возрастной группой, то можно с определенной долей уверенности прогнозировать его дальнейшую жизнь. Из английского в русский перебирается и диакритика, главным образом апостроф:

Dis'локация, Bizon'чик, VIP'ы. Глюк'оза, трио «С'НЕГА». В отличие от английского знака апострофа как опущения какого — либо элемента, в русском употреблении это сигнал нового прочтения, появления второго смысла или же стыка разнородных элементов. Можно встретить написания с иными, не алфавитными символами: ди\$конт, Вку\$и лимон! (надпись на рекламной растяжке), соб@ка.ру, Глюк:) за. Прагматический посыл их таков же — обратить внимание, усилить воздействие. Важно лишь, чтобы реципиент понимал смысл инкорпорированных значков.

И, наконец, капитализация всех слов рекламной фразы — несомненно, английское влияние. Это, конечно, не проникновение латиницы, но по всем остальным параметрам явление того же порядка. Если в английской фразе-заглавии капитализация подвергаются лишь значимые части речи, в русском такого различия нет и нет ограничения этого приема заглавием:

Спасибо за покупку, Без Вас Мы Бы Разорились (на чеке в магазине)

Приятно Удивляем (реклама «Сбербанка»)

Гибридизация текста — совмещение русского языка с иноязычной цитацией для русского языка не новость; вставки на французском были типичным явлением в литературе XIX века, (хотя бы начало «Войны и Мира») Льва Толстого. Однако современное явление инкорпорации ан-

глийского написания — иной природы. В тех случаях, когда нет намеренного аффекирующего включения англоязычных элементов, такая цитация скорее носит характер переводческой небрежности или лености и отражает лишь знание английского языка автором и предполагаемым читателем. Когда же инкорпорация латиницы в слово и английских слов в тексте это намеренный рекламно-эмфатический прием, когда возникают слова — гибриды графического и морфологического уровней, то желаемый эффект достигается и благодаря принципу совмещения несовместимого и благодаря возникновению двойного или множественного смысла. Данная языковая игра использует не переключение кода, а смешение кода, или совмещение кодов — явление в русской графике и морфологии новое, многоплановое и ждущее своего изучения.

Таким образом, нужно отметить, что заимствования из английского языка являются динамичным процессом. Проникая в сферу нестандартной лексики и функцио-

нируя в ней, англицизмы сливаются с русскими словами, образуя новый лексический пласт языка. Это уже не чистый англицизм, а слово, имеющее в своем составе, как русскую, так и английскую значимую часть. При этом новые англо-русские гибриды оказывают существенное влияние на развитие и обогащение не только нестандартной лексики, но и лексического состава русского языка в целом. Заимствованные слова, становясь широкоупотребительными, делают объектом сознательного словотворчества, являясь экспрессивным средством выражения. Их распространение связано с тем, что они отвечают современным потребностям в сфере коммуникации, так как значение нового слова либо полностью, либо частично совмещает значения всех входящих в него структурных компонентов, являясь как наглядным примером языковой игры слов, так и наглядной иллюстрацией проявления принципа экономии языковых усилий.

Литература:

1. Галимова, Л. М. Язык — игра — творчество // Рус. яз. в школе. 1991. — № 1. С 8–13
2. Горелов, И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: Учебное пособие. М.: Лабиринт, 2001, 304с.
3. Дьяков, А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке. Новосибирск: Язык и культура. — 2003. — с. 15
4. Захватаева, К. С. «Роль английского языка в процессе современного англо — русского контактирования» // Вестник Нижегородского Университета им. Н. И. Лобачевского. — Н. Новгород, 2012 — № 3 (1), с. 400–403
5. Ильясова, С. В., Амири Л. П. / Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / Флинта: наука, — М., 2009 г. — 296 с.
6. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. с. 142–161.
7. Николина, Н. А., Агеева Е. А. Языковая игра в современной русской прозе /Русский язык сегодня: Сборник статей. Вып. 1. М., 2000, 596с, С.551–561.
8. Новый словарь иностранных слов: 25 000 слов и словосочетаний/ Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. — М.: Азбуковник. — 2003. — 380 с.
9. Прокутина, Е. В. Употребление нестандартной лексики англоязычного происхождения в средствах массовой информации. //Вестник Челябинского государственного педагогического университета: научный журнал. — Челябинск, 2009, — № 8, с.208–219
10. Фрейд, З. Остроумие. Д.: Стажер, 1999–352 с.

Метафорическая репрезентация базовых концептов в американском и немецком научном языковом сознании

Игнатьева Анастасия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет, Евразийский лингвистический институт (филиал в г. Иркутске)

Научная картина мира содержит объективные научные знания об окружающей действительности, включая такие отрасли наук, как астрономия, математика, физика, биология и т.д.

Неоднократное изучение метафоры в различных видах дискурса, в том числе и научном, — позволило говорить о ее вездесущности и способности вербализовывать кон-

цепты, лежащие в основе процесса восприятия мира человеком.

Анализ лексико-семантических групп метафор американских и немецких научных online журналов позволил выделить ряд относительно-универсальных концептов американской и немецкой научной картины мира, на рассмотрении некоторых из которых мы подробно остановимся.

Концепт «Еда» имеет периферийные концептуальные признаки «информация», «галактика», «слова», которые совпадают в концептосферах обоих народов. Однако, как показывает анализ концептуальной дистрибуции данного концепта, в концептосфере американцев он включает такие концепты, как «Пережевывание пищи» + «Вселенная», «Проглатывание» + «Газ», «Млечный Путь» + «Поедание» + «Галактика». В концептосфере немцев он включает концепты «Вселенная» + «Сыр», «Вселенная» + «Суп» + «Горячее» + «Густое» + «Кварки» + «Глюоны»:

If the level I multiverse *was hard to stomach*, try imagining... [9].

«*All galaxies start off small and grow by collecting gas and quite efficiently turning it into stars*», he said. «*Then every now and then they get completely cannibalized by some much larger galaxy*». [17].

... and the cognitive problem of loose association, in which people join thoughts without clear logic, frequently jumbling words together into *a meaningless word salad* [11].

Das Universum ist *ein Schweizer Käse* [20].

... *die heisse und dichte Ursuppe aus Quarks und Gluonen*, aus der sich vor vielen Milliarden Jahren das Universums entwickelt hat [8].

В отличие от американцев, немцы конкретно концептуализируют мир в компонентах концепта «Еда»: сыр, суп, указывая на его ингредиенты. Американцы этот образ обобщают, не конкретизируя, что это за пища. Вероятно, это связано с тем, что немцы более педантичны, больше заинтересованы в полезности, калорийности, питательности продуктов, в то время как в Америке люди не проявляют к этому особого интереса и едят на скорую руку, перекусывают на ходу, по дороге в школу, на работу. Всем известный 'junk food' довольно популярен именно в этой стране и уже успел разойтись по всему свету в виде хот догов, гамбургеров, фишбургеров, чизбургеров, чипсов, кока-колы и других блюд, имеющих более или менее приятный вкус, но являющихся настоящим «мусором» для человеческого желудка. Удивительно, что в самой передовой стране мира люди не заботятся о своем здоровье и уверены, что другие страны последуют их примеру.

Концепт «Уборка» находит свое отражение в концептосферах обоих народов. Как показывает анализ метафор, периферийные признаки данного концепта одни и те же: как в концептосфере американцев, так и немцев ими являются «устаревшие идеи» и «устаревшие мысли». Однако концептуальные связи концепта «Мусор» не совпадают в данных концептосферах. Здесь мы находим разные национальные взгляды на уборку мусора. Американцы «убирают мусор из науки», «чищают науку (тряпкой, метлой) от мусора» (старых, ненужных идей). Это видно при пересечении таких концептов, как «Ученый» + «Уборка» + «Метла» + «Идея», «Ученые» + «Уборка» + «Тряпка» + «Идея»:

But most have *brushed it (the idea) aside* as fakery... [18].

To explain universal acceleration, astronomers dusted off an old idea proposed by Albert Einstein [5].

Как показывают связи данного концепта в концептосфере немцев («Данные» + «Теория» + «Выбрасывание»), немцы старые идеи просто «выбрасывают»:

Erstmals erlauben die Daten auch, einige theoretische Modellvorstellungen über die dunkle Energie *zu verwerfen* [13].

Noch genauere Messungen der Hintergrundstrahlung können also schon bald diesen Wert — und damit auch das Modell selbst — bestätigen oder *verwerfen* [12].

Языковой материал доказывает разное содержание концепта «Уборка» в картинах мира американцев и немцев. Здесь прослеживаются два разных подхода к старым научным взглядам: их сохраняют в Америке и отторгают в Германии. Явление научной толерантности у первых объясняется воспеванием культа свободы в широком смысле этого слова, полной демократией в любой области человеческой деятельности (учеба, работа, одежда, музыка, наука и т.д.). Немецкое же языковое сознание не терпит двусмысленности, множества взглядов и борется за «чистоту» научной крови, отторгая ненужное, устаревшее.

Труд, работа являются доминантой жизнедеятельности человека, его главной социальной функцией. Таким образом, обязательным является обнаруженный нами в концептосферах обоих народов концепт «Работа». В концептуальных системах обоих народов периферия данного концепта представлена компонентами «мозг», «система», «биологические клетки», «теория», «обсуждение», «тезисы», «бактерии». Однако яркими отличительными признаками наполнений данного концепта, как показывает анализ концептуального окружения, являются его связи, которые очень сильно отличаются в концептосферах американцев и немцев: для американцев существует «работа для себя», в которой они также подчеркивают ее качество. Это проявляется в пересечении в концептуальной системе американцев концептов «Работа» + «Качество». У немцев концепт «Работа» связан с концептом «Для кого-либо»:

We suggest that his brain color area *is working* just fine [18].

We do not know how exactly it *does this job* [Там же].

How do Earthquake Early Warning systems work? [6].

Die Konvention *tritt damit in den Dienst der Biologie* [15].

Der animatio-These *diente* der Mensch als Vorbild [14].

Ein Killer-Bakterium *könnte* künftig als lebende Quelle für neue Antibiotika *dienen* [16].

Итак, американцы самостоятельны и работают на себя (своя работа, свой бизнес), в то время как немцы не самостоятельны и работают на «хозяина». Г. Гачев объясняет это тем, что «в Америке очень популярен культ частной жизни (privacy), человек сам хочет определяться и в вере, и в идеях, и в стиле жизни, и работе. Он предпочитает если подчиняться, то — себе, иметь, так сказать, «хоум-руль» во всем, самоуправление. В Германии, на-

против, ярко прослеживается тенденция к единству и монуизму» [1, с. 158]. Данная особенность германского концепта «Работа» объясняется этимологией слова 'Arbeit', которую подробно рассматривает в своем исследовании Л. Р. Хомкова: «'die Arbeit' произошло от глагола «быть сиротой, отданным для выполнения тяжелой физической работы», слово заимствовано из индоевропейского языка: orbhos (раб, ребенок)» [2, с. 74]. Соответственно, первоначально оно обозначало «значительные физические усилия, тяготы, заботы, мучения в работе на хозяина». Таким образом, древнейший, глубокий, бессознательный слой немецкого концепта «Работа» объясняет, почему сегодня немцы трудятся на кого-либо.

Персонифицированность неодушевленных объектов действительности, их способность «работать» в очередной раз подчеркивают основное свойство метафоры — антропоморфность, согласно которому человек расценивает другие явления действительности по своему образу и подобию, делая их «живыми».

Особенностью концепта «Дорожные работы», присутствующего в концептосферах обоих народов, является его разная наполняемость. Как показал анализ метафор, периферийными концептуальными признаками концепта «Дорожные работы» являются «наука», «ученые», «биологические клетки» в концептосфере американцев, а также «дискуссии», «люди» в концептосфере немцев. Яркой национальной особенностью данного концепта является его различное концептуальное окружение в концептосферах обоих народов. В концептуальной системе американцев данное пересечение представлено концептами «Дорожные работы» + «Мошество», что определяет американское понимание работы на дороге — «мошество дороги при помощи камней». Немцы, в отличие от них, «выравнивают поверхность дороги», в их концептосфере концепт «Дорожные работы» связан с концептом «Подготовка», «Выравнивание»:

The collaborative effort of engineers, material scientists, chemists and almost every other form of scientist have *paved the way to where we are today* ... [10].

Human fetal stem cells, initially destined to become neurons, can instead be coaxed into making insulin for the treatment of diabetes, *paving the way for* a new solution to the serious shortage of human tissues for isletcell transplantation [3].

Ihre Diskussionen *bereiteten* etwa dem neuen Lösungsansatz von Giordano Bruno *den Weg* [7].

So *ebnete* jeder Mann *den Weg* zur Desakralisierung der Kosmologie [Там же].

Здесь ярко прослеживаются национальные отличия: американское создание дороги и немецкое совершенствование дороги. Это связано, на наш взгляд, с тем, что земли, которые заселяли первопроходцы Америки, не были окультурены, и их освоение требовало больших человеческих усилий и затрат: люди вырубали леса, вспахивали земли, строили дома, новые города, прокладывали дороги и т.д., т.е. создавали, строили все с нуля, на

новом месте. В Германии ситуация с дорогами несколько отличается от Америки: германские племена, завоевавшие Европу, нашли ее земли вполне пригодными для жизни, обустроенными, разработанными, завоевывая европейцев, они занимали их дома, города, восстанавливая их после сражений, в которых они одерживали победу. В числе боевых трофеев им также доставались европейские дороги, построенные местными жителями задолго до прихода германцев. Думается, что различия в содержании концепта «Дорожные работы» в американском и немецком языковом сознании видится именно в условиях освоения новых земель, новых путей: американцам приходилось создавать все с нуля, немцам — расчищать от завалов, восстанавливать из руин города и дороги, поскольку они были построены до них.

Концепт «Вода» присутствует в концептосферах обоих народов. Периферию данного концепта в американской концептосфере представляют концептуальные признаки: «миграция», «идеи», а в немецкой — «инстинкт», «воспоминание», «свобода»:

... *waves of migration* [4].

Physics: *Wave of the future* [19].

Den allgemeinen 'Trieb' definiert Freud in den DA in einem Zusatz von 1915 als die psychische Repräsentanz einer kontinuierlich *fließenden*, innersomatischen Reizquelle [15].

Erst mit dem Aufkommen der biologischen Theorie der Sexualität begann hier ein Umdenken, das schliesslich zu ersten Interpretationen der frühkindlichen Sexualität bei Moll und Ellis führte und in Freuds Theorie der polymorph-pervers veranlagten Kindheit *mündete* [Там же].

Mit einer Welle von Liberalisierungsprozessen haben sich also die Moralstrukturen

seit den 30er Jahren gehörig verändert [Там же].

Анализ концептуальной дистрибуции позволяет выделить различные связи данного концепта в национальных концептосферах. Пересечения «Волна»+«Будущее», «Волна»+«Миграция» характерно для концептуальной системы американцев. У немцев к нему относятся «Инстинкт»+«Вытекание реки», «Мысли»+«Впадение реки». Это свидетельствует о том, что данный концепт имеет различные ядерные концептуальные признаки: у американцев вода ассоциируется в основном с «волной», определенной ритмичностью и периодичностью, для немцев же характерен компонент «река» — постоянство.

Данные примеры показывают, что в американском языковом сознании концепт «Вода» имеет наполнение морской или океанической «волны», беспокойной поверхности воды. Немецкое языковое сознание представляет воду как мирно текущую, втекающую, протекающую «реку» без волн и ветра. Это связано с тем, что Американский континент окружен океанами и морями, открыт для тайфунов, ураганов, ветров, Германия же защищена от подобных стихийных бедствий, поэтому в представлении немцев вода более спокойна и безмятежна.

Итак, как показывают результаты нашего анализа, в сознании американцев и немцев существует ряд концептов, отличающихся по своему содержанию. Это доказывает, что различие картин мира разных народов не навязывается языком, его лексическими, грамматическими и структурными особенностями (как считают Э. Сепир и Б. Уорф), а являются следствием различного содер-

жания общечеловеческих концептов, которое выражается в несовпадении их содержательного наполнения. Причины такого несовпадения картин мира кроются в различиях между культурами, историей, климатом, пейзажем, национальной пищей, в этническом типе, языке, «ибо они постоянно подкармливают и воспроизводят национальную субстанцию, особый склад жизни и мысли» [1, с. 34].

Литература:

1. Гачев, Г. Ментальности народов мира / Г. Гачев. — М.: ЭКСМО, 2003. — 544 с.
2. Хомкова, Л. Р. Структурно-семантическая характеристика метафорического фрейма «Работа — успех — неудача» (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л. Р. Хомкова. — Иркутск, 2002. — 193 с.
3. Calne, R. Clinical transplantation: current problems, possible solutions. — <http://rstb.royalsocietypublishing.org/content/360/1461/1797.full.pdf+html> (28.12.2014).
4. Cartwright, J. Waves of migration could help heal tissue / J. Cartwright. — <http://physicsworld.com/cws/article/news/2012/jul/11/waves-of-migration-could-help-heal-tissue> (28.12.2014).
5. Cromie, J. William. Cosmic Breakthrough May Bite the Dust / William J. Cromie. — <http://news.harvard.edu/gazette/1999/02.04/cosmic.html> (28.12.2014).
6. Earthquake Early Warning Project. — <http://www.eew.caltech.edu/education/earlywarningfaq.html> (30.01.2015).
7. Exkurs — Aristoteles meets Europa — <http://www.student-online.net/Publikationen/212/#10> (02.02.2015).
8. Forscher kommen Ursuppe näher. — <http://www.astronews.com/news/artikel/2003/07/0307-012.shtml> (28.12.2014).
9. Grazier, R. Kevin. Fringe Science: Parallel Universes, White Tulips, and Mad Scientists / Kevin R. Grazier. — https://books.google.ru/books?id=RgduYS-gA-0C&pg=PA61&lpg=PA61&dq=If+the+level+I+multiverse+was+hard+to+stomach,+try+imagining&source=bl&ots=zheRv9L_E_&sig=t0wXlrqy5Qtve-tOk3TaJ7Pbdrw&hl=en&sa=X&ei=YYvxVKI4y8vKA8TwgYAB&ved=0CCEQ6AEwAg#v=onepage&q=If%20the%20level%20I%20multiverse%20was%20hard%20to%20stomach%20C%20try%20imagining&f=false (02.02.2015).
10. Holmes, J. High Power Radio Frequency-microelectromechanical Systems (RF-MEMS... / J. Holmes. — <https://books.google.ru/books?id=kwardlyWQKkC&pg=PA3&lpg=PA3&dq=Microelectromechanical+systems+%E2%80%93+are+paving+the+way+for&source=bl&ots=ODFhpBIOOP&sig=mhh77aGUlok9LmpDW0VYnxcm1Ho&hl=en&sa=X&ei=PoPxVJfGEOeuygPCwoCQDg&ved=0CDgQ6AEwBQ#v=onepage&q=paved%20the%20way&f=false> (02.02.2015).
11. Javitt, C. Daniel, Coyle T. Joseph. Decoding Schizophrenia: A Fuller Understanding of Signaling in the Brain of People with this Disorder Offers New Hope for Improved Therapy / Daniel C. Javitt, Joseph T. Coyle. — <http://www.schizophrenia.com/New/Jan%2004/SciAmer.htm> (30.01.2015).
12. Kayser, R. Das Universum — ein vierdimensionaler Fußball? / R. Kayser. — <http://www.astronews.com/news/artikel/2003/10/0310-006.shtml> (28.12.2014).
13. Kayser, R. Der dunklen Energie auf der Spur von / R. Kayser. — <http://www.astronews.com/news/artikel/2003/09/0309-016.shtml> (10.02.2015).
14. Kosmologische Details. — <http://www.student-online.net/Publikationen/212/> (20.02.2015).
15. Perversion und Sexualität oder die Anormalität des Normalen — Zu Freuds «Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie». — <http://www.grin.com/de/e-book/95934/perversion-und-sexualitaet-oder-die-anormalitaet-des-normalen-zu-freuds> (28.12.2014).
16. Pfaff, C. Kannibalistische Veranlagung: Killer-Mikrobe frisst andere Bakterien / C. Pfaff. — http://www.wissenschaft.de/archiv/-/journal_content/56/12054/1122997/Kannibalistische-Veranlagung:-Killer-Mikrobe-frisst-andere-Bakterien/ (30.01.2015).
17. Plotner, T. Lazy Giant Galaxies Gain Mass By Ingesting Smaller Neighbors / T. Plotner. — <http://www.universetoday.com/114664/lazy-giant-galaxies-gain-mass-by-ingesting-smaller-neighbors/> (28.12.2014).
18. Ramachandran, Vilayanur and Hubbard, Edward. Hearing Colors, Tasting Shapes / Vilayanur Ramachandran, Edward Hubbard. — <http://www.scientificamerican.com/article/hearing-colors-tasting-sh-2005-10/> (30.01.2015).
19. Witze, A. Physics: Wave of the future / A. Witze — <http://www.nature.com/news/physics-wave-of-the-future-1.15561> (30.01.2015).
20. Wormholes: Das Universum gleicht einem schweizer Käse / — <http://eve.oderso.net/2013/05/08/wormholes-das-universum-gleicht-einem-schweizer-kase/> (02.02.2015).

Анализ речевого поведения одаренной личности и ее спутников

Илюхин Никита Игоревич, аспирант

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Саратовский социально-экономический институт (филиал)

Явление одаренности как фактора, определяющего характер и поведение личности, на данный момент недостаточно изучено, поэтому затруднительно найти какие-либо научные характеристики, позволяющие идентифицировать одаренную личность как отдельный психологический тип.

Тем не менее в кинематографе все чаще можно встретить фильмы, в которых главным героем является личность, наделенная неким талантом. Поскольку продукт кинематографа ориентируется на широкую публику, а основной его целью является увеличение числа зрителей, авторы пытаются создать конкурентоспособный и актуальный для зрителя образ главного героя. Соответственно, в ментальности человека (зрителя-автора) имеется некий единый набор уникальных поведенческих характеристик, на основе которых строится характер и поведение талантливой личности.

На примере русскоязычных и англоязычных кинолент мы можем выявить характерологические особенности образа одаренной личности (далее ОЛ). В кинокартине или сериале главный герой не может функционировать в одиночку, а сосуществует вместе с другими персонажами в едином сценическом пространстве. Поэтому мы решили проанализировать вербальные отношения главных героев и их спутников и выявить уникальные, свойственные только ОЛ особенности характера, с помощью которых мы сможем определить новый психологический тип личности, именуемый «одаренная личность».

Любой киноматериал можно считать продуктом художественного словотворчества, поскольку еще до его появления на экранах, он существует в написанном варианте в виде сценария. Сценарий представляет собой не что иное, как пьесу, в которой проставлены соответствующие сценические и режиссерские ремарки, прописаны диалоги персонажей, а также сценические реквизиты, необходимые авторам кинофильма для передачи своего замысла и трансляции основной идеи пьесы.

В кинофильме особенности характера персонажа могут быть переданы авторами несколькими способами. Мы решили выделить три основных способа передачи информации о герое:

1. *Сценически* — авторы передают особенности характера героя при помощи сценического контекста, например, путем создания уникального отличительного внешнего вида героя;

2. *Невербально* — через мимику, позы или жесты героя;

3. *Вербально* — информация о герое транслируется через речевой акт.

С одной стороны, особенности характера ОЛ могут быть переданы авторами кинофильмов непосредственно

через речь главного героя и используемые им уникальные языковые приемы.

С другой стороны, информация может быть передана через речь других героев в моменты обсуждения поступков ОЛ или оценки ее профессиональной деятельности. Помимо этого, особенности образа ОЛ могут проявляться за счет контраста вербального поведения ОЛ и ее спутников и их взаимодействия друг с другом.

Речь является неотъемлемым инструментом создания образа героя, а также передачи его эмоционального состояния, особенностей психологии и ментальности. Ведь, по словам Л.С. Выготского, «речь есть процесс превращения мысли в слово, материализация мысли» [1; 311].

В художественной литературе личность героя реализуется через конфликт. Конфликт может подразделяться на несколько типов, одним из которых является межличностный конфликт (конфликт героя с другим персонажем, как правило, его антагонистом). А.Н. Митта, анализируя структуру кинофильма, пишет о конфликте следующее: «В конфликте всегда сталкиваются две стороны. В любом случае — два лица. Даже если в сцене действует один человек, он является участником конфликта. Его воля может сталкиваться с отсутствующим противником. Наконец, он может развивать внутренний конфликт — черт в душе героя воюет с ангелом его души. Всюду, где есть волевое действие «я хочу», оно становится видимым и понятным, только натолкнувшись на барьер в конфликте» [5; 119].

«Конфликт является центральной «узловой» категорией, находящейся в тесной взаимосвязи с внутренней пространственно-временной организацией произведения, с его формой и содержанием, с образом мира» [3; 9].

Спутники играют важную роль в развитии характера ОЛ. Они являются инструментом раскрытия образа ОЛ. Условно спутников можно мы решили разделить на несколько групп. Основными критериями разделения были гендерный и психологический аспекты взаимоотношений между ОЛ и ее спутником:

1. *«Возлюбленные»*. К данной группе спутников принадлежат спутники-женщины, которые являются не просто партнерами ОЛ в их сфере деятельности, но и становятся со временем музами ОЛ и их супругами. Мы можем выделить следующие кинофильмы, в которых отношения ОЛ и спутника построены по данному принципу: «Высоцкий. Спасибо, что живой», «Пушкин. Последняя дуэль», «Оттепель», «Есенин», «Мажор», «Интерны», «Masters of Sex», «House of Cards», «The Knick», «Californication», «Charly».

Героев связывают не только отношения из разряда «друг-друг» или «коллега-коллега», но и «мужчина-женщина». Таким образом, замкнутая, конфликтующая со средой и одинокая ОЛ раскрывается зрителю с другой сто-

роны. Благодаря спутнику, она предстает ранимой и романтической личностью. Возникающие между ОЛ и спутниками данной группы конфликты будут отличаться от конфликтов в других группах, поскольку оба героя имеют друг с другом сильную эмоциональную связь и разный гендерный признак.

2. «Друзья или партнеры». Отношения ОЛ и ее спутника складываются в данной группе по типу «коллега-коллега», перерастающие, как правило, в отношения «друг-друг». В данной группе можно встретить как спутников-мужчин («Sherlock», «House M. D.», «True Detective», «Breaking Bad», «Fringe», «Нюхач»), так и спутников-женщин («Elementary», «Mentalist», «Doctor Who», «Lie to Me», «Dexter»)

3. «Духовные наставники». К данной группе спутников относятся только два кинофильма: «Hannibal» и «Good Will Hunting». В обоих случаях спутником ОЛ являются мужчины. Они старше ОЛ, являются образованными и обладают высоким уровнем интеллекта. Спутники необходимы в данных случаях, чтобы раскрыть талант ОЛ, они наставляют ОЛ, определяют вектор развития ее способностей. Спутники являются антагонистами ОЛ (в кинофильме Good Will Hunting к концу фильма вражда между героями угасает, спутник становится другом ОЛ и переходит во вторую группу спутников «друзья или партнеры»).

В кинофильме «Hannibal» и спутник, и главный герой являются одаренными личностями. Первый — гениальный психолог и неуловимый серийный убийца, второй — молодой и одаренный детектив, обладающий особым даром, помогающим ему раскрывать преступления. Несмотря на данный факт, оба героя часто встречаются дома у Ганнибала Лектора и ведут многочисленные беседы на различные философские темы. Таким образом, Лектор раскрывает потенциал детектива, усиливая его способности и талант:

— Ахиллес *оплакивает* Патрокла. Когда бы его ни упоминали в Илиаде, *Патрокла, похоже, определяла его импатия* / Achilles lamenting the death of Patroclus. Whenever he's mentioned in The Iliad, Patroclus seems to be defined by his empathy.

— Он стал Ахиллесом на поле боя. Он умер там за него, будучи в его броне / He became Achilles on the field of war. He died for him there, wearing his armor.

— Да. Это так. *Сокрывание и раскрытие личности* — тема, присутствующая во всех греческих эпосах / He did. Hiding and revealing identity is a constant theme throughout the Greek epics.

— Как и дружба, проверенная в бою / As are battle-tested friendships [12]

Отдельно стоит отметить кинофильм «Columbo», в котором главный герой, гениальный детектив Коломбо, в каждом эпизоде превосходно раскрывает преступления. У детектива, фактически, не имеется спутника: в кадре Коломбо всегда предстает перед зрителем в одиночестве и без сопровождения коллег или родственников, но при

общении с преступниками он всегда упоминает о своей супруге и рассказывает какой-нибудь эпизод из их «совместной семейной жизни». Возможно, благодаря этому, Коломбо удается наладить контакт с подозреваемым:

— У меня очень плохая память, и это становится большой проблемой. *Моя жена* все время говорит мне, чтобы я завязывал узелки / That's my trouble. I got a bad memory. My wife tells me I oughta have strings on all ten fingers [8; Prescription: Murder];

— Да. Конечно же, Вы правы. Она находится в состоянии стресса, но вот я подумал, если бы меня похитили, и *моя жена* не спросила бы как я... Надо обдумать это... / That's right, yes... Yes, she was under stress. I just can't help thinking that if I was in the hands of kidnappers and my wife didn't ask me if I was OK, I'd think about that [8; Ransom for a Dead Man]

Отношения между ОЛ и ее спутником могут содержать в себе разные нюансы, зависящие от авторского замысла, группы спутников или жанра того или иного кинофильма. Но, тем не менее, существует несколько общих типов взаимоотношений, характерных для всех найденных нами героев, в процессе анализа которых мы можем определить основные черты ОЛ и ее спутника, а также составить основной сценарий этих взаимоотношений.

В отличие от ОЛ их спутники обладают более мягким характером и не стесняются *проявлять заботу* о своем партнере:

1. Н: Пригласи меня на ужин в четверг. Мы не ужинаем с тех пор, как... / Invite me to dinner Thursday night. We haven't had a nice meal together since, oh...

— Как я вчера *одолжил тебе 5 тысяч* на новый байк / Yesterday when I loaned you \$5,000 to buy a new car.

Н: Двухколесная тачка, которая выдает 240 км/ч, плохо сочетается с безответственным наркозависимым калекой? / Two-wheeled vehicles that travel 150 miles an hour don't really go well with crippled irresponsible drug addicts?

— Ты *сдашь его обратно* / You're taking it back.

Н: Ну мам! Обсудим это за ужином / Mom. How 'bout we talk about this over dinner?

— Какой ужин! Ты *убьешься раньше* / Forget dinner. You're gonna kill yourself? [10; Daddy's boy]

В данном примере мы можем наблюдать отношения ОЛ со спутником из второй группы. Герои являются не только коллегами, но и лучшими друзьями. Спутник проявляет заботу, одалживая все свои накопления ОЛ и отчитывая ОЛ за совершенный им поступок. Ответная ироничная реплика главного героя: «Ну мам! Обсудим это за ужином» («Mom. How 'bout we talk about this over dinner») свидетельствует о том, что ОЛ чувствует себя некомфортно и старается сменить тему разговора.

2. — У Вас концерт сегодня. Мы не успеем, вы с ума сошли? Есенин. Есенин, *вернитесь!* Я тебе сказала! Есенин! [2; 4]

Здесь спутник ОЛ относится ко второй группе спутников. Партнер безответно влюблен в ОЛ и желает помочь

герою в любой ситуации и контролировать его жизнь, независимо от того, необходимо это главному герою или нет.

3. — Он не убийца. *Соколовский здесь не при чем.*

— А кто при чем? [4; 5]

В данном примере спутник защищает ОЛ. Все считают, что ОЛ совершил убийство, и только спутник остается окончательно верен и предан ОЛ.

Зачастую ОЛ *манипулирует* своими спутниками. Осознавая, что у спутника более мягкий характер, ОЛ понимают, что он в итоге примет влияние ОЛ и сделает все, что задумал главный герой:

1. — Ты не будешь знакомиться с моей семьей / Yeah, well, you're not gonna meet my family.

S: Не уж-то ли? Даже не знаю, как же я выдержу завтра без тебя два часа, когда у меня такая *тяга к рецидиву* / Aren't I? I don't know. I'm not sure I can be without your company for two hours tomorrow night. *Feeling a little relapse-y.*

— Ты так говоришь, только потому что знаешь, я *не могу оставить тебя одного*, если ты говоришь «рецидив» / You're only using that word because you know that I can't leave you alone if you say «relapse» [9; The Leviathan]

2. — Каждый раз, когда он похищает женщину, и ребенок теряет свою мать, получает лишь ее тень, а я думаю, это последняя, больше не будет / Everytime he takes another woman and everytime the kid loses the mother had an empty shell I think to myself: this is the last one, no more.

L: Кого вы потеряли? Вы потеряли свою мать или...? Вы потеряли кого-то? / Who'd you lose? Did you lose your Mum? Did you lose somebody?

— Прекратите использовать это на мне / Don't use this stuff on me, ok? [7]

ОЛ позиционируются авторами как личности, наделенные высоким уровнем интеллекта и обладающие талантом в то время, как их спутники являются обычными людьми, достигающими результатов своим трудом и упорством. ОЛ видит ситуацию на шаг вперед и может решить любую сложную поставленную задачу, даже в том случае, когда кажется, что решение невозможно найти. Спутники в подобных ситуациях занимают ведомую роль:

1. Джон, ты замечательный, потрясающий. Возможно, ты не самая светлая голова, но ты — проводник света / John. You are amazing. You are fantastic. You may not be the most luminous of people but as a conductor of light, you are unbeatable.

— Что? / What?

— Некоторые не особо одаренные люди способны стимулировать одаренность других / Some people who aren't geniuses have an ability to stimulate it in others.

— Ты извинялся, не портить впечатление / You were saying sorry don't spoil it [11; The Hounds of Baskerville]

2. — Подожди. Я, кажется, начинаю понимать. Убийца принес деньги в сумке, отдал Булавину, а потом застрелил его. Ты мне не все сказал

— Не все. Пейнтбольный клуб, посещаемый убийцей, находится в цеху заброшенной картонной фабрики.

— Как ты это понял? [6; 1]

Одной из других типичных характеристик ОЛ является ярко выраженная эгоцентричность. Это проявляется их пренебрежительным, уничижительным отношением к другим персонажам на фоне демонстрации своих способностей и возвеличивания себя. Данное качество ОЛ проявляется и в их общении со спутниками. Эгоцентричность ОЛ может выражаться в ее речи *имплицитно*. В данном случае ОЛ намекает на недостатки других людей и не возвеличивает себя открыто:

1. Хочу глотнуть воздуха I need to get some air / We're going out tonight.

— Вообще-то у меня свидание / Actually, I've got a date.

— Чмо? / What?

— Это когда двое увлечены и проводят время вместе / Where two people who like each other go out and have fun?

— А что я тебе предложил? / That's what I was suggesting.

— Куда идете? / Where are you taking her?

— В кино / Er, cinema.

— Тоскливо, скучно, предсказуемо / Dull, boring, predictable [11; Blind Banker]

2. Н: Ты предпочел бы поужинать с женой? / You'd rather have dinner with your wife?

— Я — да. Только вот она со мной не разговаривает / Yes, I would... if she were speaking to me

— В отличие от нее я могу быть полезен / Unlike her, I could make it worth your while [10; Daddy's Boy].

Эгоцентричность ОЛ может выражаться в речи со спутниками *эксплицитно*, при этом ОЛ открыто демонстрирует свою позицию и уничижительное отношение к другим персонажам:

— Она ждет пароход. Мы не попадем в Америку

E: А мне плевать [2; 6]

Стоит отметить, что спутники в данном случае не признают подобного поведения ОЛ и реагируют в речи на него негативно, стараясь объяснить ОЛ, что она должна иметь уважение к остальным людям, например:

— Я знаю, это непросто, но однажды тебе придется перестать думать лишь о себе / You know, I know it's hard, but one of these days, you got to get over yourself. [9; Dead Man's Switch]

В заключение стоит отметить, что ОЛ является одним из самых популярных образов в современном кинематографе. Несмотря на отсутствие научного объяснения явления одаренности, зрители и авторы кинофильмов имеют единое представление о наборе уникальных черт поведения, характеризующих образ главного героя.

В кинофильме ОЛ сосуществует с другими персонажами в пределах единого сценического пространства. Наиболее значимыми являются отношения ОЛ и ее спутника, поскольку проанализировав их речевое поведение, мы можем выявить особенности характера ОЛ, позволяющие нам выделить новый психологический тип, со свойственными только ему мышлением и эмоциональными проявлениями.

Литература:

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1934. — 352 с.
2. Есенин / реж. И. Зайцев. Россия, 2005.
3. А. Г. Коваленко. Художественный конфликт в русской литературе XX века (структура и поэтика художественного конфликта в русской литературе XX века). Пособие по спец-курсу. — М.: Изд-во РУДН. 2001. — 57 с.
4. Мажор / реж. К. Статский. Россия, 2014.
5. Митта, А. Кино между адом и раем. М.: Подкова, 1999. — 480 с.
6. Нюхач / реж. А. Литвиненко. — Украина, 2013.
7. Blinded // Lie to Me. — The USA, 2009.
8. Columbo / created by Richard Levinson. — The USA, 1986.
9. Elementary / created by Robet Doherty. — The USA, CBS, 2012.
10. House, M. D. — The USA, Fox, 2004.
11. Sherlock / produced by Sue Vertue, The UK, BBC One, 2010.
12. Tome-wan // Hannibal. — The USA, NBC, 2013.

Этапы развития символического сюжета в стихотворениях в прозе святителя Игнатия

Ипатова Светлана Николаевна, кандидат филологических наук
Вологодский государственный университет

Среди новых, нетрадиционных для церковной письменности текстов XIX века можно выделить жанры церковной проповеди, которые появились при взаимодействии со светской словесностью. Эти тексты можно отнести к особому подстилю церковно-проповеднического стиля русского языка, называемому нами условно «художественно-проповеднический» [9, с. 88]. Этот подстиль представлен главным образом жанром стихотворение в прозе. Ярчайшие образцы этой духовной лирики в прозе принадлежат перу скромного инок, строгого архимандрита и знаменитого архиепископа XIX века — святителя Игнатия (Брянчанинова) (1807–1867), уроженца Вологодской губернии. Различные композиционно-смысловые варианты стихотворений в прозе святителя Игнатия могут иметь подзаголовки, такие как дума, размышление, песнь, плач. Даже текст, обозначенный проповедником как доказательство, по жанровым признакам представляет собой не что иное как поэтическое сочинение в прозе.

Несмотря на консерватизм и устойчивость церковно-проповеднического стиля, в реализации святителя Игнатия традиционные жанры утратили так называемую «каноническую нарративную схему» [3, с. 74]. В творчестве этого проповедника отразился тот поворотный момент, когда канонические жанры проповеди — слово, беседа, поучение, — «структуры которых восходят к определенным «вечным» образцам» [12, с. 263], сменились жанрами неканоническими, невоспроизводимыми, незавершенными с точки зрения жанровых форм [10, с. 171].

О том, что стихотворение в прозе — жанр не чуждый церковной проповеди, говорил И. П. Еремин, отмечая, что торжественная проповедь — это тоже «своеобразное

стихотворение в прозе» [7, с. 71]. На формирование некоторых признаков этого жанра в духовной литературе XIX века повлияла светская словесность, а в светской литературе этот жанр сложился в эпоху романтизма, опираясь на библейскую традицию религиозной лирики в прозе. Главными признаками лирического стихотворения в прозе являются небольшой объем, повышенная эмоциональность, общая установка на выражение субъективного впечатления, а также бессюжетная композиция текстов этого жанра [6, с. 1039].

«Поэтические сочинения» святителя Игнатия обладают всеми названными признаками, но отличительной чертой «стихотворений» святителя Игнатия является то, что все они обладают сюжетом. Этот сюжет необычный, специфический, он может быть характерен только для текстов церковно-проповеднического стиля, и связан он с символическим переосмыслением ключевых слов-образов на разных этапах смены так называемых коммуникативных блоков проповеди. Стихотворения в прозе, как и другие жанры общественно-речевой практики, должны демонстрировать свойственные каждому из них типовые композиционные объединения блоков в их разновидностях [5, с. 12; 4, с. 29; см. также: 8, с. 350]. Текст исследуемого жанра как единица коммуникации под влиянием прагматических факторов делится на ряд функционально-смысловых компонентов, блоков, последовательность которых определяется стратегией или тактикой проповедника. Блоки, составляющие стихотворение в прозе, служат в своей совокупности выполнению основного коммуникативного задания «стихотворения» — последовательно раскрыть символический сюжет.

В смысловом развитии этого сюжета в разных текстах святителя Игнатия есть много общего. Так, представляется возможным объединить семь стихотворений святителя Игнатия на основе одинаковой последовательности коммуникативных блоков как этапов развития символического сюжета:

- 1) «Роса» [11, с. 357–359],
- 2) «Размышление при заходе солнца» [11, с. 402–407],
- 3) «Сад во время зимы» [11, с. 177–178],
- 4) «Кладбище» [11, с. 184],
- 5) «Голос из вечности (Дума на могиле)» [11, с. 185–188],
- 6) «Древо зимою пред окнами келлии» [11, с. 179–180],
- 7) «Доказательство воскресения тел человеческих, заимствованное из действия умной молитвы» [11, с. 303].

В этих текстах можно выявить 5 типовых текстообразующих блоков-этапов в развитии сюжета, причем каждый блок будет сопровождаться сменой типа речи: 1) вступление, тип речи — повествование; 2) завязка сюжета, тип речи — описание; 3) развитие сюжета, тип речи — рассуждение; 4) кульминация сюжета, тип речи — описание или рассуждение; 5) заключение, тип речи — рассуждение.

Названные блоки нельзя продемонстрировать в каких-то жестких, застывших схемах, они характеризуются или большей жесткостью, или большей подвижностью синтаксической конструкции. По объему коммуникативные блоки могут быть представлены и предложением, и группой предложений, и более крупными фрагментами текста, в которых сохраняется и внутреннее смысловое членение, опирающееся на средства выражения межфразовых связей.

Все семь текстов начинаются с повествовательного блока, который включает в себя эпизод из жизни лирического героя или некоего инока:

- 1) «Многочисленные толпы народа спешили от большой дороги в мирную обитель иноков: день был воскресный или праздничный — не помню...» [11, с. 357];
- 2) «Смотрю на это величественное зрелище из окон моей келлии, из недра тихой обители. Предомноу и Кронштадт, и противоположный берег Финляндии, и море, испещренное полосами...» [11, с. 402];
- 3) «В 1829 году проводил я зиму в Площанской пустыни...» [11, с. 177];
- 4) «После многих лет отсутствия посетил я то живописное село, в котором я родился...» [11, с. 184];
- 5) «В сумрак тихого летнего вечера стоял я, задумчивый и одинокий, на могиле моего друга...» [11, с. 185];
- 6) «Зиму 1828 года я провел в монастыре преподобного Александра Свирского...» [11, с. 179];
- 7) «В уединенной, малознаемой, малозначущей обители, стоящей между лесами и болотами, жил некоторый инок...» [11, с. 303].

За повествовательным блоком в этих текстах следует блок описательный. Он содержит описание какого-либо фрагмента окружающей действительности, то, что увидел инок или лирический герой «стихотворения», природу (закат солнца (тексты 1 и 2), снежный покров на деревьях (текст 3), кладбище (текст 4), одиноко стоящее зимнее дерево (текст 5)), поведение окружающих людей (текст 5) или свое собственное внутреннее состояние (текст 7):

- 1) «По синему безоблачному небу... великопное светило совершало обычный путь свой» [11, с. 357];
- 2) «Великопное светило дня... приближалось к закату...» [11, с. 402];
- 3) «В тихую погоду, в солнечные ясные дни, выходил я на крыльцо..., смотрел на обширный сад. Нагота его покрывалась снежным покрывалом...» [11, с. 177];
- 4) «Там величественное кладбище, осеняемое вековыми древами...» [11, с. 184];
- 5) «Почти не слышно было слов между присутствовавшими: слышны были одни рыдания... И долго сменялись рыдания молчанием, молчание рыданиями...» [11, с. 185];
- 6) «Пред окнами моей келлии стояло древо, разоблаченное морозами, как скелет, разоблаченный смертью» [11, с. 179];
- 7) «... священное духовное состояние, невыразимое словами, превышее всех страстей, постижимое одним опытом» [11, с. 303].

Развитие сюжета выражается в установлении связи между законами духовно-нравственными, выраженными в христианском учении, и законами окружающего мира. Наблюдение за природой, думы, воспоминания, погружение в свой внутренний мир вдохновляют лирического героя к созерцанию Божественных истин, но этот блок — еще не само созерцание, а только подготовка к нему. Здесь выражается тесная взаимосвязь природы, церковных служб и внутреннего духовного мира инока:

- 1) «... тишине сердца отвечала природа вдохновенною тишиною..., которая так благоприятствует созерцанию» [11, с. 357];
- 2) «Какое созерцание родится от этого зрелища для инока уединенного?» [11, с. 402];
- 3) «Это зрелище начало мне нравиться: задумчивые взоры невольно устремлялись, приковывались к нему, как бы высматривая в нем тайну...» [11, с. 177];
- 4) «Какое уединение на кладбище! Какая чудная, священная тишина! Сколько воспоминаний, какая странная многолетняя жизнь! Я внимал вдохновенным, божественным песнопениям панихиды...» [11, с. 184];
- 5) «Стоял я задумчивый на могиле, стоял, осененный впечатлениями дня...» [11, с. 185];
- 6) «Уединение изоцряет чувства, изоцряет мысль; круг действия их расширяется...» [11, с. 179];

7) «Сердце внезапно двинулось молитвенно к уму, а с собою повлекло все тело в священное, духовное состояние, невыразимое словами, превысшее всех страстей, постижимое одним опытом» [11, с. 303].

На четвертом этапе следует кульминация символического сюжета — сам момент созерцания Божественных истин в окружающем мире, природе как Божиим созданием или в богослужении как отражении божественного мироустройства. Лирический герой переживает момент откровения Божия, причем откровения внезапного. Он получает удивительную способность прикоснуться к этому откровению не через чтение Священного Писания, а через наблюдение за природой или же через внимательное осмысление Священного Предания, сохраняемого в церковных службах (панихиды на могиле в 4 тексте или службы в храме в последнем тексте из списка):

1) «Священноинок взглянул на небо, на солнце,... и внезапно открылось пред очами души **объяснение** величайшаго из таинств христианских... Как будто сказал ему кто...» [11, с. 358];

2) «Содержание книги природы: Бог неописанно описан, воспет громкими песнопениями Духа, не слышимыми ухом плотским... Невидимое по отношению к Богу плотскими очами, когда рассматривается в создании Его — природе, зрится...» [11, с. 402–403];

3) «Внезапно упала завеса с очей души моей: пред ними открылась книга природы. Эта книга, данная для чтения первозданному Адаму, книга, содержащая в себе слова Духа, подобно Божественному Писанию. Какое же учение прочитал я в саду? Учение о воскресении мертвых...» [11, с. 177];

4) «Сперва обьяло меня одно чувство печали; потом оно начало облегчаться постепенно. К окончанию панихиды тихое утешение заменило собою глубокую печаль... Оне (молитвы) возвещали воскресение, ожидающее умерших...» [11, с. 184];

5) «Внезапно овладело мною неожиданное, чудное вдохновение. Как будто услышал я голос почившаго! Загробную речь его, таинственную беседу, чудную проповедь, какую она изобразилась в душе моей, спешу начертать трепещущею рукою...» [11, с. 185];

6) «Между тем море, о котором святой Иоанн Лествичник говорит, что ему непременно должно взволноваться, волновалось. Обнаженное древо служило для меня утешением: оно утешало меня надеждою обновления души моей» [11, с. 179].

7) «Когда инок увидел столь необыкновенное, новое состояние своего тела, тогда осветился ум его познанием таинственным. Объяснились ему доселе казавшиеся загадочными и странными слова святого Иоанна Лествичника, который говорит: «Воззвах всем сердцем моим» (Пс.118:45), т.е., телом, душою и умом» (Лествица, слово 28, гл. 61)» [11, с. 303].

В использовании образов видимой природы святитель Игнатий следует святоотеческим традициям. В трудах святых Григория Богослова, Кассиана, Нила Сорского,

Исаака Сирского созерцание Бога в природе понималось как предварительная ступень богопознания, не теряющая своего значения и на высших ступенях. В явлениях видимой природы святые видели «знаки и символы, показуемые в отдельном вдохновении» [13, с. 192]. Подобные символы были широко представлены в ранневизантийской литературе [2, с. 33], которая является одним из источников церковно-проповеднического стиля русского языка.

Таким образом, зрительный образ является опорной точкой «поэтических сочинений» святителя Игнатия. Из этого образа развивается повествование, и переходы от одной части к другой — переходы образные. Из видения вырастает развернутая аллегорическая картина. Образ-символ святителя Игнатия является субъектом смыслового движения текста. Вслед за развитием образа развивается тема проповеди.

В заключении автор «стихотворения» старается обобщить свой личный опыт до опыта общечеловеческого и общецерковного, что выражается, например, в словах *наша жизнь, ежегодно, пред глазами всего человечества, по учению писания* (текст 3, 4 и 7), в ссылках на библейские тексты и на слова святых отцов Церкви (текст 2), Заключение может содержать увещательное обращение проповедника к пастве (текст 5), молитвенное воззвание к Богу (текст 6), восторженный вывод об опытном доказательстве христианского догмата (текст 7), вывод о синкретизме жизни человека и части природы (текст 4), а также указание пути к «духовному тайнознанию», который определяется как путь покаяния (текст 1):

1) «... Путь к духовному тайнознанию — постоянное пребывание в покаянии, в плаче и слезах о греховности своей...» [11, с. 359];

2) «Невидимое по отношению к Богу плотскими очами, когда рассматривается в создании Его — природе, зрится, «и приспосущная сила Его и Божество, во еже бытии им безответным» (Рим. 1:20)» [11, с. 403];

3) «И ежегодно повторяет природа пред глазами всего человечества учение о воскресении мертвых, живописуя его прообразовательным, таинственным действием!» [11, с. 178];

4) «Земля, земля! Сменяются на поверхности твоей поколения человеческия, как на деревьях листья... Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!» [11, с. 184];

5) «Стяжите ж вечность блаженную вниманием, повиновением закону всесвятаго Бога...» [11, с. 188];

6) «Господи! Не на мою силу уповаю: падения моя научают меня познавать немощь мою. Ты, Господи, упование мое! ...» [11, с. 180];

7) *Вот доказательство воскресения тел человеческих, которое имею в себе самом! Если тело способно к ощущениям духовным, если оно может вместе с душою участвовать в утешении благодатном; если оно отселе может соделаться причастником благодати: то как же ему не воскреснуть для жизни вечной, по учению Писания?»* [11, с. 303].

Итак, целые тексты святителя Игнатия строятся на использовании символического сюжета, который становится важнейшим конструктивным признаком проповеднического жанра стихотворение в прозе. Различные этапы развития этого сюжета в коммуникативных блоках «стихотворения» — это своего рода прагматические типы высказываний, которые служат одной цели — доступно, образно, ярко представить христианское учение человеку XIX века. Святитель Игнатий понимает, что недостаточно использовать многообразие выразительных средств языка, образный, выразительный язык не может в полной мере отвечать требованиям к текстам церков-

но-проповеднического стиля. Переосмыслить слово и его понятие, найти не просто образное, а символическое значение денотата (например, символическое переосмысление слова *древо* в 3 тексте помогает проповеднику описать догмат о воскресении мертвых) — цель «поэтических сочинений» святителя Игнатия, которая и обуславливает наличие особой композиционной схемы жанра. Четкая последовательность этапов раскрытия символического плана проповеди позволяет автору объяснить вечное через временное, общее через частное, «непостижимое и необъяснимое» через видимое и объяснимое.

Литература:

1. Аверинцев, С. С. Жанр как абстракция и жанр как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М., 1996.
2. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — М., 1997.
3. Аверьянова, Е. В. Семиотическое прочтение Жития Никиты-затворника // Филологические науки. — 1999. — № 6. — с. 73–78.
4. Безяева, М. Г. Коммуникативный блок как одна из единиц изучения диалога // ВМУ. — Сер. 9. Филология. — 2000. — № 5. — с. 27–59.
5. Власова, О. Ф. Основные закономерности членения древних текстов (на материале религиозно-публицистических текстов древне- и среднеанглийского периодов) // Текст как важнейшая единица коммуникации (в диахронии и синхронии). — Киев, 1984. — с. 11–16.
6. Гаспаров, М. Л. Стихотворения в прозе // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001. — с. 1039.
7. Еремин, И. П. Лекции по древнерусской литературе. — Л., 1968.
8. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. — М., 1982.
9. Ипатова, С. Н. Святитель Игнатий как проповедник: Лингвистическое исследование. — Вологда: Издательский центр ВИРО, 2007. — 184 с.
10. Лебедев, Ю. Русская классическая литература и православие: в контексте «Писем о подвижнической жизни» святителя Игнатия (Брянчанинова) // Духовный собеседник. — Самара, 2000. — № 2. — с. 166–173.
11. Святитель Игнатий (Брянчанинов). Творения: В 7-ми т. Т. 1. — М., 1993.
12. Тмарченко, Н. Д. Жанр // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М., 2001. — с. 263–265.
13. Флоровский, Г., прот. Византийские Отцы V–VIII веков. Из чтений в Православном богословском институте в Париже. — Париж, 1933.

Терминологизация общеупотребительной лексики английского языка (на материале терминологии сварочного производства)

Клепиковская Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова. (г. Северодвинск)

Данная статья посвящена рассмотрению процесса терминологизации общеупотребительной лексики английского языка, приводящего к переосмыслению лексической единицы общего языка и образованию терминов сварочного производства. Процесс терминологизации осуществляется посредством метафорического и метонимического переносов.

Ключевые слова: терминология, терминология сварочного производства, метафора, метонимия

При формировании новой или при пополнении уже существующей терминосистемы перед терминологами встает задача номинации вновь появившихся предметов

и объектов, которая решается, в основном, не при помощи создания новых терминов, а за счет использования уже существующих в языке лексических единиц,

но в новых значениях и в новой для них функции наречения.

Процесс перехода общеупотребительной лексики в терминологическую сферу трактуется в ряде работ как процесс терминологизации [1, с. 436; 8, с. 12]. Терминологизация понимается двояко: в широком смысле она охватывает все процессы образования новых терминологических единиц в результате переосмысления значения общеупотребительной лексической единицы (т.е. термины «терминологизация» и «семантический способ терминообразования» при такой трактовке могут считаться эквивалентными). В ходе терминологизации общеупотребительной лексики реализуются процессы сужения или расширения семантики лексической единицы, различные типы переноса, т.е. процессы, приводящие в конечном итоге к переходу лексической единицы в терминосферу. В узком смысле под терминологизацией понимаются отдельные изменения в семантической структуре лексической единицы в процессе ее перехода в разряд термина (при таком понимании терминологизация оказывается одним из подвидов семантического способа) [7, с. 8].

В данном исследовании *терминологизация* выступает в качестве разновидности семантического способа образования, как процесс переосмысления значения лексической единицы общего языка при переходе в терминологическую сферу, осуществляемый посредством метафорического и метонимического переноса.

В семантической структуре лексической единицы можно выделить основное и переносные значения. Эти словозначения связаны различными типами отношений, в основе которых лежат разные виды связей [9, с. 90]. Суть переосмысления значения слова заключается в том, что наименование одного денотата распространяется на другой, если их концепты в чем-то сходны или же между ними есть связь. Связь может быть импликационная (при этом подразумевается связь между целым и частью) и квалификационная (она предполагает наличие общего признака у разных денотатов). К импликационному типу относятся метонимия (а также синекдоха), к квалификационному типу причисляют метафору (а также синэстезию и функциональный перенос) [12, с. 67–68].

Рассмотрев терминологию сварочного производства в современном английском языке, можно отметить, что развитие новых значений у лексических единиц осуществляется не хаотически, а по стандартным моделям, наиболее продуктивными из которых следует признать метафорический и метонимический переносы, относящиеся к процессам вторичной номинации и представляющие собой «устойчивый механизм образования новых лексических единиц, а не стилистический троп, связанный с поэтической функцией языка» [15, с. 82].

В сфере терминологии метафора является средством образования новой единицы номинации (т.е. термина), с каковой целью используется уже готовая, существующая в общем языке единица. Однако, как и в общем языке, термин появляется лишь при наличии ассоциа-

тивных связей по сходству формы, внешнего вида, производимого впечатления, функции. При таком переносе возникают сходные образные ассоциации, которые в момент осуществления переноса признаются наиболее важными [5, с. 372].

Метафора в данной работе рассматривается как средство номинации новых предметов и явлений путем изменения значения и исследуется на основе семантической классификации, предполагающей выявление основных сфер лексики, служащих источниками для метафорических переносов.

В качестве основных источников метафоризации могут выступать следующие концептуальные сферы: человеческое тело, животные (данная область признается одной из наиболее продуктивных, поскольку в процессе метафоризации участвуют названия самих животных, а также частей их тела); растения; здания и постройки; механизмы и инструменты и др. Например, лексическая единица *arm* обозначает часть тела человека и имеет основное значение ‘the part of the body between the shoulder and the hand’ [2, с. 73]. Метафорический перенос значения способствовал образованию нового термина в области сварки, например, *electrode arm* ‘электрододержатель’ (символом переноса, т.е. тем признаком, на основании которого произошло переосмысление значения, послужила функция предметов). Слово *skirt* со значением ‘a woman’s or girl’s garment that hangs from the waist’ [2, с. 73], послужило основой для создания термина, переводимого на русский язык как ‘юбка изолятора’.

Можно привести и другие примеры, так, слово *bridge*, имеющее в общеязыковом употреблении предметное значение ‘мост’ в результате метафоризации получает в сварочной макротерминосистеме значение ‘перемычка’, слово *shell* ‘скорлупа, панцирь’ — значение ‘оболочка’, слово *stem* ‘стебель, ствол’ — значение ‘штевень’, слово *tongue* ‘язык’ — значение ‘наконечник’, слово *shoe* ‘ботинок’ — значение ‘сосуд для нагрева’.

Очевидно, что термины-метафоры имеют достоинства, к каковым относятся краткость, меткость, доходчивость, т.е. именно те качества, которых нередко не хватает длинным «книжным» терминам. Более того, они не представляют сложности для понимания, поскольку являются мотивированными и тем самым удобными для профессиональной коммуникации [14, с. 62].

Недостатками термина-метафоры считается затемнение и искажение классификационных связей, которые существуют между соответственными понятиями [10, с. 50–51]; такие термины часто оказываются включенными в терминосистему другой технической дисциплины или отрасли техники и представляют собой омонимы к общеупотребительным словам.

Метонимический перенос является одним из видов изменений в семантической структуре слова. Метонимизация представляет собой процесс развития смыслового содержания на основе смежности того, что уже обозначено предыдущим значением лексической единицы и но-

вого обозначаемого [6, с. 130]. Перенос имени при метонимизации осуществляется на основе смежности объектов, явлений во времени или пространстве.

Анализ терминов в сфере терминологии сварочного производства показывает, что в данной области знания метонимический перенос осуществляется на основе смежности различных категорий и объектов действительности: действий, явлений, предметов и лиц, материалов и свойств и др. В результате были выявлены основные наиболее продуктивные модели метонимического переноса, лежащего в основе образования терминов единиц исследуемой отрасли.

Модель 1. Действие — результат действия *channeling* 1) каналообразование и 2) канал [11, с. 78], *covering* 1) нанесение покрытия и 2) покрытие [11, с. 117; 13, с. 170].

Модель 2. Явление — величина *conduction* 1) проводимость и 2) теплопроводность [13, с. 151; 11, с. 101], *reflectance* 1) отражение и 2) коэффициент отражения [13, с. 389; 11, с. 323], *resistance* 1) сопротивляемость и 2) сопротивление [13, с. 539; 11, с. 438].

Модель 3. Материал — предмет из этого материала *copper* 1) медь и 2) медное покрытие [3, с. 62; 11, с. 113], *iron* 1) черное железо и 2) сердечник электромагнита [11, с. 284], *steel* 1) сталь и 2) стальная пластина радиатора [4, с. 287].

Модель 4. Имя автора — название созданного им произведения. Метонимический перенос затрагивает не только имена нарицательные. При метонимизации возможен также переход имен собственных в нарицательные, что приводит к появлению в составе терминосистем *терминов-эпонимов*. В большинстве случаев в основу именования того или иного явления кладутся имена людей — первооткрывателей данных явлений и объектов (*galvanic cell, galvanic battery* — гальванический элемент, гальваническая батарея (назван в честь Л. Гальвани)).

Модель 5. Особой разновидностью метонимического переноса является **синекдоха**, подразумевающая перенос

с части на целое, либо с целого на часть, *semiconductor* 1) полупроводник и 2) полупроводниковый прибор [13, с. 577; 11, с. 466].

Для терминов, образованных на основе метонимического переноса, характерны различные случаи трансформации лексики. Наиболее распространенным при терминологическом образовании является переход лексики абстрактной в лексику конкретную. В качестве примеров могут служить следующие терминологические единицы: *pawl coupling, hydraulic clutch, timing control*. Кроме того, возможны трансформации следующих видов: абстрактное — абстрактное (например, *current conduction*), конкретное — конкретное (например, *semiconductor, iron*).

Таким образом, появление специальной отрасли научного и технического знания обуславливает необходимость создания собственного терминологического аппарата. В процессе своего становления и совершенствования терминосистема сварочного производства опирается на языковые ресурсы английского языка, а также использует лексический состав других языков. Являясь частью общезыковой системы, данная терминология формируется и развивается по принципам и правилам, принятыми в общем языке, т.е. терминологическая номинация осуществляется основными способами, характерными для общезыковой лексики. Любая терминология, в том числе и терминология сварочного производства, во многом формируется за счет терминов, образованных на основе модификаций семантической структуры лексических единиц общего языка. Результаты анализа лексики терминологии сварочного производства английского языка показывают, что лексический фонд данной отрасли характеризуется наличием терминов, являющихся результатом процесса терминологизации общепотребительной лексики, который осуществляется по различным моделям. Одними из наиболее продуктивных способов изменения значения лексической единицы являются метафорический и метонимический переносы, которые рассматриваются в качестве регулярного механизма терминологического образования.

Литература:

1. Fraas, C. Lexikalisch-semantische Eigenschaften von Fachsprachen [Text] / C. Fraas // Fachsprachen: Languages for Special Purposes — Ein internationales Handbuch zur Fachsprachenforschung und Terminologiewissenschaft. — Berlin—New York, 1998. — S. 428—438.
2. Hornby, A. S. The Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text] / A. S. Hornby. — М., 2006. — 1566 p.
3. Layton, T. Dictionary of Nautical Words and Terms [Text] / T. Layton. — Glasgow, 1995. — 244 p.
4. Meade, W. A Treatise on Naval Architecture and Shipbuilding [Text] / W. Meade. — Philadelphia, 1869. — 496 p.
5. Mekis, Z. Der "Wortaustausch" zwischen dem Fachwortschatz des Toutismus und dem Wortschatz der Gemeinsprache [Text] / Z. Mekis // Budapesti Gazdasagi Foisikola. — Magyar Tudomany Napja, 2008. — S. 369—374.
6. Дубровская, Н. В. Метонимия в селькупском языке [Текст] / Н. В. Дубровская // Вестник ТГПУ. — 2009. — Вып. 4 (82). — с. 130—133.
7. Думитру, Э. Особенности развития и современное состояние русской геоморфологической терминологии [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. Думитру. — М., 2008. — 24 с.
8. Евстифеева, М. В. терминологическая система валютного рынка на современном этапе ее развития [Текст]: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Евстифеева. — М., 2007. — 23 с.

9. Конецкая, В.П. Семантические типы слов (на материале английского языка) [Текст] / В.П. Конецкая // Вопросы языкознания. — 1993. — № 6 — с. 89–100.
10. Лотте, Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики [Текст] / Д.С. Лотте. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 159 с.
11. Лысенко, В.А. Современный англо-русский морской технический словарь [Текст] / В.А. Лысенко. — Киев: ИП Логос, 2005. — 608 с.
12. Никитин, М.В. Основы лингвистической теории значения [Текст] / М.В. Никитин. — М.: Высшая школа, 1988. — 168 с.
13. Фаворов, П.А. Англо-русский морской словарь [Текст] / П.А. Фаворов. — М.: Советская энциклопедия, 1973. — 792 с.
14. Холодилова, М.В. Роль метафоры в русском подъязыке лесопильной промышленности [Текст] / М.В. Холодилова // Ученые записки молодых филологов КГПУ им. В.П. Астафьева. Сер. 1: Русистика. — Красноярск, 2008. — с. 62–68.
15. Черникова, Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии [Текст] / Н.В. Черникова // Филол. науки. — 2001. — № 1. — с. 82–90.

Лингвокогнитивная парадигма как основа в методологии исследования концепта

Климова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент;

Сенюкова Оксана Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский

Статья посвящена сравнительно новому направлению в лингвистической науке — когнитивной парадигме, одной из главных особенностей которой является рассмотрение языка как средства овладения знаниями. Автор отмечает, что современный когнитивный подход к языку — это убеждение, что языковая форма, в конечном счете, отражает структуры человеческого сознания, мышления и познания. В статье обращается взгляд на понятие «концепт» в перспективе изменяющегося русского слова и с учетом его экспликации в русском сознании философски и лингвистически.

Ключевые слова: лингвокогнитивная парадигма, языковая форма, познание, концепт.

Проблемы представления знаний в языке являются чрезвычайно актуальными и рассматриваются с опорой на когнитивность. Когнитивный аспект связан с познавательной гносеологической функцией языка, которая является «средством получения нового знания» о действительности. Н.Д. Арутюнова видит содержание этой фундаментальной мысли языка в том, чтобы «служить оружием выражения мысли» [10, с. 160].

Когнитивная парадигма в лингвистической науке является сравнительно новым направлением, одной из главных особенностей которой является рассмотрение языка как средства овладения знаниями. Она предполагает исследование того, каким образом передается фрагмент знаний об окружающем мире, каковы особенности такого способа передачи знаний.

В XX веке, основываясь на работах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, В.З. Панфилова, Ю.С. Степанова, возникла новая дисциплина — когнитивная лингвистика, предметом изучения которой стал язык, как общий механизм приобретения, использования, хранения и выработки знаний.

В данном лингвистическом направлении анализ идет «от знания смысла к способу его выражения, к его интер-

претации с помощью языковых... значений». Знание рассматривается как базисная форма когнитивной организации культуры, поскольку представляет собой фактор упорядочения повседневной жизни и деятельности. Благодаря своей актуальности в жизни человека, знание становится элементом культуры. Параллельно «знание является продуктом культуры, так как процесс освоения человеком правил, норм и стереотипов речевого мышления, выработанных предшествующими эпохами, происходит путем включения знаний в реальную историческую практику людей, принадлежащих соответствующему этнокультурному сообществу» [1, с.10–11].

Сам язык рассматривается в данной научной парадигме как система знаков, как материальный носитель когнитивных процессов, т.е. «выступает, главным образом, в виде своеобразной «упаковки». [11, с. 16].

В рамках данной парадигмы определен когнитивный подход. А.А. Кибрик справедливо подчеркивает, что когнитивный подход к языку — это убеждение, что языковая форма, в конечном счете, отражает структуры человеческого сознания, мышления и познания [7, с.126].

Когнитивную лингвистику интересуют когниции. Когниция — это англоязычный термин; по своему со-

держанию отличается от наиболее близкого ему русскоязычного термина «познание». В Философском энциклопедическом словаре когнция определяется как «знание», «познание» [14, с.184]. Понятие когнции включает большой спектр значений: знание, сознание, разум, мышление, представление, разработка стратегий речемышления и т.д.

В его пределах находятся и привычные психические процессы: восприятие, мысленные образы, воспоминание, внимание, узнавание. Однако она отличается от знания и эмоций; имеет дело не только с истинными знаниями, но и мнениями, рассматривающимися с точки зрения представления их языковыми структурами. Это не только целенаправленное, теоретическое познание, но и простое обыденное (не всегда осознанное), постижение мира, приобретение самого простого — телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром [4, с. 9].

Вся познавательная деятельность человека направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний. Концепты — определенные структуры знаний являются базовыми элементами системы знаний о мире. Именно этими единицами и структурами человек оперирует в процессе мышления и речемышлительной деятельности.

В последнее время, в современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к проблеме исследование концепта, который, на наш взгляд, связан с отсутствием его однозначного понимания. Первоначально понятие «концепт» не воспринималось в научной литературе как термин. В философском словаре указанный термин имеет следующее толкование: а) формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие; б) в логической семантике — смысл имени [14, с. 189]. Только в конце XX-го века в связи с переводами англоязычных авторов на русский язык возникает проблема понятия «концепт».

При этом слово «концепт» объясняется следующим образом: от латинского *conceptus* — мысль, понятие, смысловое значение имени, знака, то есть содержание понятия, у которого есть предмет (денотат) этого имени.

«Полисемия» трактовки концепта обозначилась в специальной работе, которая обусловила появление концептуального направления в современной науке о языке — в статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово». Неоднозначность в понимании данного феномена прослеживается в работах современных исследователей.

Обратим наш взгляд на понятие «концепт» в перспективе изменяющегося русского слова и с учетом его экспликации в русском сознании философски и лингвистически. Представлен он по-разному:

— концепт (как элемент языкового сознания) является первичной оперативной единицей когнитивной семантики — семантическим эмбрионом, или смысловым геном значения языкового знака [1, с. 228];

— концепт — это единица коллективного знания/сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [5, с. 47];

— концепт — основная единица ментальности, выражающая со-значения «национального колорита», концепт — «своего рода росток первообраза», первосмысл. Он представлен в своих содержательных формах, обусловленных этнокультурной семантикой, как образ, как понятие и как символ [8, с.19];

Любой человек, своего рода «концептоноситель», который может по-разному расшифровать концепт в зависимости от ситуационного контекста, а также от своего культурного опыта.

— концепт — средство представления культурной темы в языке, «основная ячейка культуры в ментальном мире человека». Основная форма концепта — языковая форма — слова или словосочетание [12, с. 534].

Общим для данных подходов является утверждение неоспоримой связи языка и культуры. Расхождение обусловлено разным видением роли языка в формировании концепта.

Таким образом, разные определения концепта позволяют обозначить его признаки. Он является минимальной единицей человеческого опыта в своем идеальном представлении, основной единицей обработки, хранения и передачи знаний, «выступает своеобразным элементом концептуальной системы или системы знаний о мире». Концептуальная система представляет собой все многообразие концептов, которыми человек оперирует, как в процессе обработки поступающей к нему информации, так и в процессе речемышлительной деятельности [3, с. 85].

Разнообразие форм познания человеком мира определяет разные способы формирования концептов в сознании человека: (на основе чувственного опыта; в предметно-практической деятельности; в познавательной и мыслительной деятельности; на основе вербального и невербального общения).

Наши знания легко приспосабливаются к изменениям, происходящим в обществе, следовательно, единица хранения и передачи знания легко приспосабливается к этим изменениям, поэтому содержание концепта постоянно насыщается, а его объем увеличивается за счет новых концептуальных характеристик. Они выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит, многие значения.

С.А. Кошарная подробно описала механизм репрезентации концепта, указывая на то, что главным здесь является языковой знак. При этом «концепт» не просто языковой знак. Теоретически он может быть выражен совокупностью средств языка, каждое из которых раскрывает лишь его часть. Слово выступает в качестве своеобразного стимула в сознании человека, оно «открывает файл», содержание которого заключено в понятии, а по-

нятие вызывает «воспоминание» о представлениях, актуализирует некоторое ментальное изображение (образ).

Таким образом, «концепт представляет собой отдельный фрагмент национально-культурной ментальной картины мира». В нем в свернутом виде содержится смысловая информация, которая разворачивается посредством вербальной репрезентации, представленной в языковом знаке [9, с. 71].

Концепт обладает главным для выражения ментальности народа: способностью концентрировать в себе результаты дискурсивного мышления в их образно-оценочном и ценностно — ориентированном представлении [1, с.39]. Главная черта концепта — он представляет собой культурно маркированное мировосприятие.

Таким образом, все многообразие исследовательских подходов к интерпретации понятия «концепта» объединяет признание за ним статуса ментального феномена, идеальной сущности, формирующейся в сознании человека: «мысленное образование» [Аскольдов 1997], «объект из мира «Идеальное» [Вежбицкая 1997], «ментальная репрезентация» [Кубрякова 1999; 2002], «фрагмент национально-культурной ментальной картины мира» [Кошарная 2005]. Оказывается очевидным, что существующие в лингвистике подходы к пониманию концепта сводятся к лингвокультурному и лингвокогнитивному осмыслению явлений [Н. Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов].

Литература:

1. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание, культура: когнитивно-семиолог. синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко; Белгор. гос. ун-т. — Волгоград: Перемена, 2006. — 228 с.
2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / Ин-т народов России, Моск. гос. лингв. ун-т, О-во любителей рос. словесности; под ред. В. П. Нерознака. — М., 1997. — с. 267–280.
3. Беседина, Н. А. Концептуальный и семантический уровни (проблемы разграничения и взаимодействия) / Н. А. Беседина // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы междунар. науч. конф., г. Белгород, 11–13 апр. 2006 г. / отв. ред. О. Н. Прохорова; БелГУ. — Белгород, 2006. — Вып. 9, ч. 1. — с. 85–90.
4. Болдырев, Н. Н. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке / Н. Н. Болдырев, Н. А. Беседина // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. — 2007. — Т. 66, № 1. — с. 3–10.
5. Воркачев, С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. — 2001. — Т. 60, № 6. — с. 47–58.
6. Демьянков, В. З., Кубрякова Е. С. Когнитивная модель // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — С. 56–60.
7. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — с. 126–139.
8. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. — СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. — 240 с.: ил. — (Slavica Petropolitana).
9. Кошарная, С. А. Понятие о концепте: взгляд лингвокультуролога / С. А. Кошарная // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника: сб. материалов междунар. науч. — метод. конф. — Старый-Оскол 2005. — Т. 1. — с. 71–80.
10. Логический анализ языка: Язык речевых действий / гл.ред. Арутюнова Н.Д., Рябцева Н.К. и [др.]. — 1994, М.: — 189 с.
11. Петров, В. В., Герасимов В. И. 1988 — На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23. — М., 1988С.
12. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М.: Яз. рус. культуры, 1997. — 824 с.
13. Talmy, L. Toward a cognitiv semantics / L. Talmy. — 2 vol. — Cambridge, Mass.; L.: MIT Press 2000. — viii, 495 p.: ill.
14. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и [др.]. — 1983, М.: Сов. энцикл., 1983. — 840 с.

Интерактивные методы обучения иностранному языку

Маткаримова Ашурхон Исмоиловна, старший преподаватель;
Тоштемиров Элёр Нуралиевич, ассистент;
Хамидов Бехзод Ахадович, магистр
Андижанский государственный университет (Узбекистан)

На сегодняшний день перед преподавателями иностранного языка в неязыковом вузе остро стоит проблема поиска путей повышения познавательного интереса студентов к изучению языка, укрепления их положительной мотивации в учении. Одной из возможностей решения данной проблемы является использование технологии интерактивного обучения. Технологию интерактивного обучения можно определить как совокупность способов целенаправленного усиленного межсубъектного взаимодействия педагога и учащихся, последовательная реализация которых создает оптимальные условия для их развития.

Ключевым понятием, определяющим смысл интерактивных методов, является «взаимодействие». Взаимодействие понимается как непосредственная межличностная коммуникация, важнейшей особенностью которой признается способность человека «принимать роль другого», представлять, как его воспринимает партнер по общению или группа, и соответственно интерпретировать ситуацию и конструировать собственные действия.

Педагогическое взаимодействие — это обмен деятельности между педагогом и учащимися, в котором деятельность одного обуславливает деятельность других.

Интерактивное педагогическое взаимодействие характеризуется высокой степенью интенсивности общения его участников, их коммуникации, обмена деятельностью, сменой и разнообразием их видов, форм и приемов, целенаправленной рефлексией участниками своей деятельности и состоявшегося взаимодействия. Интерактивное педагогическое взаимодействие, реализация интерактивных педагогических методов направлены на изменение, совершенствование моделей поведения и деятельности участников педагогического процесса.

Ведущими признаками и инструментами интерактивного педагогического взаимодействия являются: полилог, диалог, мыследеятельность, смыслотворчество, межсубъектные отношения, свобода выбора, создание ситуации успеха, позитивность и оптимистичность оценивания, рефлексия и др.

В педагогической интерпретации полилог — это возможность каждого участника педагогического процесса иметь свою индивидуальную точку зрения по любой рассматриваемой проблеме; готовность и возможность для участников высказать эту точку зрения; причем любая точка зрения, какой бы она ни была, имеет право на существование.

Диалог предполагает восприятие участниками педагогического процесса себя как равных партнеров, субъектов взаимодействия.

Классифицировать интерактивные методы можно по их ведущей функции в педагогическом взаимодействии на методы:

- создания благоприятной атмосферы, организации коммуникации;
- организации обмена деятельностью;
- организации мыследеятельности;
- организации смыслотворчества;
- организации рефлексивной деятельности.

Методы создания благоприятной атмосферы, организации коммуникации своей процессуальной основой имеют «коммуникативную атаку», осуществляемую педагогом в самом начале организуемого педагогического взаимодействия (в начале урока, занятия, внеклассного дела и т. п.) на этапе введения в атмосферу иноязычного общения для оперативного включения в совместную работу каждого учащегося. Методы этой группы способствуют самоактуализации всех учащихся, их конструктивной адаптации к складывающейся педагогической ситуации.

Примерами таких методов могут быть: «Аллитерация имени» (особенно эффективен при организации знакомства класса или при изучении темы «Внешность и характер человека»), «Заверши фразу», «Комплимент», «Подари цветок», «Прогноз погоды».

Методы организации обмена деятельностью предполагают сочетание индивидуальной и групповой совместной работы участников педагогического взаимодействия, совместную активность, как преподавателя, так и студентов. Ведущим признаком этих методов является объединение учащихся в творческие группы для совместной деятельности как доминирующего условия их развития.

Например: «Мастерская будущего», «Интервью», «1*2*4», «Круглый стол» (при обучении дискуссии).

Методы организации смыслотворчества ведущей функцией имеют создание учащимися и педагогом нового содержания педагогического процесса, создание учащимися своего индивидуального смысла изучаемых явлений и предметов, обмен этими смыслами, обогащение своего индивидуального смысла.

Например: «Ассоциации», «Алфавит» (позволяет повторить практически всю лексику по теме), «Минута говорения», «Аллитерация понятия».

Методы организации мыследеятельности, с одной стороны, создают благоприятную атмосферу, способствуют мобилизации творческих потенций учащихся, развитию их положительной мотивации к учению, с другой — стимулируют активную мыслительную деятельность, выполнение учащимися различных мыслительных операций.

Например: «Четыре угла», «Выбор», «Дюжина вопросов», «Смена собеседника» (тренировка вопросов — ответов).

Методы организации рефлексивной деятельности направлены на самоанализ и самооценку участниками педагогического взаимодействия, своей деятельности, ее результатов, обычно организуются на завершающем этапе занятия. Методы этой группы позволяют учащимся и педагогу зафиксировать состояние своего развития и определить причины этого.

Например: «Рефлексивный круг», «Мини-сочинение», «Зарядка», «Цепочка пожеланий», «Заверши фразу».

Технология интерактивного обучения может быть технологической характеристикой отдельного урока, занятия, внеклассного мероприятия. В то же время в интерактивном режиме можно проводить серию или все

уроки, семинары или занятия по какой-либо учебной дисциплине.

Использование интерактивных методов в педагогическом процессе побуждает преподавателя к постоянному творчеству, совершенствованию, изменению, профессиональному и личностному росту, развитию. Ведь знакомясь с тем или иным интерактивным методом, преподаватель определяет его педагогические возможности, идентифицирует с особенностями учащихся, предлагаемого содержания, примеряет к своей индивидуальности. И эта инновационная деятельность не оставляет педагога, пока он осознает, что интерактивные методы обучения являются действенным педагогическим средством, а использование в педагогическом процессе технологии интерактивного обучения — необходимое условие оптимального развития и тех, кто учится, и тех, кто учит.

Литература:

1. Кашлев С. С. Технология интерактивного обучения. — Мн.: «Белорусский верасень», 2005. — 176 с.
2. Чернявская А. Л. Педагогическая техника в работе учителя. — М.: Центр «Педагогический поиск», 2001.
3. Йулдашев Ж. Г., Усмонов С. А. Педагогик технология асослари. — Ўқув қўлланма. Т.: «Ўқитувчи», 2004

Словообразовательные гнезда синонимичных глаголов *сүөр* «развязывать, распутывать, отвязывать» и *өһүл* «распускать, развязывать» в якутском языке

Копырина Елена Петровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск)

*В статье исследуются словообразовательные гнезда с вершинами **сүөр** 'развязывать, распутывать, отвязывать' и **өһүл** 'распускать, развязывать' в якутском языке в деривационно-семантическом аспекте. Рассмотрены словообразовательные отношения синонимичных глаголов, их словообразовательные гнезда.*

Ключевые слова: глагол, словообразовательное гнездо, многозначность, синонимия, якутский язык.

Словообразовательное гнездо является центральной единицей дериватологии. В исследованиях последних лет словообразовательное гнездо (СГ) рассматривается как микросистема, связывающая грамматику, словообразование и лексику. Проблема выявления словообразовательного потенциала различных частей речи составляет важнейшую задачу системного изучения языка. Богатый и обширный материал для анализа в этом плане представляют отглагольные гнезда, поскольку «среди всех частей речи глагол имеет самые широкие словообразовательные связи и оказывает большое влияние на все важнейшие процессы словообразования» [4, с. IX].

В якутском языкознании словообразование является одной из недостаточно разработанных областей. Словообразование якутского языка определяется его агглютинативным характером, основным способом образования новых слов является аффиксация. В настоящей статье по данным «Большого толкового словаря якутского языка»

(БТСЯЯ) рассматриваются СГ с глагольными вершинами *сүөр* и *өһүл*, которые являются синонимами. Значения слов выяснялись также по данному изданию [1]. Семантика аффиксов при образовании различных частей речи уточнялась по «Грамматике современного якутского литературного языка» [2].

По своим основным значениям глаголы *сүөр* и *өһүл* можно отнести к семантической подгруппе глаголов разделения (а именно чего-либо связанного, скрепленного), входящей в лексико-семантическую группу (ЛСГ) глаголов физического воздействия на объект. Будучи производными, многозначными, частотными и стилистически нейтральными, данные глаголы входят в ядро этой подгруппы и ЛСГ в целом.

В БТСЯЯ глагол *сүөр* представлен в трех значениях: 1) развязывать, распутывать *что-л.*, отвязывать *кого-что-л.* (*былааккын сүөр* 'развязать платок'); 2) отстегнуть (*пуговицу*) (*ырбаахын үһээ тимэҕин*

сүөр ‘отстегнуть верхнюю пуговицу рубашки’); 3) переносное значение: уладить (*напр.*, *конфликт*), разрешить (*напр.*, *спор*) (*бэйэм буруйдаахпын — бэйэм сүөрүөхтээхпин* ‘сам виноват — сам разрешу, улажу’). В первых двух значениях данный глагол обозначает ситуацию разделения и отделения объекта, в третьем, выражая достижение благоприятного, желаемого результата, согласование, примирение каких-либо разногласий, недоразумений и т.п., обозначает ситуацию достижения цели (группа глаголов социальной деятельности). Глагол *өһүл* представлен в четырех значениях: 1) распускать, развязывать (*тимэхпин өһүл* ‘отстегни мне пуговицу’); 2) отвинчивать, развинчивать *что-л.* (*гаайканы өһүл* ‘отвинтить гайку’); оттенок — разбирать *что-л.* на части (*массыынаны өһүл* ‘разобрать машину’); 3) переносное значение: отступать от данного слова (*эппит тылбын өһүлбэппин* ‘не отступлю от своих слов’); 4) переносное значение: отказаться от намерения мстить *кому-л.*; прощать *кого-л.* (*изэтэхэр санаатын өһүллэ* ‘отказался от намерения мстить’). Данный глагол также в первых двух значениях передает ситуации разделения и отделения, в третьем и четвертом значении относится к глаголам поступка и поведения (группа глаголов социальной деятельности).

Глаголы *сүөр* и *өһүл* синонимичны в своих основных значениях. Их вторичные значения образуются в одном направлении, в переносных значениях оба глагола входят в группу глаголов социальной деятельности.

По данным БТСЯЯ первый глагол имеет 7 производных, второй — 5. Оба гнезда имеют одноступенчатую структуру.

В словаре все производные СГ с вершиной *сүөр* представлены как грамматические формы — 4 залоговые формы, 2 видовые формы (2 варианта одной формы). Эти формы демонстрируются без толкования, с отсылкой к исходной форме слова, при которой дана разработка лексических значений. Тем не менее, необходимо отметить, что «независимо от способов лексикографирования залоговых форм уже само их включение в словарь свидетельствует о том, что лексикографы считают эти формы объектом словаря, а не грамматики» [6, с. 123]. Частеречная структура гетерогенная, преимущественно глагольная (6 производных из 7). Все дериваты моносемантчны, лексикализации не наблюдается.

Производные СГ с вершиной *өһүл* представлены в БТСЯЯ иначе. 2 залоговые формы представлены как лексикализованные формы с собственным лексическим значением, т.е. идут с толкованием без отсылки к ис-

Таблица 1

Словообразовательное гнездо глагола *сүөр*

сүөр	<i>сүөрдэр</i> (<i>сүөр</i> + аффикс побудительного залога -дэр) ‘заставить развязать, распутать, отвязать’
	<i>сүөрүс</i> (<i>сүөр</i> + аффикс совместно-взаимного залога -үс) ‘вместе развязать, распутать, отвязать’
	<i>сүөрүн</i> (<i>сүөр</i> + аффикс возвратного залога -үн) ‘развязывать, распутывать, отвязывать себе’
	<i>сүөрүлүн</i> (<i>сүөр</i> + аффикс страдательного залога -үлүн) ‘быть развязанным, распутанным, отвязанным’
	<i>сүөртэлээ</i> (<i>сүөр</i> + аффикс формы многократного вида -тэлээ) ‘развязывать, распутывать, отвязывать несколько объектов’
	<i>сүөрүтэлээ</i> (<i>сүөр</i> + аффикс формы многократного вида -үтэлээ) ‘развязывать, распутывать, отвязывать несколько объектов’
	<i>сүөрүү</i> (<i>сүөр</i> + аффикс имени действия -үү) ‘развязывание, распутывание, отвязывание’

Таблица 2

Словообразовательное гнездо глагола *өһүл*

өһүл	<i>өһүлтэр</i> (<i>өһүл</i> + аффикс побудительного залога -тэр) ‘отнять, забрать силы у кого-л., ослабить кого-л.’
	<i>өһүлүн</i> (<i>өһүл</i> + аффикс возвратного и страдательного залогов -үн) 1) ‘распускаться, развязываться, расплетаться’ с оттенком ‘расстегиваться, развязываться (<i>напр.</i> , <i>о пуговицах, вязках</i>)’, 2) ослабевать (<i>о морозе, холоде</i>)
	<i>өһүлтэлээ</i> (<i>өһүл</i> + формы многократного вида -тэлээ) ‘распускать, развязывать, расплетать несколько объектов’
	<i>өһүллүмтүө</i> (<i>өһүлүн</i> + аффикс -мтүө, образующий прилагательные, обозначающие особую склонность, способность производить действие, обозначаемое основой глаголов) 1) ‘легко развязывающийся, расплетающийся’, 2) ‘легко отвинчивающийся, плохо завинченный (<i>о гайке</i>)’
	<i>өһүллэбэс</i> (<i>өһүлүн</i> + аффикс -эбэс, образующий прилагательные, обозначающие качество, свойственное преимущественно людям) ‘слабый, нестойкий, непостоянный’

Таблица 3

Производные глаголов сүөр и өһүл

	ф. побуд. за- лога	ф. совм. за- лога	ф. возвр. за- лога	ф. страд. за- лога	ф. многокр. действия	и/с	и/п
сүөр	+	+	+	+	++	+	
өһүл	+			+	+		++

ходной форме. Из всех производных с отсылкой на исходную форму дается видовая форма многократности действия **өһүлтэлээ** (*буолталары өһүлтэлээ* ‘открыть болты’). От данной глагольной основы образованы 2 имени прилагательных: **өһүллүмтүө** с двумя значениями, мотивированными основным и вторым значением глагола (*өһүллүмтүө баайы* ‘легко развязывающийся узел’; *өһүллүмтүө гаайка* ‘легко отвинчивающаяся гайка’); **өһүллэбэс**, значение которого унаследовано от третьего переносного значения основы (*өһүллэбэс киһи* ‘нестойкий человек’). Таким образом, в данном случае наблюдается лексикализация грамматических форм, а также полисемантность производных. Частеречная

структура гетерогенная (глагольный и адъективный блоки). Значения дериватов мотивированы не только основным, но и вторичными значениями вершины.

Изучение сложных смысловых взаимоотношений членов внутри СГ демонстрирует системный характер языка, основанный на взаимодействии грамматики, лексики и словообразования. Описание СГ отдельных единиц, обладающих разным словообразовательным и семантическим потенциалом, тем более являющихся синонимами, на материале якутского языка является очень перспективным и актуальным исследованием, в частности, для создания словообразовательных, толково-словообразовательных словарей.

Литература:

1. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдыта: в 15-ти т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I. Буква А. 680 с.; Новосибирск: Наука, 2010. Т. VII. Буквы Ы, О, Ө, П. 519 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка: фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 496 с.
3. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: ок. 145 000 слов: в 2-х т. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. Словообразовательные гнезда. А — П. 856 с.
4. Тихонов, А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М.: Просвещение, 1978. XVI+727 с.
5. Харитонов, Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 126 с.
6. Юлдашев, А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: Наука, 1972. 416 с.

Коммуникативные сферы-источники современных компрессивных окказионализмов

Коробкина Наталья Игоревна, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Определенная часть современных компрессивных окказионализмов рассматривается как результат концептуальной интеграции в коммуникативном пространстве языка. Выявляются наиболее прагматично-ориентированные коммуникативные сферы-источники данных новообразований.

Ключевые слова: языковая экономия, концептуальная интеграция, концептуальный бленд, окказионализм, коммуникативная сфера-источник.

Общеизвестно, что номинативный акт окказионального характера осуществляется в рамках речевой деятельности говорящего, под которой понимается сложный процесс, включающий в себя язык, речь, психические,

социальные и иные экстралингвистические факторы, необходимые для общения. Считается, что основной единицей такого процесса является коммуникативная номинация, которая может выступать в качестве морфемы,

слова, словосочетания, предложения и даже развернутого текста.

В данной статье речь пойдет главным образом об окказиональных коммуникативных номинациях, отражающих, с одной стороны, разнообразные аспекты реалий русской и английской лингвокультур, а, с другой — языковую экономию в коммуникативном пространстве языка, представляющих собой компрессивные лингвистические новинки и выступающих на уровне мышления как результат концептуальной интеграции, т.е. являющихся концептуальными блендами. Окказионализм при этом понимается как не существовавшее ранее слово или словосочетание авторского характера, появляющееся и проявляемое в речи, с присущей ему постоянной новизной с течением времени и вне условий порождения, обладающее формой, значением и выражающее определенное понятие. Окказионализм на момент своего рождения характеризуется также появлением в конкретной коммуникативной ситуации, созданием по случаю и отсутствием широкого (частотного) ситуативного функционирования (подробнее об этом см.: [1]).

Что касается концептуальной интеграции, то ее суть подробно излагается в одноименной теории Ж. Фоконье и М. Тернера, где отмечается, что действие данной базовой когнитивной операции можно наблюдать на чисто графических образах — карикатурах, вывесках, рекламных плакатах и пр. Однако в большей степени концептуальная интеграция выражается на языковом уровне, когда в подсознании языковой личности происходит смешение двух ментальных пространств, что объясняет появление особого (ментального) конструкта — концептуального бленда (подробнее см.: [2]), вербальный коррелят которого в нашем представлении может быть современным компрессивным окказионализмом.

Необычность и уникальность плана выражения и плана содержания таких новообразований объясняет, по нашему мнению, их появление в наиболее прагматично-ориентированных коммуникативных сферах-источниках, в которых с наибольшей яркостью проявляется индивидуальность языковой личности, выявляется эмоциональная значимость новой номинации и, следовательно, вызывается наибольший экспрессивный эффект. В речевом пространстве современного русского и английского языков среди таких коммуникативных сфер можно выделить печатные (газеты, журналы) и электронные (радио, телевидение) СМИ, интернет-коммуникацию (интернет-издания, данные социальных сетей и пр.), художественную литературу, рекламу и др.

Рассмотрим некоторые из этих коммуникативных сфер-источников подробнее. Ряд современных газет и журналов обращают внимание своей аудитории на такие компрессивные окказионализмы, как, например, **бабушкофон** (**бабушка + телефон**) — обычный телефон с крупными кнопками (Волгоградский бизнес-журнал. — 2012. — № 3 (64). — с. 89), **капучинозавтрак** (**капучино + завтрак**) — завтрак в кафе под названием «Капучино» (г. Волгоград) (Shopping Guide. Я Покупаю. — Вол-

гоград. 2012. — детский номер. — с. 12), **КРЫМсота** (**Крым + красота**) по-американски — совместный конкурс красоты «Миссис Америка» и «Миссис Россия», который пройдет в 2015 году в Севастополе (Комсомольская правда. — пятница-суббота, 5–6 сентября 2014 г. — с. 1, С.15), **северная тяга** — собачья упряжка, участвующая в гонке (Охота и Рыбалка XXI век. — февраль 2013. — № 2 (118)), **фуд-блогер** (**фуд + блогер**) — человек, который любит готовить, фотографировать процесс приготовления блюд и выкладывать рецепты в интернет (Joy [Джой]. — февраль 2013. — № 02. — с. 58–59), **Eggasus** (**egg + Pegasus**) — американский одноместный трехколесный электромобиль яйцеобразной формы, способный перевозить только одного пассажира (Домино Авто. — 11 июля 2012. — № 27 (721). — с. 63) и др.

Особенно интересным современным компрессивным окказионализмом, коммуникативной сферой-источником которого является газета «Комсомольская правда» (вторник, 13 января 2015 г. — с. 7), следует считать, на наш взгляд, новейшую номинацию **Франкистан**. Любопытной является, во-первых, внешняя форма данной вербемы, которая представляет собой блендинг двух разноразрядных слов — русской номинации **Франция** и суффикса персидского происхождения **истан**, используемого в качестве составной части некоторых государств Центральной Азии (например, Пакистан, Таджикистан, Узбекистан и др.). Во-вторых, в составе данного компрессивного окказионализма удалось удачно связать два исходных несмежных понятия, интегрировать их в концептуальный бленд и семантизировать номинацию **Франкистан** в значении название Франции, значительная часть населения которой исповедует ислам.

В ряду возможных коммуникативных сфер-источников современных компрессивных окказионализмов не стали исключением и интернет-СМИ. Среди зародившихся в коммуникативном пространстве всемирной паутины окказиональных номинаций можно выделить следующие: **бананотехнологии** (**банан + нанотехнологии**) — нанотехнологии, в процессе реализации которых обнаруживается их неудовлетворительный характер (Коммерсантъ. — 15.06.2007. — № 102 (3678): <http://www.kommersant.ru/Doc/774466>), **ромнизия** (**Митт Ромни + амнезия**) — болезнь, диагностированная президентом США Бараком Обамой у своего политического противника Митта Ромни, заставляющая последнего забывать свои предыдущие обещания и взгляды (Утро.ru.: <http://www.utro.ru/news/2012/10/20/1078960.shtml>), **brandalism** (**branding + vandalism**) — a movement in which street artists paint over advertising billboards with their own designs and slogans (The Telegraph: <http://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/howaboutthat/9740009/New-words-of-2012-what-a-shamazing-year.html>), **womance** (**woman + romance**) — a close personal relationship between two women which is not sexual in nature; they

are just close friends who share important thoughts and ideas (Leading Women: <http://www.leading-women.com/2011/08/womance-what-a-wonderful-word/>) и др.

Среди радиостанций наиболее продуктивными коммуникативными сферами-источниками новых компрессивных окказионализмов являются «Эхо Москвы» (**гражданин-поэт (гражданин + поэт)** — человек, который является и гражданином, и поэтом в одном лице, **долбин** — должностное лицо с бизнес-интересами, **перезагрузка (перезагрузка + Грузия)** — процесс установления отношений между Россией и Грузией «с чистого листа», **эхомосквы (Эхо + Москвы)** — вариант написания свободного словосочетания *Эхо Москвы* в сети Интернет, **юрийгагарин (Юрий + Гагарин)** — вариант написания свободного словосочетания *Юрий Гагарин* в сети интернет) и «Юмор FM» (**свекрёца (свекровь + тёща)** — свекровь и тёща в одном лице).

Спектр телепередач, как сфер порождения и функционирования современных компрессивных окказионализмов, включает в себя следующие программы: «Comedy Club» (**взрослыши (взрослые + малыши)** — люди с некоторыми чертами характера как у малышей, **Глебати (Глеб + Тимати)** — рэп-исполнитель Глеб Кузнецов в исполнении резидента Comedy Club Андрея Скорохода, **миромузин (мир + лимузин)** — лимузин, размеры которого сравнимы с миром), «Орел и Решка» (**бутербродомат (бутерброд + автомат)** — автомат-мини-духовка для выдачи бутербродов (фаст-фуда) (г. Амстердам), **пивопед (пиво + велосипед)** — велосипед в форме барной стойки, которым одновременно могут управлять 12 человек; люди крутят педали, сидя за барной стойкой и выпивая пиво (г. Амстердам), **шубтур (шубный + тур)** — поездка за границу с целью покупки шубы или других меховых изделий, когда магазин покрывает расходы на проезд и предоставляет хорошую скидку на выбранный товар (г. Афины)), «Орел и Решка: На краю света» (**гастротур (гастрономический + тур)** — тур по наиболее популярным тематическим кафе (г. Тайбей), **гастрономическая бесконечность** — нескончаемое разнообразие продуктов в магазине готовой еды (г. Токио), **Тесладрайв (Тесла + тест-драйв)** — тест-драйв электромобиля класса «люкс» «Тесла С» (г. Роттердам)), информационные программы новостей на телеканале «Первый» и «Россия 1»: **Grexit (Greece + exit)** — возможный выход Греции из еврозоны (эфир от 24.01.2015), **московская Лигурия** — Москва как центр международной торговли (эфир от 16.03.2013), **Немюгувуд (Немюгюнцы + Голливуд)** — якутская фабрика грез (эфир от 21.09.2014) и др.

Среди телесериалов, являющихся депозитарием новейших компрессивных окказиональных номинантов, можно выделить такие, как «Деффчонки» (**мексиканский епандос** — 1) фитнес-тренер из Мексики; 2) мопс (порода собак) (сезон 2, серия № 16), **шопинг-кризис (шопинг + кризис)** — кризис, вы-

званный отсутствием покупок (сезон 2, серия № 15)), «Интерны» (**венерологический покер** — игра в покер бланками анализов пациентов венерологического отделения больницы (сезон 3, эпизод 28), **камнесос (камни + пылесос)** — новейший медицинский аппарат, работающий по принципу пылесоса и предназначенный для извлечения камней из желчного пузыря (сезон 1, серия № 2)), «Универ. Новая общага» (**вузовидение (вуз + Евровидение** — внутривузовский конкурс песни, проводимый в формате Евровидения (сезон 1, серия № 51), **grandfriend (grandmother + girlfriend)** — возлюбленная молодого человека, которая годится ему в бабушки (серия № 68)) и др.

Перейдем к анализу некоторых произведений современной художественной литературы. Так, современный компрессивный окказионализм **журналог (журнал + каталог)** был зафиксирован в недавнем произведении Ф. Бегбедера «99 франков». Приведем отрывок из данной книги: «... — Я тут раскручиваю новое издание, мне обязательно нужно с тобой посоветоваться: это будет называться **журналог** — помесь журнала и каталога. // — А почему не катанал? Тяжкий вздох и глаза к небу». Очевидно, что данный текстовый фрагмент отражает письменную фиксацию сверхсуммативной семантики компрессивного окказионализма, которая, возможно, станет общеупотребительной. Об этом, кстати, уже свидетельствует дефиниция данной номинации, зарегистрированная в универсальном русско-английском словаре: *гибрид журнала и каталога, в котором, помимо собственно каталога товаров, предлагаемых на продажу, публикуются статьи, помогающие покупателям сориентироваться при принятии решения о покупке того или иного товара* [3]. А это уже говорит о начале перехода данного новообразования в разряд неологизмов.

В коммуникативном пространстве современной художественной литературы к другим сферам-источникам компрессивных окказионализмов относятся, например, стихотворения Г. В. Сапгира (**дуорога (дура + дорога)** — дорога, состояние которой производит полное непонимание) («Пельсисочная»), **предприятель (предприятие + приятель)** — близкий знакомый в предпринимаемом деле («Поездка в Колдоб»), **рвиски (рвать + виски)** — сильно резкими движениями употреблять крепкий алкогольный напиток, **свинтурист (свинья + турист)** — грязный и неопрятный турист с низменными привычками, возможно, ведущий себя грубо («Паренек и Герлески»), книга Стивена Д. Левитта и Стефана Дж. Дабнера «*Freakonomics: a rogue economist explores the hidden side of everything*» (**freakonomics (freak + economics)** — современная экономическая наука, занимающаяся изучением различных загадок повседневной жизни, результаты которого нередко ставят общепринятую точку зрения с ног на голову) и др.

Появление новых компрессивных окказиональных номинантов замечено и в телевизионных рекламных роликах, как предлагающих потребителям разнообразную продукцию, так и анонсирующих различные телепроекты. Например, в ноябре 2014 года по телевизионному каналу «СТС» регулярно транслировалась реклама нового сезона сериала «Последний из Магикян», в которой была зафиксирована новая окказиональная номинация — **Ар-магикян (Армагеддон + Магикян)**. Прокомментируем, что в данном случае процесс концептуальной интеграции играет двоякую роль: с одной стороны, данное новообразование удачно отражает креативную функцию языка / речи в номинации новых контекстуальных понятий (подробнее об этом см.: [4]); с другой стороны, решается конкретная коммуникативная задача апеллятивного характера — оказывается определенное психологическое воздействие на адресата, который побуждается к просмотру очередного проекта на телеканале «СТС», готового обрушиться на зрителя, как конец света. Именно поэтому компрессивный окказионализм **Армагикян** представляет собой результат не просто концептуальной интеграции, а следствие метафорического переноса, значительно усложняющего модель смыслообразования.

Другими примерами компрессивных окказионализмов в коммуникативном пространстве современной рекламы являются следующие: **автябрь (август + сентябрь)** — специальное предложение розничной

сети «Связной» в период с 15 августа по 15 сентября 2012 года, заключающееся в предоставлении клиентам беспроцентного кредита на смартфоны фирмы «Samsung» стоимостью свыше 10000 рублей на 12 месяцев, **Дынябуз (дыня + арбуз)** — новая разновидность сока «Добрый», представляющая собой смесь дынного и арбузного сока), **Согурт (сок + йогурт)** — напиток, выпускаемый под брендом «Растишка», представляющий собой смесь йогурта и определенного типа сока (гранатовый, яблочный и др.) и др.

Таким образом, анализ некоторых компрессивных окказиональных номинаций показывает, что важнейшими детерминантами в развитии коммуникативного пространства современного языка являются антропоцентрический подход к анализу языковых и речевых явлений, усиление интереса к лингвокреативной деятельности языковой личности и игровой функции языка, поиск новых эффективных средств для более емкой, выразительной и экспрессивной передачи мыслей, эмоций и чувств языковой личности. Именно поэтому современные компрессивные окказионализмы как результат концептуальной интеграции являются отражением новых реалий в определенном социально-культурном контексте, что обуславливает их появление и функционирование в различных наиболее прагматично-ориентированных коммуникативных сферах.

Литература:

1. Коробкина, Н. И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии: дис. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2013. — 295 с.
2. Fauconnier, G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. — Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. — P. 303–371.
3. УРАС — Универсальный русско-английский словарь. — Академик.ру, 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://universal_ru_en.academic.ru/1064736/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3 (дата обращения 30.11.2012).
4. Шаховский, В. И., Коробкина Н. И. Креативная функция языка / речи в номинации новых контекстуальных понятий // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2013. — № 2 (261). — с. 180–186.

Дистрибутивные и контекстуальные условия семантической вариативности модальных глаголов *can* и *may*

Ломаев Борис Федорович, кандидат филологических наук, доцент, профессор РАЕ
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В настоящей статье анализируются синтаксические условия реализации значений *can* и *may* — главной предикативной лексики, которая несет основную нагрузку по передаче понятия возможности в английском языке. Выбор глаголов *can* и *may* для исходного синтагматического исследования предикативных средств выражения

модальности возможности определяется их особым положением среди других языковых средств выражения данного аспекта модальности. [1, с. 834]. Выделенные нами на парадигматическом этапе исследования ключевые значения этих модальных глаголов Possibility, Ability, Certainty-Sureness, Uncertainty-Doubt, Permission-

Sanction, Chance, Probability соотносятся с определенными оттенками и степенями исследуемого понятия и являются спецификацией общего инварианта Potentiality в конкретных контекстах. Основной целью анализа функционирования *can* и *may* в речи является определение более точной идентификации и различения этих близких по значению слов.

Анализ синтаксических условий и факторов, влияющих на проявление определенных значений *can* и *may*, начинается с выявления детерминирующих критериев коммуникативного значения исследуемых модальных глаголов. В отличие от других глаголов, выражающих действие / процесс, состояние .../, модальные глаголы *can* и *may* выражают потенциальность, возможность действия / процесса .../. Это специфическое семантическое свойство рассматриваемых глаголов является определяющим, поскольку оно детерминирует их основные формальные дистрибутивные признаки. Данные глаголы а/ не могут следовать за другим глаголом, и б/ всегда употребляются в сочетании с инфинитивом (в полносоставном предложении). В своем лексическом значении модальные глаголы выражают характер отношения субъекта действия к самому действию, выраженному инфинитивом глагола. Сочетание модального глагола с инфинитивом можно считать грамматическим устойчивым словосочетанием, устойчивость которого заключается в том, что с грамматической точки зрения данное сочетание монолитно, синтаксически неразложимо. Ср., например: A bear **can run** surprisingly fast. It **may be** all right for her, but not for me.

В силу своей специфики модальные глаголы *can* и *may* детерминируют свое оптимальное левостороннее и правостороннее окружение, а именно наличие перед собой названия лица/предмета, выступающего в качестве подлежащего предложения, и наличие после себя инфинитива глагола, обозначающего потенциальное действие. Данные глаголы имеют одинаковую модель синтаксического построения, которая релевантна по составу и для их морфологических форм *could* и *might*. Ср., например: This **could be** your big chance. You **might ask** before you borrow my car.

Идентичность конфигурации *can/could* и *may/might* свидетельствует об их семантической близости. Вместе с тем, на уровне конфигурации невозможно разрешить проблему семантического различия рассматриваемых глаголов, и, тем более, вопросов разграничения их отдельных коммуникативных значений. Конфигурация *can* и *may* представляет собой многозначную модель с семантическим инвариантом потенциальности. В пределах этой модели ядро /*can* или *may*/ способно реализовать все мыслимые оттенки и степени обобщенного значения возможности.

Данная многозначная модель реализуется в контекстных условиях, в предложении всегда с каким-либо одним /но определенным/ значением возможности. Значение слова, употребляемого в предикативной функции, которая осуществляет задачу сообщения, соответствует

его коммуникативной значимости, а не сумме семантических дифференциальных составляющих, определяющих количество передаваемой им информации [2, с. 54]. Значение модального предикативного словосочетания приближается к значению предложения. Так, например, в предложении: They **can swim** as well as their ancestors модальное предикативное словосочетание имеет значение Physical Ability — способности, характеризующей лицо субъекта.

Левостороннюю и правостороннюю семантическую сочетаемость *can* и *may* можно считать безграничной. Проведенный в ходе сплошной выборки текстов анализ двустороннего оптимального окружения данных глаголов показывает, что перед ними одинаково употребляются существительные и местоимения различных родов и чисел, обозначающие одушевленные лица и неодушевленные предметы, конкретные объекты и абстрактные понятия и т.д. В то же самое время необходимо отметить, что лицо субъекта действия влияет на проявление определенных значений исследуемых глаголов.

Семантическая вариативность can и may в зависимости от лица субъекта действия

Сопоставим семантическую валентность, то есть потенциальную реализацию выделенных семантических составляющих /значений/ *can* и *may*, например, во фразах: 1) I /you, he .../ **can go** и 2) I /you, he .../ **may go**, построенных по модели S + MV. Сравним семантическую валентность *can* и *may* с точки зрения их интра-субъективного и экстра-субъективного содержания и связанного с этим семантического, а именно экстенционального и интенционального потенциала [3, 89].

Об экстенциональном значении *can* и интенциональном — *may* свидетельствует прямая однонаправленная связь семантических отношений данных единиц: *may can*, то есть *may* как смысловой компонент обнаруживается в дефиниции *can*, но не наоборот. Совсем не случайно у *can* в составе ключевого семантического составляющего Possibility рядом с *may* присутствуют элементы *possibly*, *perhaps*: *Can — may possibly, may perhaps*. Семантическая оппозиция *can* и *may* носит привативный характер: *can* — привативный член бинарной оппозиции, имеющий больший объем значения и большую сферу употребительности. Так, например, Пальмер, рассматривая сферы употребления *can*, *may* и других глаголов, выделяет у *may* всего два случая: *possibility*, *permission*, в то время как у глагола *can* — шесть: 1/ *possibility*, 2/ *ability*, 3/ *permission*, 4/ *characteristic* (возможность, характеризующая лицо или предмет): She **can be** very catty at times, 5/ *willingness* (возможность сделать что-то для какого-либо лица): I **can do** that for you, 6/ *sensation* (возможность восприятия): I **can hear** music [4, 123]. *Can*, выражающий все выделенные у него оттенки и степени возможности с большей уверенностью, покрывает *may* благодаря своему более объемному семантическому со-

держанию в плане ключевого семантического составляющего Ability. Привативный характер данной оппозиции может свидетельствовать об экстенциональном значении *can* /единица, имеющая больший объем значения/ и, соответственно, интенциональном — *may*.

Can — интра-субъективный глагол, так как употребляется, когда возможность /включая все выделенные оттенки и степени возможности/ совершения действия зависит от самого субъекта действия. Например, употребление *can* в вопросе: **Can I pass the guard?** Будет совершенно правомерным, так как охрана, обладая умственной способностью /Mental Ability/, а также физической силой своего оружия /Physical Ability/ может помешать осуществлению возможного действия: **You cannot pass** (Funk & Wagnalls. New «Standard» Dictionary).

May — экстра-субъективный глагол, так как выражает возможность /оттенки и степени возможности/ осуществления действия не со стороны субъекта, а со стороны внешних факторов и обстоятельств: **It all may turn out badly**.

Модальный глагол *can* имеет экстенциональный характер благодаря своему интра-субъективному содержанию. Значение способности /Ability/, характеризующей субъект действия /особенно Intellectual Ability/, можно по праву считать основным, стержневым смыслом *can*: **I can do that for her**. Данный пример может служить иллюстрацией реализации у *can* коммуникативного значения способности как возможности сделать что-то для какого-либо лица /Willingness/. Остальные его значения Possibility, Probability, Chance, Certainty-Sureness, Permission можно интерпретировать как коммуникативные смыслы, а именно как значения, приобретаемые в данном контексте его речевого употребления, например: **Can I go in and see him?**

У модального глагола *can* при его употреблении с субъектом действия 1-го лица большей частью реализуется значение возможности-способности /intellectual, physical, moral ability/: **Look! I can do it! I can do it!** (Irving J., 72). Когда *can* употребляется с субъектом действия 3-го или 2-го лица у него /также как и у *may*/ преимущественно реализуется значение возможности-предположительности: **Love can turn to hate. But remember hate can turn to love, too. It works both ways** (Christie A., 81). **It may cure her** (McCullers J., 134). Приведенные примеры могут служить иллюстрацией того, что значение возможности-предположительности у *can* действительно соотносимо с понятием теоретически мыслимой возможности осуществления действия, которое в любой момент /при наличии необходимых условий/ может быть реализовано. Вероятно поэтому существует мнение, что *can* выражает большую уверенность, чем *may*, когда он употребляется в данном значении.

Значение возможности-предположительности, реализуемое глаголом *may*, отличается от значения предположительности, реализуемого глаголом *can*. Если *can* реализует теоретического характера предположи-

тельность как, например, в предложении: **Where there is murder, anything can happen** (Christie A., 42), то *may* — фактическую, или, иными словами, своего рода импульсивную предположительность как ответную реакцию на определенный внешний факт объективной действительности. И в этом смысле фактическая предположительность *may* ближе к реальной действительности: **He's in jail this very minute for killing a Negro and they may hang him!** (Mitchell M., 466). Прав Г. Лич, когда говорит, что *may* обозначает более сильную возможность-предположительность, чем *can* [5, 75].

Семантическая вариативность *can* и *may* в зависимости от семантики и формы последующего инфинитива

Как показывает анализ двустороннего оптимального окружения *can* и *may* после этих глаголов одинаково встречаются в той или иной форме глаголы, обозначающие самые разные виды деятельности: глаголы умственной, физической, морально-правовой деятельности /know, think, grow, swear, .../, глаголы движения /go, fly, run, .../, глаголы восприятия /see, hear, .../, глаголы состояния /contain, consist, .../ и т.п. Модальные глаголы производят впечатление неразборчивости как в отношении их левосторонней, так и правосторонней сочетаемости, отсутствия избирательности в отношении семантики и грамматических особенностей предшествующего и последующего элемента их окружения. В любом окружении данные глаголы систематически обозначают потенциальность действия. Однако и лицо субъекта /как уже отмечалось выше/, а также семантика и форма последующего инфинитива влияют на проявление определенных значений этих глаголов.

Чтобы показать зависимость значения модальных глаголов от семантики последующего инфинитива, необходимо провести семантическую классификацию глаголов, которые зафиксированы в качестве инфинитивов, следующих за *can* и *may*.

В модальных предикативных сочетаниях с глаголами более конкретной семантики *can/may* проявляют свойство реализации значений Ability, Probability, Chance, Certainty-Sureness, соотносимых с понятием реальной возможности. Значение предположительности реализуется, как правило, с глаголами более нейтральной семантики. Однако нельзя не заметить, что если *can*, реализуя то или иное значение возможности, встречается в сочетании с глаголами практически всех выделенных семантических групп, то *may* встречается в основном в сочетании с глаголами нейтральной семантики /особенно часто с глаголом *be*/, реализуя при этом обычно значение Possibility, реже — значение Uncertainty-Doubt: **Daughters can be worrying** (Christie A., 30); **It may be that in private she had a copious conversation** (Irving J., 171).

Если значение Ability считается основным, ключевым смыслом модального глагола *can*, то значение Possibility является наиболее часто реализуемым смыслом модаль-

ного глагола *may*. После значения *Possibility* основными значениями *may* можно считать значения *Probability* и *Permission*: I **may be** back almost as soon as this letter (Green G., 78); **May I have** your attention, please. Please, class! (Kaufman B., 16). Значение *Permission* реализуется, как правило, в сочетаниях *may* с глаголами конкретной семантики /также как у *can*/. Глагол *can* в значении просьбы, как известно, прочно вошел в практику речевого общения: I got no ink — can I use pencil? (Kaufman B., 61).

Сравнивая между собой *can* и *may* в отношении особенностей элементов их непосредственного окружения следует обратить внимание также и на то, что их правое окружение может быть одинаково представлено различными формами инфинитива. Необходимо рассмотреть зависимость семантики модального глагола не только от лексического значения последующего инфинитива, но и от формы переменного конституента модального предикативного словосочетания.

Анализ просмотренных текстов показал, что *can/could* и *may/might* встречаются главным образом в сочетаниях с простым, индефинитным инфинитивом действительного залога (более 80% всех их употреблений). Одновременно следует отметить, что предикативные сочетания модальных глаголов с пассивным и длительным инфинитивом намного реже встречаются в текстах, чем сочетания данных модальных глаголов с перфектным инфинитивом. Если у рассматриваемых глаголов в сочетании с инфинитивом общего вида реализуются все выделенные у них значения, то в сочетании с другими формами инфинитива у модальных глаголов или отсутствует, или в значительной степени ограничена потенция реализовать данные значения, особенно *Ability*, *Certainty-Sureness*, *Uncertainty-Doubt*, *Permission-Sanction*, *Chance*.

У глаголов в сочетании с любой формой инфинитива реализуется лишь значение *Possibility*, например: I **could have got** all the women in London. I didn't come here for that (Maugham S., 65). Значение возможности-предположительности в данном случае соотносится с предполагаемой возможностью, которая теоретически вполне осуществима, и согласуется с категориальным содержанием сослагательного наклонения /обычно это нереализованная возможность/. [6, 51]. В сочетании с перфектным инфинитивом часто употребляется глагол *may*, особенно часто — форма *might*. Реализуемое глаголом *may/might* главным образом значение возможности-предположительности соотносимо в данном случае с понятием фактической возможности, осуществление которой могло иметь место в прошлом: There is another girl in that house. He **may have come down** there to meet her (Christie A., 41); It's cost him his child, and any others I **might have had** (Osborne J., 141).

Выявление определенных значений рассматриваемых глаголов возможно лишь в условиях более широкого окружения. Поэтому необходимо выйти за рамки оптимального окружения, которое образовано реализацией обязательной валентности *can* или *may*. Как показывают наблюдения реального функционирования *can* и *may* в речи, их семанти-

ческая вариативность зависит еще от коммуникативного типа предложения и от других контекстных условий, влияющих на проявление определенных коммуникативных значений возможности у этих глаголов.

Семантическая вариативность can и may в зависимости от коммуникативного типа предложения

Модальные глаголы *can* и *may* употребляются во всех синтаксических типах предложений. Для определения особенностей варьирования исследуемых в настоящей работе значений возможности у данных модальных глаголов представляют интерес утвердительный и вопросительный типы предложений. Как уже отмечалось выше, наиболее часто встречаемой в текстах лексической единицей является глагол *can/could*, который имеет большую сферу употребительности и в утвердительных и в вопросительных предложениях.

В утвердительных предложениях у *can/could* больше реализуются значения *Ability*, *Certainty-Sureness*, *Chance*, то есть значения, соотносимые с понятием реальной возможности: You know he always **can smooth her down** (Mitchell M., 95), а у *may/might* — значение *Possibility*: By God, I **may be** old-fashioned in my ideas, but ... (Fitzgerald F., 105). В вопросительных предложениях значение *Possibility*, которое соотносимо с понятием предполагаемой, гипотетической возможности, часто реализуется у *can/could*: In what way **can I be** of use to you? (Christie A., 7). Значение *Permission-Sanction* у *can/could* и у *may/might* реализуется в обоих коммуникативных типах предложения: в вопросительных предложениях — главным образом значение просьбы, в утвердительных — значение разрешения: **Could you come** with me now? (Dreiser T., 335); **May I help** you? (Mitchell M., 285); Tell them they **can go** home (Green G., 85); You **may wear** my garnet necklace tomorrow night (Mitchell M., 61).

Семантическая вариативность can и may в зависимости от контекста

Как показывают наблюдения, кроме вышеуказанных своего рода обязательных детерминирующих критериев коммуникативного значения модальных глаголов /лицо субъекта действия, семантика последующего инфинитива, категориальная форма инфинитива, коммуникативный тип предложения/, на проявление определенных значений изучаемых единиц могут влиять и факультативные, дополнительные члены контекстного окружения *can* и *may*. Примером дополнительных членов окружения, которые влияют на реализацию определенного значения *can* или *may*, служат слова и выражения типа *possibly*, *probably*, *maybe*, *perhaps*, *to be sure*, *by chance* и другие единицы, которые были зарегистрированы в качестве конституентов семантического поля «Возможность»: Perhaps we **can save** him (Maugham S., 103); You **may possibly believe** in God ... (Greene G., 94).

Сопровождающие и конкретизирующие значение исследуемых модальных глаголов выделенные курсивом контекстные показатели могут иметь самый различный вид и могут занимать любое место в контексте: *It is possible that she herself may have asked him to bring her something from that room — there are a lot of possibilities* (Christie A., 41). Контекстные показатели выполняют роль своеобразной факультативной позиции. Определяя обязательную позицию как связь, присущую изучаемым словам, необходимую для реализации в речи их значений возможности, под факультативной позицией следует понимать связь, определяемую той или иной конкретной задачей сообщения. Понятие факультативной связи тесно связывается с понятием контекста, контекстными условиями реализации того или иного значения данного слова. Под контекстными условиями, в свою очередь, подразумевается, во-первых, адекватный минимальный речевой отрезок для выявления коммуникативного значения данного слова, во-вторых, наличие коммуникативного сопроводителя, определенного контекстного показателя данного значения.

На реализацию того или иного значения изучаемых модальных глаголов обычно влияет не один фактор, а комплекс двух или более приведенных выше факторов. Рассмотрим случаи употребления *can* в двух коммуникативных типах предложения:

— *At all events*, you **can be forced** to support your wife and children.

— **Can** the law **get** blood out of a stone? I haven't any money. (Maugham, 59)

Утвердительный тип предложения, семантика и форма инфинитива, а также контекстный показатель *at all events* комплексно влияют на реализацию у *can* значения реальной возможности-предположительности Possibility. Данное значение обусловлено, хотя и теоретической, но вполне осуществимой и, в этом смысле, реальной возможностью совершения действия. А в вопросительном предложении на реализацию значительной ограниченности возможности осуществления данного действия влияет вопросительная структура предложения, смысл всего высказывания.

Исследования парадигматических и синтагматических свойств *can* и *may* дают возможность провести тонкие смысловые и стилистические различия модальных глаголов. Как правило, различия проявляются в указаниях более широкого контекста, которые реализуют семантический элемент, различающий их синонимические значения. В случае отсутствия подобных указаний широкого контекста налицо нейтрализация противопоставления значений *can* и *may*.

Одним из испытанных и действенных методов контроля правильности установления семантической вариативности изучаемых глаголов является метод подстановки, то есть проба на заменяемость /с учетом макроконтекста/. С целью проверки правильности определения реализации того или иного значения следует провести замену данного модального глагола синонимичными выражениями, а именно предикативными фразами, которые входят в число исследуемых средств предикативного выражения модальности возможности.

Литература:

1. См.: Ломаев Б. Ф. Модальность возможности в логике и языке. // Молодой ученый, № 3 (62) — 2014 — с. 834—836.
2. Fillmore Ch. Types of Lexical Information. Studies in Syntax and Semantics. Dordrecht, 1969. с. 54.
3. См. в этой связи: Tellier A. Les Verbes Perfecto-Presents et les Auxiliaires de Mode en Anglais Ancien. Paris, 1962. с. 89.
4. Palmer, F. R. A Linguistic Study of the English Verb. Lnd., 1965. с. 123.
5. Leech, G. Meaning and the English Verb. Lnd., 1971. с. 75.
6. Подробнее о соотношении модальных глаголов и наклонения см.: Хлебникова И. Б. Сослагательное наклонение. Калинин, 1971 — с. 51—60.

Межкультурный подход к обучению русским пословицам и поговоркам иранских студентов

Мехтиханлы Севиндж Габиль, кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель
Гилянский государственный университет (University Of Guilan) (г. Рашт, Иран)

Любое обучение, как известно, это передача молодому поколению культуры, накопленной человечеством. Это значит, что никакое обучение невозможно без накопления знаний об окружающей действительности — природе, обществе, человеке, его истории и культуре. Иноязычная культура есть часть мировой культуры. Таким образом, через иностранный язык, передавая студентам иноязычную культуру, можно внести большой вклад в общее образование, в формирование всесторонне развитой, гармоничной личности.

Ключевые слова: обучение, русский язык, пословица, поговорка, культура, коммуникация.

Основная цель обучения русскому языку как иностранному в иранской аудитории состоит в развитии личности способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации и самостоятельно совершенствоваться в овладеваемой деятельности. Для того, чтобы участвовать в непосредственном и опосредованном диалоге культур необходимо постепенное ознакомление через изучаемый язык с историей и современной жизнью страны, язык которой изучается, ее традициями и культурой.

Изучение русского языка становится все более и более неотделимо от одновременного ознакомления иранских студентов с культурой страны изучаемого языка. Это в наибольшей степени способствует тому, что русский язык наряду с выполнением своей основной, коммуникативной функции в учебном процессе осуществляет познавательно-коммуникативную функцию, поскольку на уроках русского языка иранские студенты знакомятся не только с новыми способами выражения и восприятия мыслей, но и получают сведения о национальной культуре русского народа.

Согласно новым стандартам по иностранному языку, в обязательный минимум содержания основных образовательных программ, помимо речевых умений и языковых знаний и навыков, компенсаторных умений и учебно-познавательных умений, входят социокультурные знания и умения.

Формирование социокультурных знаний и умений означает расширение объема лингвострановедческих и страноведческих знаний за счет новой тематики и проблематики речевого общения с учетом специфики выбранного профиля; углубление знаний о стране или странах изучаемого языка, их науке и культуре, исторических и современных реалиях, мировой культуре; расширение объема лингвистических и культуроведческих знаний, навыков и умений, связанных с адекватным использованием языковых средств и правил речевого и неречевого поведения в соответствии с нормами, принятыми в стране изучаемого языка [9. С. 38–39].

Давно известно, что особое познание мира, обычаи, нашедшие отражения в культуре, передаются в языке

и могут стать препятствием при общении с представителями разных народов. И трудности заключаются в различии не столько предметов и явлений, сколько культурных понятий об этих явлениях и предметах, так как последние живут и функционируют в разных, иных мирах. За языковой и культурной эквивалентностью лежит понятийная эквивалентность, эквивалентность культурных представлений. Поэтому общепризнанным стал вывод о необходимости глубоко знать специфику страны изучаемого языка и, тем самым, о необходимости лингвострановедческого подхода как одного из главных принципов обучения иностранным языкам [11. С. 682].

Использование страноведческой информации в процессе обучения обеспечивает повышение познавательной активности студентов, рассматривает их коммуникативные возможности, положительно сказывается на формировании их коммуникативных навыков и умений, а также положительной мотивации, дает стимул к самостоятельной работе над языком и способствует решению воспитательных задач [2. с. 16].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров утверждают, что все уровни языка «культуроносны», то есть имеют страноведческий план, поэтому изучение культурного компонента слов является важным условием успешного овладения иностранным языком [3. с. 20].

Не вызывает сомнения тот факт, что при включении национально-культурного компонента в содержание обучения иностранному языку нужны адекватные средства для его усвоения. Одними из них являются пословицы и поговорки, использование которых помогает педагогу эффективно решать практические, общеобразовательные, развивающие и воспитательные задачи. Включение такого материала создает также дополнительные возможности для вызова и поддержания мотивации изучения иностранного языка, расширения кругозора студентов [4. с. 99].

Пословицы и поговорки, представляющие собой неотъемлемый элемент культуры, являются богатым материалом для формирования социокультурной компетенции.

Лингвострановедческий материал, отраженный в пословицах и поговорках, обогащает фоновые знания сту-

дентов, они познают элементы иноязычной культуры, что позволяет им включиться в интегративные процессы, происходящие в мире [5. с. 7–14].

Содержащие большой пласт представлений о культуре, традициях и обычаях, русские пословицы и поговорки предоставляют большие возможности для расширения национально-культурных знаний, в том числе лингвострановедческого характера, осознания отличия и сходства культур, а также в формировании понимания других культур и народов, — служат средством формирования социокультурной компетенции у иранских студентов.

Великий чешский педагог Ян Амос Каменский считал, что изучение иностранного языка должно идти по пути от постепенного постижения смысла иноязычного высказывания к восприятию красоты слов, выражений, богатства всех языковых возможностей и, наконец, к способности проникать в эстетическую сущность языка, к овладению языковой сокровищницей [6. с. 56]. То есть постижение иностранного языка должно быть не только прагматическим, но и духовным.

К.Д. Ушинский, развивая идеи Каменского, писал, что нужно учить не говорению, а богатству культуры страны изучаемого языка [12. с. 42].

Русские пословицы впитали в себя все тонкости оценочного отношения к действительности, ее восприятия и отражения. Именно этот аспект языкового сознания фиксируется в широко известном высказывании К.Д. Ушинского о том, «что природа страны, ее история, отражаясь в душе человека, выражаются в слове» [там же. с. 296]. «Мы учим русскому народному языку на пословицах, — говорит К.Д. Ушинский, — ибо лучшего народного языка, чем тот, который сохранён в пословицах, не знаем» [1. с. 55].

«Русский народ создал огромную изустную литературу — мудрые пословицы и поговорки... Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становилась и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов» [13. с. 17–19]. Слова Л.Н. Толстого очень ярко и точно отражают суть пословиц и поговорок.

Следует отметить, что изучение пословиц и поговорок русского языка позволяет также глубже понять и изучить свой родной язык, понять особенности менталитета каждого народа, что способствует формированию уважения к своей и иной культуре.

Особенностью обучения русскому языку на современном этапе является также необходимость формирования языковой коммуникативной и межкультурной компетенций.

Знакомясь с русским языком, усваивая его, иранские студенты одновременно проникают в новую национальную культуру, сталкиваются с другой языковой картиной мира,

получают огромное богатство, хранимое изучаемым языком, т.е. становятся участниками межкультурной коммуникации. Усваивая русский язык, студенты учатся смотреть на мир глазами носителей этого языка, поскольку «мир (или различные миры) представляются человеку через призму его культуры и, в частности, языка, являющегося неотъемлемым элементом культуры» [8. с. 20].

Нередко при изучении русского языка возникают языковой и коммуникативный барьеры. Для эффективности обучения данные барьеры должны быть преодолены. Однако преодоление языкового и коммуникативного барьеров явно недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями двух разных культур. Для этого необходимо преодолеть барьер культурный. Именно поэтому решение актуальной задачи обучения русскому языку как средству коммуникации между представителями разных народов (в данном случае иранцев) и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

Богатый дидактический потенциал для решения данной проблемы представляет использование пословиц и поговорок в процессе обучения русскому языку как иностранному.

В пословицах и поговорках лаконично и образно отражена система ценностей, общественная мораль, этика, отношение к миру, к другим народам, наставления на все случаи жизни, что составляет высокий воспитательный потенциал их использования в обучении. Ритмическая и синтаксическая четкость пословиц и поговорок, их композиция, различные стилистические фигуры (антонимы, омонимы, синонимы, сравнения) представляют богатый языковой материал для изучения на самых различных этапах обучения. Все это позволяет использовать пословицы и поговорки для реализации как воспитательной, так и развивающей и обучающей целей образования.

Пословицы и поговорки являются единицами очень яркими и по форме, и по содержанию. В учебной практике пословицы можно использовать как иллюстративный материал, а также для внесения оживления и разнообразия в работу по усвоению языка. Преподаватель может «использовать языковые афоризмы (пословицы) в различных целях: от иллюстрации фонетических и грамматических явлений, типичных ситуаций общения до обсуждения сходства и различия изучаемых единиц в разных языках, включая дискуссию по ситуативному употреблению той или иной единицы и пониманию ее образного плана» [7. с. 72].

Однако пословицы ценны не только тем, что они ярки по форме и глубокомысленны по содержанию, что и позволяет использовать их для оживления и облегчения учебного процесса. Пословицы и поговорки как языковые единицы имеют свое коммуникативное предназначение. О необходимости и важности пословиц и поговорок, можно судить по тому, что каждый человек употребляет в своей речи эти единицы.

Пословицы ценны и сами по себе, занимая и в языке, и в структуре языковой личности свое особое место. Об этом говорит уже хотя бы тот факт, что нет ни одного человека, который не знал бы ни одной пословицы. По наблюдениям Г.Л. Пермякова и других исследователей, «любой русский легко употребляет в своей речи от 800 до 1500 русских пословиц» [10. с. 131–132]. Тот факт, что ни один человек в своем речевом поведении не может обойтись без пословиц и поговорок, свидетельствует о том, что пословицы и поговорки — это единицы со своим функциональным предназначением, которого нет у других единиц языка. И как таковые эти единицы языка обладают самостоятельной ценностью. Поэтому при усвоении языка «следует овладеть — помимо грамматики — не только определенным набором слов и фразеологических оборотов, но и каким-то минимумом общеупотребительных паремиологических клише» [там же]. В процессе языкового обучения пословицы и поговорки должны усваиваться с той же обязательностью, с какой усваиваются слова и грамматические правила.

Обучение пословицам и поговоркам иранских студентов, изучающих русский язык вне языковой среды, сопровождается трудностями, что способствует ограничению коммуникативных возможностей. Для того, чтобы студенты воспринимали язык как средство межкультурного взаимодействия, необходимо искать способы включения их в активный диалог культур, чтобы они на практике могли познавать особенности функционирования языка в новой для них культуре.

Работа с пословицами и поговорками вполне может служить этой цели. Изучение русских пословиц и поговорок вне языковой и культурной среды очень важно, так как паремиология, как уже говорили, является источником богатой страноведческой и культуроведческой информации и может удовлетворить познавательный интерес персоговорящих студентов. Пробелы в знаниях по паремиологии существенно затрудняют выполнение студентами важных коммуникативных задач и не позволяет им достигнуть аутентичного уровня владения языком. Недостаточное внимание к пословицам и поговоркам лишает обучаемых эстетического удовольствия, а также возможности постигать через паремии культуру народа страны изучаемого языка, выраженную в них (информацию о фактах истории, экономики, образа жизни и т.д.).

Широкие функциональные возможности пословиц и поговорок позволяют в непринужденной форме отрабатывать произношение, совершенствовать ритмико-intonационные навыки, активизировать и автоматизировать многие грамматические явления, обогащают словарный запас иранских студентов, помогают усвоить строй языка, развивают память и творческую инициативу.

Работая над пословицами и поговорками, интерпретируя их по-своему, студенты постигают вариативность языка, его выразительные средства и образное содержание, также кроме адекватного понимания выражают

свое личное отношение. А это является основой формирования не только языковой компетенции, но и эстетического чувства.

Таким образом, паремиологическое богатство русского языка настолько существенно по коммуникативным, социокультурным и эстетическим аспектам, что обучение пословицам и поговоркам должно рассматриваться как необходимая составляющая подготовки студента языкового факультета.

Нельзя назвать полноценным специалистом выпускника, которому не привит интерес к русским пословицам и поговоркам, стремление к расширению личного паремиологического запаса. Употребление в речи данных единиц — важный показатель уровня владения языком.

Так же, следует подчеркнуть тот факт, что сам процесс овладения русским языком без ознакомления с культурой страны изучаемого языка, с менталитетом людей, говорящих на этом языке, не может быть полноценным.

Но в то же время, нельзя делать вывод о том, что изучая пословицы и поговорки можно решить все вопросы формирования социокультурной компетенции, однако эффективность их использования в коммуникации и в обучении несомненна.

Использование пословиц и поговорок на уроке русского языка как иностранного в иранской аудитории способствует лучшему овладению данным предметом, расширяет знания о языке и особенностях русской культуры.

А также, приобщение к культуре страны изучаемого языка через элементы русского фольклора, поговорок и пословиц дает иранским студентам ощущение сопричастности к русскому народу.

Работа с пословицами и поговорками способствует реализации обучающей, развивающей, воспитательной целей образования, позволяет развивать навыки речевой деятельности говорения, письма, повышая при этом мотивационный потенциал учебного процесса.

Пословицы и поговорки привлекают к себе внимание образностью, обобщённостью значения, дидактическим смыслом. Способность данных единиц активизировать внимание, создавать предпосылки для целенаправленного восприятия, а следовательно, усиливать речевое воздействие, может быть использована в методике преподавания русского языка как иностранного.

Сравнительно-сопоставительный анализ образного смыслового содержания пословиц и поговорок русского языка и соответствующих единиц в персидском языке, имеет большое значение для практики преподавания русского языка как иностранного в иранской аудитории.

Употребляя в процессе обучения пословицы и поговорки, выполняя задания и упражнения можно помочь студентам понять русскую речь, смысл которой воплощён в пословицах и поговорках.

Чем глубже проникновение студента, изучающего русский язык как иностранный, в образное обобщение данных языковых единиц, тем неизбежнее его оценка любой речи в смысловом и выразительном отношении,

в том числе и собственной. Постичь смысл пословицы — значит воспринять обобщённо-метафорический образ, заключённый в ней, и конкретизировать его, используя для этого имеющийся у студента жизненный и читательский опыт.

Изучение пословиц и поговорок расширяет знания иранских студентов о языке, формирует у них эстетический вкус, желание обогатить свой словарный запас. Посредством пословиц и поговорок повышается культура речи студентов. Активное освоение и умелое употребление этих единиц языка значительно обогащает их устную и письменную речь.

Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, образность и меткость. Поэтому изучение русского языка иранскими студентами невозможно без обращения к его образным единицам, которые пред-

ставляют собой один из наиболее сложных для усвоения уровней русского языка.

Говоря о содержательной стороне пословиц и поговорок, подчеркнём, что это высоконравственный жанр: пословицы и поговорки утверждают добро, правду, справедливость, ум, любовь, трудолюбие; осуждают зло, ложь, глупость, лень, вражду.

Приобщая иранских студентов к восприятию русских пословиц и поговорок, мы развиваем с помощью этого учебного материала нравственные качества личности, образное мышление, формируем у них высокий строй чувств, предоставляем возможность ощутить радость познания красоты изучаемого языка.

Таким образом, дидактическая адаптация пословиц и поговорок позволяет развивать навыки речевой деятельности чтения, письма, говорения, формируя при этом лингвосоциокультурную компетенцию обучающихся.

Литература:

1. Бегак, Б. Пословица не мимо молвится. — № 9. — 1985.
2. Брагина, А. А. Лексика языка и культура страны в лингвострановедческом аспекте. — М.: Русский язык, 1981.
3. Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1990.
4. Вежбицкая, А. А. Язык. Культура. Познание. / Под ред. Кронгауз М. А. — М.: Русские словари, 1997.
5. Веденина, Л. Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 5.
6. Каменский, Я. А. Великая дидактика. М.: Государственное учебно-педагогическое издание, 1939.
7. Киселева, С. Н. К вопросу об использовании единиц фразеологии и афористики в учебном процессе на подготовительном факультете. // Русский язык для студентов-иностранцев, 1984, № 23.
8. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
9. Нефедова, М. А. Отбор материалов лингвострановедческого содержания для чтения // Иностранные языки в школе. — 1994. — № 4.
10. Пермьяков, Г. Л. К вопросу о русском паремииологическом минимуме // Словари и лингвострановедение. М., 1982.
11. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. — М.: Гос. учеб. — пед. изд-во МП РСФСР, 1954.
12. Ушинский, К. Д. Собр. соч. — Т. 6.
13. Фоменко, Н. Ф. Уроки нравственности «Азбуки» Л. Н. Толстого. // Начальная школа, 1993 г., № 3.

Особенности применения терминов физики в татарских учебниках по физике

Мусина Гульнара Флюновна, кандидат филологических наук, преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный университет

Внимание к преподаванию физики среди татар как научного предмета стало уделяться только в конце XIX в. с возникновением джадидитских (новометодных) мектебов и медресе. В разных медресе физика преподавалась по-разному: в «Мухаммадия» она преподавалась в рамках истории естествознания, а в «Галия» и «Хусаения» естествознание и физика преподавались как отдельные науки.

Большая заслуга в области дальнейшего развития терминологии татарского языка, в целом и терминологии физики, в частности, принадлежит выдающемуся

татарскому ученому К. Насыри. Он создал теоретические основы татарского литературного языка и впервые выдвинул татарский язык в качестве основного источника разработки терминологии. В своем учебнике «Буш вакыт» («Свободное время») и в приложении к словарю «Рус хоруфы һижасы үзрә мөрәтләб ләгать китабы» («Полный русско-татарский словарь...») ученый приводил такие термины физики, как: *тулкынлану* — волнение, *сыеклык* — жидкость, *агырлык* — тяжесть, *таркалу* — распад, разложение, *кисәкләр* — частицы,

бүленгәнлек — расчлененность, *жылылык үлчәве* — термометр, *күнә сун, терекөмеш* — ртуть, *инә ташы* — магнитная руда, магнит, *үзенә тарту куввәте* — сила тяготения и т.п. [5]. Таким образом, заимствованные из арабского языка термины ученый заменял собственными татарскими словами, либо образовывал новые термины средствами самого языка. При этом он параллельно приводил вариант термина на русском языке, так как научная литература по многим отраслям, как пишет сам ученый, в этот период переводилась как с арабского, так и с русского языков. Автор относился к языку и к терминам очень осторожно и поэтому приводил параллельные варианты, понимая, что со временем останется тот вариант, который выбрал сам язык.

В начале XX в. получили развитие новые направления физики, одним из которых была гальваника. Основы этого направления находили отражение во многих научно-популярных изданиях. К. Насыри в своем учебнике «Санаигъ гыйльфания» («Искусство гальваники») знакомил татарских читателей с новым направлением в науке.

Во введении «Санаигъ гыйльфания» К. Насыри с большим сожалением отмечал, что по многим направлениям науки, в т.ч. и по естествознанию, татарский народ отстает, причиной тому, в первую очередь, он считал отсутствие литературы.

Учебник «Санаигъ гыйльфания» состоит из тридцати страниц и разделен на главы, отражающие различные отрасли гальваники. В учебнике нашли отражение новые направления физики. Ученый довольно простым, популярным языком объяснял сложные физические процессы. Он использовал большое количество новых терминов, относящихся к физике. Среди них есть названия различных явлений физики, названия приборов, устройств, орудий и т.п. Например,

1. Физические свойства: *хәрарәт* (жылылык) — теплота, *куәтле зарбә* (көчәнеш) — напряжение и т.п.

2. Физические явления: *кәһрабаи мәнфи* (тискәре корылма) — отрицательный заряд, *кәһрабаи вәзгы* (уңай корылма) — положительный заряд и т.п.

3. Различные металлы: *мәгъдән* — металл, *алтын* — золото, *көмеш* — серебро, *милех* (тоз) — соль, *тутыя* — цинк и т.п.

4. Названия сложных соединений: *кимәви тоз* (химик тоз) — химическая соль, *мәхлут* (кушылма) — соединение и т.п.

В процессе изложения различных физических явлений, законов К. Насыри употреблял:

5. Термины, заимствованные из арабского языка: *гонсыр* — элемент, *нөхас* (бакыр) — медь, *кәһрабаи мәнфи* (тискәре корылма) — отрицательный заряд и т.п.

6. Термины, состоящие из собственных слов татарского языка: *алтын* — золото, *көмеш* — серебро, *бакыр* — медь, *күмер* — уголь и т.п.

7. Термины, заимствованные из русского и через русский язык: *никель, графит, асфальт, висмут, фосфор, гипс, лак* и т.п. [6].

Таким образом, К. Насыри сохранил понятные и распространенные среди народа, освоенные языком арабские заимствования, осторожно и уместно приводя параллельно их интернациональные варианты.

В начале XX в. в мектебах и медресе были разработаны и изданы первые учебники по физике. К ним относятся такие учебники, как «Термометр, яни мизән-элхара» («Термометр, или показатель температуры») (перевод с русского языка А. Гайнутдинова) (1908), «Гыйльме эшья. Яки тарих табиғый» («Физика или естествознание») Г. Гисмати (перевод с французского языка) (1909), «Әшья дәрәсләре мәғълүмат ибтидаия» («Уроки физики и начальные знания») Х. Забири (1910), «Гыйльме эшья» («Физика») М. У. Ускова (перевод с русского языка Х. Файзи) (1910).

8. Изданный в 1909 году учебник Г. Гисмати *әшья. Яки тарих табиғый* («Физика или естествознание») стал одним из первых переводных учебников по физике, изданном в начале XX века. Так как физика в то время, как и все остальные науки, преподавалась на арабском языке, то и термины в данном учебнике даны на арабском языке, но уже по принципу К. Насыри переводчики и составители параллельно с арабским термином в учебнике приводили их татарские либо интернациональные варианты, а также их русский перевод. По причине того, что законы физики и работы механизмов основываются на особенностях определенных природных ископаемых и химических элементов, часть терминов составляют их названия.

9. В учебнике значительное количество терминов по своей тематике обозначает химические вещества. Например, *тутыя* — цинк, *алюминий* — алюминий, *ак алтын* — никель, *физза* — серебро, *платин* — платина, *азот* — азот, *марганис мәсфүфы* — порошок марганца и т.п.

10. Часть терминов обозначает определенные явления физики, приборы, устройства. Например, *жисем мөрәккәб* — сложное тело, *жисем бәсыйтә* — простое тело, *гонсыр* — элемент и т.п.

Термины имеют следующий генетический пласт:

11. Термины, заимствованные из арабского языка: *жисем мөрәккәб* — сложное тело, *жисем бәсыйтә* — простое тело и т.п.

12. Понятия, которые передаются средствами самого татарского языка: *ак алтын* — никель, *ши-фалы су* — целебная вода и т.п.

13. Термины-заимствования из русского и европейских языков: *алюминий* — алюминий, *платин* — платина, *азот* — азот, *газ* — газ и т.п. [2].

14. Как уже отмечалось выше, в учебнике наблюдается параллельное употребление терминов, относящихся к разным генетическим пластам. Например, *шүмәк* и *шүмәк* — уголь и т.п.

В период с середины 1960-х и до начала 1980-х гг. было переведено большое количество учебников по физике. Это учебники А.В. Перышкина, К.А. Гладкова, К. Гильзина, И.К. Кикоина, Б.Б. Буховцева и др. Парал-

лельно с переводами татарские авторы и сами составляли учебники, сборники задач и методические пособия по физике. Стоит отметить помощники и методические пособия для учителей по физике В. Г. Гайфуллина (1979; 1984), Р. А. Исламшина (1978; 1986) и др.

В начале 1990-х гг. в системе образования произошли существенные изменения. Многие точные науки стали преподаваться на татарском языке не только в школах, но и в высших учебных заведениях. Не стала исключением и физика. Начало преподаванию физики на татарском языке в вузах было положено преподавателями Казанского государственного технического университета (КГТУ) Г. Ю. Даутовым и М. С. Галеевым. Специально для этого в конце XX — начале XXI вв. Такими авторами, как Г. Ю. Даутов, Д. Г. Галимов и Б. А. Тимеркаев, был издан оригинальный учебник по физике на татарском языке для высших учебных заведений в трех частях, который активно применяется в учебном процессе в КГТУ, КГТУ им. А. Н. Туполева и в различных техникумах.

Первые две части учебника были изданы в 1999 и 2001 гг., а третья часть — в 2002 г. Термины физики в учебнике разделены по следующим тематическим аспектам: названия приборов, устройств: *фоторезистор, оптик квант генераторлары* — оптические квантовые генераторы; названия процессов: *тоткарлану* — торможение, *бүленеш* — деление; области магнетической физики: *магнит моменты* — магнетический момент, *магнит үзлеге* — свойство магнита; элементы физики: *фотон, электрон, фонон, бозон* и т. п. [1].

В генетическом плане термины в учебнике составляют собственные слова татарского языка, возникшие в процессе калькирования (*каты* — твердый, *сыек* — жидкий, *зурлык* — величина, *тирбәнеш* — колебание, *жылылык* — теплота, *төш* — ядро, *таркалу* — расщепление, *нурланыш* — излучение и т. п.) и интернациональные заимствования (*фотоэффект, суперпозиция, оператор, механика, фоторезистор, генератор, лазер, аппроксимация* и т. п.).

Данный учебник является первым татарским учебником по физике для преподавания в вузах. Язык учебника прост и понятен. На страницах учебника можно встретить много новых терминов, которые до этого встречались только в русских учебниках по физике для вузов. Например, *Кирхгоф кануны* — закон Кирхгофа, *Планк формуласы* — формула Планка, *Комптон эффекты* — эффект Комптона, *суперпозиция принцибы* — принцип суперпозиции и т. п.

Таким образом, можно сделать вывод, что первые татарские учебники по физике появились лишь в начале XX в., где большую часть терминов составляли арабские заимствования. Количество таких учебников начало увеличиваться после Октябрьской революции, когда начали появляться переводные учебники с русского языка, где стали преобладать русско-интернациональные термины. К 50–60-м годам XX в. число переводных учебников росло, а в конце XX в. был издан учебник по физике на татарском языке для высших учебных заведений, где основную массу терминов физики составляли собственные слова татарского языка.

Литература:

1. Галимов, Д. Г., Даутов Г. Ю., Тимеркаев Б. А. Физика: Югары техник уку йортлары өчен дәреслек: Өч кисәктә. 3 кисәк. — Казан: Мәгариф, 2002. — 336 б.
2. Гыйсмәти Габдулла. Гыйлем әшья. Яки тарих табигый. — 1 кыйсем сөбиянында. — Казан: Милләт, 1909. — 100 б.
3. Зәбири Хәбибрахман. Әшья дәресләре вә мәгълүмат ибтидаия. 1 нче кис. — 2 басма. Казан: Сабах, 1910. — 48 б.
4. История Татарстана: Учеб. пособ. для основной школы. — Казань: ТаРИХ, 2001. — 544 с.
5. Насыри, К. Рус хоруфы һижасы үзрә мөрәттәб лөгәтә китабы // Полный русско-татарский словарь, дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины. — Казань, 1892. — 263 с.
6. Насыри, К. Санаигъ гыйльфия. — Казан, 1900. — 32 б.
7. Усков, М. В. Гыйльме әшья. Жөзә 1. / Тәрж. Х. Фәйзи. — 5 нче басма. — Казан: Мәгариф. 1917. 58 б.
8. Шинаси, Г. Хикмәте табигыя дәреслеге. — Уфа, 1916. — 164 б.
9. Шинаси, Г. Хикмәте табигыя дәреслеге: Механика, сыеклыклар, газлар. — Уфа, 1920. — 132 б.
10. Шинаси, Г., Мөштәри Х. Физика: Механика, сыеклык, газлар. — 1 кисәк. — Казан, 1929. — 135 б.
11. Шинаси, Г., Мөштәри Х. Физика: Молекулалар гипотезасы, жылылык, магнетизм. — 2 кисәк. — Казан, 1929. — 248 б.
12. Шинаси, Г., Мөштәри Х. Физика: Тавыш, яктылык, гомумән тирбәнү хәрәкәте һәм радио. — 3 кисәк. — Казан, 1929. — 208 б.

The adverbial modifier as a part of the sentence

Раджапова Ойгул Эркиновна, преподаватель

Академический лицей № 1 при Ташкентском университете информационных технологий (г. Ургенч, Узбекистан)

We must begin by stating that the term «adverbial modifier» cannot be said to be a very happy one, as it is apt to convey erroneous ideas about the essence of this secondary part. The word «adverbial» may give rise to two notions, both of them wrong. For one thing, we may suppose that an adverbial modifier is always expressed by an adverb, which of course is not true: an adverbial modifier may be expressed by different morphological means. Secondly, the term «adverbial» may give rise to the notion that an adverbial modifier always modifies a verb, which is also wrong! An adverbial modifier may modify a part of the sentence expressed by an adjective or by an adverb, as well as by a verb. As the term «adverbial modifier» is firmly established, it would be futile to try and substitute another term in its place. So we will keep the term, bearing in mind what has been said about its meaning.

There are several ways of classifying adverbial modifiers:

- 1) according to their meaning;
- 2) according to their morphological peculiarities;
- 3) according to the type of their head word.

Of these, the classification according to meaning is not in itself a grammatical classification. For instance, the difference between an adverbial modifier of place and one of time is basically semantic and depends on the lexical meaning of the words functioning as adverbial modifiers. However, this classification may acquire some grammatical significance, especially when we analyze word order in a sentence and one semantic type of adverbial modifier proves to differ in this respect from another. Therefore the classification of adverbial modifiers according to their meaning cannot be ignored by syntactic theory.

Types of the adverbial modifiers used in E. Hemingway's «Fiesta»

According to their meaning we distinguish the following kinds of adverbial modifiers.

1. The adverbial modifier of **time**.

a) Adverbial modifiers of definite time usually stand at the very end of the sentence. (at the very beginning before the subject).

On Monday nights it was closed. [E. Hemingway "Fiesta" p.25]

b) Adverbial modifiers of indefinite time usually stand before the main verb of the predicate.

... *he never fought except in the gym.* [E. Hemingway "Fiesta" p.11]

2. The adverbial modifier of **frequency**.

One night a week it was the dancing — club [E. Hemingway "Fiesta" p.25]

3. The adverbial modifier of **place and direction**. They usually stand after the predicate or after the object.

The dancing — club was in the Rue de la Montagne Sainte Genevieve. [E. Hemingway "Fiesta" p.25]

4. The adverbial modifier of **manner**.

I drank a beer, standing in the doorway and getting the cool breath of wind from the street. [E. Hemingway "Fiesta" p.25]

5. The adverbial modifier of **attendant circumstances**.

She looked up, very bright-eyed and trying to talk in-consequently. [E. Hemingway "Fiesta" p.49]

6. The adverbial modifier of **degree and measure**. They usually stand before the words they modify.

He had a lot of money on his last book, and was going to make a lot more. [E. Hemingway "Fiesta" p.67]

7. The adverbial modifier of **cause**.

As he had been thinking for months about leaving his wife and had not done it because it would be too cruel to deprive her of himself, her departure was a very healthful shock.

8. The adverbial modifier of **result (consequence)**.

I would like to have it illuminated to hang in the office. [E. Hemingway "Fiesta" p.36]

9. The adverbial modifier of **condition**.

She was looking into my eyes with that way she had of looking that made you wonder whether she really saw out of her own eyes. [E. Hemingway "Fiesta" p.31]

10. The adverbial modifier of **comparison**.

She looked as though there were nothing on earth she would not look at like that, and really she was afraid of so many things. [E. Hemingway "Fiesta" p.31]

There are other streets in Paris as ugly as Boulevard Raspail. [E. Hemingway "Fiesta" p.44]

11. The adverbial modifier of **concession**.

The taxi went up hill, passed the lighted square, then on into the dark, still climbing, then leveled out on to a dark street behind St Etienne du Mont, went smoothly down the asphalt, passed the trees and standing bus at the Place de la Contrescarpe, then turned on to the cobles of the Rue Mouffetard. [E. Hemingway "Fiesta" p.30]

12. The adverbial modifier of **purpose**.

The beer was not good and I had a worse cognac to take the taste out of my mouth. [E. Hemingway "Fiesta" p.26]

Ways of expressing the adverbial modifier used in Hemingway's «Fiesta»

Adverbial Modifier can be expressed by:

1. An adverb.

He cared nothing for boxing, in fact he disliked it, but he learned it painfully and thoroughly to counteract the feeling of inferiority and shyness he had felt on being treated as a Jew at Princeton. [E. Hemingway "Fiesta" p.11]

2. A noun with or without accompanying words.

That winter Robert Cohn went over to America with his novel, and it was accepted by a fairly good publisher. [E. Hemingway "Fiesta" p.15]

3. A prepositional phrase

By that time, though, he had other things to worry about. [E. Hemingway "Fiesta" p.13]

4. A noun, pronoun, adjective, infinitive, participle, or prepositional phrase with a subordinating conjunction.

If necessary, she must see Mr. Cohn [E. Hemingway "Fiesta" p.74]

He shrank back, his arms lifted as though to ward off physical violence. [E. Hemingway "Fiesta" p.76]

5. A participle or a participial phrase.

As they went in, under the light I saw white hands, wavy hair, white faces, grimacing, gesturing, and talking. [E. Hemingway "Fiesta" p.26]

6. Absolute constructions.

a) The Nominative Absolute Participial Construction

He wrapped her up with great care, the night being dark and frosty. [E. Hemingway "Fiesta" p.26]

b) The Nominative Absolute Construction

He stopped and turned about, his eyes brightly proud. [E. Hemingway "Fiesta" p.89]

c) The Prepositional Absolute Participial Construction

Robert looked at him attentively, with his whole face breathing short and quick in every feature. [E. Hemingway "Fiesta" p.94]

d) The Prepositional Absolute Construction

He rushed forward, with fury in his looks, and fire in his eyes. [E. Hemingway "Fiesta" p.185]

7. A prepositional phrase or construction with a gerund.

I took the liberty of just bringing these roses [E. Hemingway "Fiesta" p.56]

8. An infinitive, an infinitive phrase, or an infinitive construction.

The infinitive may serve as an adverbial modifier to a verb. In this function it is used to express purpose, consequence, comparison, condition and exception. The infinitive as an adverbial modifier of purpose is always used with the particle *to*.

The number of verbs followed by an infinitive of purpose is not restricted and their lexical character may be quite different. But they are all alike in one respect—they all express actions deliberately carried out with a definite aim in view. In other words, these actions are aimed at the realization of the action denoted by the infinitive.

The action of the infinitive follows that of the predicate verb and is unaccomplished as yet.

e.g. *I dressed and went out to buy the morning paper.*

I came in to see if I could help you pack, Alison.

He put his head out of the window to get some fresh air.

The infinitive of purpose may occasionally be preceded by the modifiers *in order* and *so as* which emphasize the idea of purpose (generally they are not needed).

e.g. *I was silent for a moment in order to give greater force to my next cool off.*

Next we slid into the river and had a swim, so as to freshen up and cool off.

So as is quite common with a negative infinitive of purpose, however.

e.g. *We had gone into the middle of Hyde Park so as not to be overheard.*

She hurried so as not to give him time for reflection.

The infinitive may also be preceded by other modifiers. Unlike *in order* and *so as* which only make the idea of purpose more prominent, the other modifiers serve to add their own specific shades of meaning.

e.g. *He opened his mouth wide as if to speak.*

Christine smiled mockingly turned away, as though to go out of the room.

He gave me a little smile as much as to say, "You see, I don't mean any harm."

He had never cared for that room, hardly going into it from one year's end to another except to take cigars.

They were waiting in there just to see him.

Chris seemed to be always wrapped in a gloomy thoughtfulness, rarely spoke, and then as a rule, only to quote some poet or philosopher.

He told his joke merely to gain time.

The infinitive of purpose generally follows the predicate verb. But if special stress is laid on the infinitive of purpose, it may be placed at the head of the sentence. However, it is not often found in this position.

e.g. *To relieve my feelings I wrote a letter to Robert.*

I forgive you. To prove it I'll drop in at your lab some time.

Occasionally the infinitive of purpose is placed between the subject and the predicate.

e.g. *Ann, to pass the time, had left her kitchen to see whether Mr. Faber was all right.*

The infinitive as adverbial modifier of consequence is used with the particle *to*. It is structurally dependent — we find it in a peculiar sentence pattern, the first part of which is (*he*) *had only to...* or (*he*) *had but to...*

e.g. *I had only to look at mother to know the answer.*

He had only to open the door to find the anxiously waiting for him.

Here was romance and it seemed that you had but to stretch out your hand to touch it.

In this sentence pattern the action expressed by the predicate verb- it is sufficient to perform the first action for the second action to follow.

The use of the infinitive of consequence is frequent.

The infinitive as an adverbial modifier of comparison is also structurally dependent. It is preceded by *than* and modifies a predicate group containing the comparative degree of an adjective or an adverb. The infinitive is generally used with the particle *to*, though it may be sometimes found without it.

e.g. *She seemed more anxious to listen to he troubles of other than to discuss her own.*

I should have known better than to expect to find it.

Damn it, I've got more important things to do than look at the sea.

This function is not of frequent occurrence.

The infinitive (with *to*) may serve an adverbial modifier of condition. In this case it expresses a condition under which the action of the predicate verb can be realized. The predicate verb is, as a rule, used in the form of the Conditional Mood.

References:

1. M. Blokh. A Course in Theoretical English Grammar. M., 1983 p.280
2. M. Bryant. A Functional English Grammar. Boston, 1995 p.270
3. Ch. Fries. The Structure of English. N.Y., 1952 p.290
4. Z. Harris. String Analysis of Sentence Structure. The Hague, 1962 p.270
5. B. Ilyish. The Structure of Modern English. M. — Л., 1965 p.260

Особенности лексической синонимии в американском просторечии

Стетюха Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент
Южный институт менеджмента (г. Краснодар)

В статье раскрываются особенности функционирования стилистически сниженной лексики. На примерах иллюстрируется лексико-семантический аспект отличия просторечной синонимии от литературной.

Ключевые слова: лексическая синонимия, сниженные синонимы, сниженная лексика, просторечие, синонимический ряд, просторечные синонимические элементы.

В настоящее время лингвисты все более утверждают во мнении о том, что синонимия обязательное свойство не только естественных, но и искусственных языков. Отмечая этот факт, И. А. Мельчук пишет: «Мы не можем сейчас дать четкий ответ на вопрос о причинах обязательности синонимии и ее столь важной роли в языке, хотя одна из них очевидна: синонимия используется для осуществления эстетической функции естественного языка, хотя бы потому, что она позволяет избегать назойливых повторений, не говоря уже о том, что жанро-стилевое разнообразие речи было бы невозможно без синонимии». Далее И. А. Мельчук замечает, что «владение языком во многом есть владение его синонимическими средствами: мы тем лучше знаем язык, чем больше мы знаем способов выражения на нем одной и той же мысли» [2, с.45].

Всевозможные параллельные средства выражения языка позволяют нам разнообразить нашу речь, не изменяя или почти не изменяя при этом ее содержания. Стремление к обогащению речи, к устранению повторений и монотонности изложения в той или иной степени свойственно всем лицам, и оно особенно заметно в книжных письменных текстах. В спонтанной разговорной устной речи у говорящего нет возможности уделять должное внимание отделке своего высказывания в указанном выше плане, но стремление к избеганию повторений за счет использования параллельных средств выражения, в том числе лексических синонимов, сохраняется и здесь. Если считать, что в некоторых письменных текстах зафиксирована разговорная речь, то примером реализации упомянутого стремления могут служить следующие высказывания:

I may hate them for a little while, like that guy Stradlater I knew at Pencey, and this other boy, Robert Ackley [13].

I only wanted to make you angry, but not so that you should be cross with me [8].

Look here upon this picture, and on this [12].

Нередко, желая усилить воздействие на собеседника или будучи в состоянии волнения, страха, гнева, восхищения, говорящий перечисляет на близком расстоянии возможно большее количество известных ему синонимов данного ряда. Такое употребление синонимов повышает эмоциональность высказывания, например:

You filthy, dirty pigs! [11].

It's finished — over [14].

You thought you'd make a toy of me — a plaything [10].

Поскольку некоторые синонимы различаются оттенками общего значения, подобное их употребление может способствовать уточнению смысла, выражению его с максимальной полнотой.

Каждый просторечный элемент может или иметь стилистически нейтральный синоним литературного стандарта, или не иметь. При синонимическом толковании, т.е. когда словарные статьи показывают, что существительное разъясняется существительным, глагол или глагольная фраза — глаголом или глагольной фразой, словосочетание — словосочетанием или словом, просторечные элементы следует рассматривать как стилистически сниженные, эмоционально окрашенные синонимы к словам, словосочетаниям и фразам литературного стандарта [3, с.42].

Сниженные синонимы как парадигматическая категория расширяют синонимические ряды языка, выводя их за пределы лексики и фразеологии литературного стандарта. Так, в словаре синонимов к слову *face* даются пять синонимов, из которых 3 литературных: *countenance*, *visage*, *physiognomy* и два просторечных: *mug*, *puss*. Все эти шесть членов ряда в совокупности образуют стилистическую парадигму. Данное явление характерно и для других языков. Например, проведем анализ синонимического ряда «лик, лицо, физиономия, рожа, харя, морда, рыло». На наш взгляд, в данной парадигме следует противопоставить стилистически сниженные «рожа, харя, морда, рыло» стилистически нейтральным «лицо, физиономия»; «лик» как устарелое слово должно приниматься во внимание только при диахроническом анализе.

Если синонимический ряд в словаре синонимов литературного стандарта с доминантой *face* состоит из 6 членов, то синонимический ряд с той же нейтральной доминантой в просторечии американского ареала включает в себя 30 членов: *bizzer*, *biscuit*, *clock*, *dial*, *dish*, *façade*, *fiz*, *front*, *frontage*, *frontis*, *gills*, *index*, *jib*, *kisser*, *kite*, *lug*, *map*, *mask*, *mug*, *mush*, *pan*, *phiz*, *phyzog*, *piece*, *portrait*, *puss*, *sighboard*, *smiler*, *snoot*, *tomato* [9].

Все члены просторечного синонимического ряда характерны именно для стилистически сниженной лексики, которой свойственна легкость установления синонимических отношений [1, с.149]. С точки зрения современной теории о лексике как системе синонимические ряды представляют микросистемы элементов, собственные функциональные ценности которых создаются отношениями противопоставлений; по этой причине все члены ряда удерживаются в дифференциальных границах одного означаемого [5, с.85].

Необходимо подчеркнуть, что такие просторечные синонимические элементы, как *biscuit*, *clock*, *dial*, *dish*, *façade*, *front*, *frontage*, *frontis*, *gills*, *index*, *jib*, *kite*, *lug*, *map*, *mask*, *mug*, *mush*, *pan*, *piece*, *portrait*, *puss*, *sighboard*, *tomato*, в отличие от структурно отмеченных *bizzer*, *fiz*, *kisser*, *phiz*, *phyzog*, *smiler*, *snoot* расширяют синонимический ряд с доминантой «лицо» за пределами литературного стандарта лишь при утрате основной семантики, прямого предметно-логического значения, зафиксированного в толковых словарях литературного английского языка, и, что очень важно, с приобретением определенной коннотации. Так, сниженные синонимы получают функционально-номинативную сущность члена просторечного синонимического ряда только как заместители нейтральной доминанты «лицо» из стилистической парадигмы.

Просторечные синонимические элементы зависят от прямых значений, более того, само их существование как просторечных лексико-семантических вариантов обусловлено существованием стандартных (литературных) лексем, в семантические структуры которых они входят как вторичные после стандартных лексико-семантических вариантов образования. Такие просторечные сино-

нимические элементы (далее ПСЭ) называются связанными ПСЭ.

В приведенном синонимическом ряду с нейтральной доминантой «лицо» следует выделить ПСЭ, которые не могут входить на правах лексико-семантических вариантов вместе с литературными вариантами в семантические структуры стандартных многозначных лексем. Это такие образования, как *bizzer*, *fiz*, *kisser*, *phiz*, *phyzog*, *smiler*, *snoot*. У данных членов синонимического ряда имеется только одна связь, поскольку они входят в стилистическую парадигму, где противостоят стандартным элементам. Ярко выраженная структурная отмеченность подобных образований полностью исключает возможность их вхождения в семантические структуры стандартных многозначных лексем. Отсюда независимость таких образований от лингвистического контекста и экстралингвистической ситуации: в любом контексте и при любой ситуации эти образования выступают только как просторечные. Такие ПСЭ следует отличать от связанных и выделить в особый класс, определяя как «свободные ПСЭ».

Общее между связанными и свободными ПСЭ заключается в том, что они выполняют роль стилистических синонимов только как релятивные единицы, которые познаются благодаря соотношению с их идентификаторами — нейтральными литературными доминантами синонимических рядов.

В отличие от литературного языка со строго кодифицированными правилами и нормами периферийная часть системы — просторечие — характеризуется большей свободой в выборе вариантных средств выражения смысловых и коннотативных оттенков содержания высказывания и, следовательно, большей степенью синонимичности языковых средств. В значительной степени это обусловлено тем, что просторечная лексика является, по мнению исследователей, наиболее «проницаемой» областью языка [6, с.18].

В нестандартном языке в действие синонимической аттракции включается ряд факторов: отсутствие строгих модифицирующих ограничений, необязательное употребление слова в строгой адекватности предмету мысли, спонтанность выражения, преобладание эмоционально-оценочного момента в речи. В результате действия названных факторов лексическая синонимия в просторечии приобретает характер системного явления и обладает рядом свойственных только ей черт.

Если в литературном стандарте языковая номинация представлена, как правило, оппозицией «одно означаемое (предмет материального мира) — одно означающее (слово)», то в нестандартных сферах национального языка в номинационных речевых процессах эта оппозиция нарушается. Асимметрия означивания приводит в просторечии к семантической избыточности нестандартных слов. Многочисленные наименования создаются в нестандартном языке для понятий, уже имеющих словесное оформление в литературном языке. Например: литера-

турное английское *jail* — *тюрьма* и его просторечные синонимы *bastile, cage, can, coop, dump*.

В лексико-семантическом аспекте просторечная синонимика существенно отличается от литературной. Слова-синонимы литературного языка представляют собой идеографические синонимы, т.е. языковые единицы, различающиеся смысловыми оттенками значения. Так, члены синонимического ряда *countenance, visage, physiognomy* с нейтральной доминантой *face* могут считаться синонимами при нейтрализации их смысловых различий в контексте [7, с.107]. Эти слова расходятся по характеру их денотативного значения. Любой из этих синонимов в литературном тексте может заменяться доминантой синонимического ряда *face*.

Синонимия предметных существительных в американском просторечии характеризуется избирательностью в обозначении понятий; что связано со спецификой разговорной речи — ее существованием в различных социальных речевых контекстах. Фактор коммуникативной значимости того или иного понятия в сознании носителей языка становится решающим в процессе синонимической аттракции просторечных существительных. Самые многочисленные синонимические ряды существительных, отобранных по словарю американского просторечия [9], включают слова, обозначающие наиболее важные в коммуникативном отношении понятия, такое как *money* — «денежные знаки»: *alfalfa, ammo, ballast, beewy, blunt, bob, boodle, brass, bread, bullet, bunch, cabbage, change, cheese, china, coin, collateral, corn, darby, dinero, dirt, dough, ducat, dust, gee, geedus, gold, glue, grease, jack, kale, lettuce, lush, mazoo, mazula, mezony, moola, oil, oscar, paper, pazaza, pitch, poke, rock, salt, shot, scoratch, soap, spinach, stuff, sugar, tlac*.

Видовое понятие тематической группы «наименования денежных знаков» — *dollar* «доллар» также имеет различное выражение в просторечном синонимическом ряду: *ball, bat, bean, bob, berry, bone, buck, can, case, century, check, chip, clam, dib, cucumber, ducat, lizard, man, onion, paper, peso, piaster, rag, plunk, potato, rock, rutabaga, sambolio, seed, simoleon, slug*.

Литература:

1. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». — М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
3. Семенюк, Н. Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. — М.: Восточ. литература, 1972.
4. Сидоренко, Т. К. Ономастологические и структурные характеристики американской просторечной лексической синонимии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 1986.
5. Толикина, Е. Н. Синонимы или дубликаты? Исследования по русской терминологии. — М.: Восточ. литература, 1972.
6. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М.: ЛКИ, 2008.
7. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика. — М.: Либроком, 2009.
8. Abrahams, P. The Path of Thunder. — М.: Higher school publ., 1971.
9. Dictionary of American Slang by Mary E. — N. Y.: Barron's Ed, 2009.
10. Dreiser, T. Sister Carrie. — Penguin Books Ltd, 2011.

В синонимическом ряду с доминантой *money* насчитывается до 70 синонимов. Действие социального фактора проявляется и в пользовании других средств номинации в просторечной лексике. В языке этнически разнородного состава социальных групп людей престижный статус приобретают ассимилированные слова-заимствования типа *dinero* (арабский), *ducat, peso, piaster* (испанский), *geld* (немецкий), *mazuma* (идиш), а также деперсонифицированные собственные имена, переходящие в разряд нарицательных существительных: *darby, jack, oscar (money), bob, simon (dollar)*. Переосмысленные собственные имена, наряду с метафорой, также могут служить целям засекречивания передаваемой информации в специальных языках. Являясь принадлежностью узкоспециальных групп, кодифицированный язык становится непонятным для других людей. Неограниченный строгими правилами, нестандартный язык изыскивает разнообразные возможности засекречивания значений слов: сокращения — *ammo, mon, rap*; специальное искажение слоговой структуры слова — *mezoney*; особые приемы просторечного словотворчества (back-slang) — *oday*. Иногда язык антисоциальных групп прибегает к созданию новых слов: *moolah, spon (money)*. Однако в большинстве случаев происходит модификация элементов стандартного языка, что свидетельствует о системном характере номинации в просторечной лексической синонимии. По продуктивности преобладают стандартные модели словосоздания: корневые, производные, сложные, сложнопроизводные слова, словосочетания находятся в отношениях синонимичности другим элементам, образованным по нестандартным моделям [4, с.14–15].

Таким образом, лексическая синонимия просторечных существительных является проявлением общей тенденции нестандартного вокабуляра к семантической избыточности. Иррадиация экспрессивно-синонимических слов распространяется на определенные тематические группы наименований предметов, имеющих большое социальное значение для носителей языка, и приходит по семантическим законам языковой системы.

11. Maugham, W. S. Rain. — М.: Капо, 2009.
12. Maugham, W. S. Theatre. — М.: Менеджмент, 2010.
13. Salinger, J. D. The catcher in the Rye. — М.: Капо, 2011.
14. Susann, J. Valley of the dolls. — Л.: Little, Brown Book Group, 2008.

Национально-культурная специфика фразеологизмов японского языка (лингвокультурологический подход)

Турапова Наргиза Ахмедовна, исследователь
Ташкентский государственный институт востоковедения (Узбекистан)

Важной особенностью современных лингвистических исследований является более подробное изучение национально-культурного аспекта языка, так как язык является компонентом культуры, отражающим и сохраняющим в себе культурно-исторические сведения традиционного характера и множество фактов современности. Язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, ее хранителя. В языке отражаются реальный мир, окружающий человека, реальные условия его жизни, национальный характер, образ жизни, система ценностей, его мироощущение. Совокупность этих знаний составляет мир изучаемого языка, без проникновения в который невозможно полностью понять языковые явления. Как известно, к источникам сведений и культуре народа, несущим национально-культурную окраску, относят следующее:

1. Традиции, обычаи, обряды;
2. Бытовая культура, тесно связанная с традициями;
3. Повседневное поведение, привычки представителей культуры;
4. Художественную культуру, отражающую традиции того или иного этноса

Одним из важнейших источников национально-культурной информации выступают фразеологизмы, так как именно в них наиболее часто отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история народа. Фразеологизмы являются одним из наиболее интересных проявлений национально-детерминированной специфики менталитета народа. По мнению В. А. Масловой «во внутренней форме большинства фразеологизмов содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит» [1, с.25]. Во фразеологии разных языков много общего, так как фразеологизмы отражают общечеловеческие понятия и взгляды на мир. Но большинство фразеологизмов каждого языка отличаются своей национальной спецификой. Это различие проявляется в оттенках значения фразеологизмов, его национальной образности, в лексическом составе. Иначе говоря, культурная информация составляет денотативный компонент значения этих слов, принадлежавших к безэквивалентной, и тем самым национально-маркированной лексике.

Любой язык выражает культуру народа, говорящего на нем. Изучение иностранного языка всегда означает также ознакомление с новой культурой, лежащей в основе данного языка. Вследствие расхождения двух культур в изучаемом языке для студента-иностранца встречается большое количество слов и выражений, не имеющих смысловых соответствий в родном языке. В. Н. Телия пишет, что «фразеологический состав языка — это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание. Именно фразеологизмы как бы называют носителями языка особое видение мира, ситуации» [2, с.55].

Таким образом, можно сказать, что между фразеологизмом и национальной культурой народа существует прямая связь. В языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет. В поисках национального в составе семантики фразеологизма лингвисты обращаются к источникам, первоначальному появлению и бытованию определенного фразеологизма. При обращении к проблеме национально-культурного своеобразия фразеологизмов можно отметить несколько подходов:

- 1) лингвострановедческий;
- 2) контрастивный;
- 3) когнитивный;
- 4) лингвокультурологический

В этой статье мы рассмотрим лингвокультурологический подход, применяемый при исследовании национально-культурного своеобразия фразеологизмов японского языка. Этот подход ориентирует исследователя на изучение соотношения фразеологизмов и культуры, и согласно мнению В. Н. Телия «связь культуры и фразеологизма осуществляется через культурную коннотацию, которая возникает в результате интерпретации образного основания путем соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами» [3, с.67]. Также В. Н. Телия утверждает «что основной целью лингвокультурологического анализа фразеологических единиц является выявление и описание культурно-наци-

ональных коннотаций, узуально сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками и соотносимых друг с другом посредством когнитивных процедур, придающих этим коннотациям осмысление» [4, с.78].

Как сказал В.Н.Телия фразеологизмы, связанные «с историческим опытом народа, ставшего достоянием его национального самосознания или просто памятным знаком» [5, с.89]. Среди исконно японских фразеологизмов встречаются те, связанные с японскими реалиями, обычаями, историческими фактами и др. В их составе встречаются слова, которые связанные с искусством, спортом, с предметом быта японцев, одеждой, пищей, религией, историческими фактами.

Приведем несколько примеров:

С именем одного из десяти учеников Будды — Пурна, который отличался изысканностью речи, образовалось выражение *ふるなの弁* фуруна-но бэн (букв. «красноречие Пурны») — *блестящее красноречие*, *ほと石ほとこ人* хото исиботоко хито (букв.каменная статуя Будды) — *молчаливый человек*.

В Японии во времена эпохи Хэйан, проживал выдающийся буддийский священник по имени Кобо, который славился своими каллиграфическими работами, отсюда возникли несколько выражений с его именем:

弘法にも筆のあやまり Ко: бо: нимо фудэ-но аямари — *на всякого мудреца довольно простоты*, или же *конь о четырех ногах, да и тот спотыкается* — даже такой умелый человек как Кобо и тот совершает ошибки;

弘法は筆を選ばず Ко: бо:-ва фудэ-о эрабадзу — *Кобо кисть не выбирает* — для знающего толк в своем деле человека не важен инструмент. С именем Кобо обязательно присутствует атрибут его ремесла каллиграфическая кисть — *фудэ*;

人のふんどしで相撲を取る хито-но фундоси-дэ сумо:-о тору (букв. — бороться сумо в чужом фундоси) — *загрести жар чужими руками*. Данное фразеологизм берет свое начало с национального спорта японцев сумо, атрибутом спорта является *фундоси* — набедренная повязка — и взять чужую фундоси означает присвоить чужую вещь и использовать ее в своих целях;

Для выражения душевных и моральных качеств человека, в японском языке, наравне с фразеологизмом — соматизмом *心* кокоро используются несколько синонимичных лексем. В их числе и фразеологизм *肝* кимо — печень, многие выражения с этим фразеологизмом выражают душевное состояние человека, его качеств, таких как *肝が小さい* кимо-га тийсай (букв. печень маленькая) — *трусливый*, противоположное значение имеет *肝が大きい* кимо-га оокий (букв. печень большая) — *храбрый*. Например, в русской лингвокультуре сидеть в печенках — говорят *о неприятном и надоедливом человеке*, в узбекской же печень — *jigag* обозначает переносное значение — теплые, родственные отношения *mening jigarim* — (букв. моя печень) — *мой родной человек*.

Еще с древности в Японии считалось что собака не ладит с обезьяной, отсюда и произошел фразеологизм *犬猿の仲* кэнэн-но нака (букв. отношения как у собаки с обезьяной) — *как кошка с собакой*.

Фразеологизмы, отражающие в своей семантике названия животных, птиц, которые характерны для Японии. Вот например японцы использовали дешевую креветку для ловли дорогого леща, и отсюда произошел фразеологизм *えびでたいを釣る* эби-дэ тай-о цуру (букв.ловить морского леща креветкой) — *пожертвовать малым ради большого*.

В древности, когда не было еще электричества, в Японии использовали масляные лампы, масло для них покупалось в специальном магазине, где продавец наливал необходимое количество масла в посуду, используя воронку. Пока масло проходило через воронку (а процесс был медленным), здесь же и продавец и покупатель между делом обсуждали последние новости. Отсюда произошло значение фразеологизма *油を語る* (букв.продавать масло) — *бездельничать, бить баклуши*. Немало и других примеров с участием «масло»: *火に油を注ぐ* хи-ни абура-о сосогу — *подливать масло в огонь*, *油をさす* абура-о сасу (букв. подливать масло) — *подбадривать*.

В Японии не принято одевать яркой, вызывающей одежды, японцы очень скромно одеваются, используя нейтральные цвета. Поэтому красный цвет вызывает ассоциацию либо чего-либо незаурядного, либо отрицательного отношения к чему-либо.

赤門をくぐる акамон-о кугуру (букв.пролезть под красными воротами) — *поступить в Токийский университет*; *赤はだかにする* акахадэ-ни суру (букв. стать красно-голым) — *обобрат до ниток*; *赤子の手をひねる* акаго-но тэ-о хинэру (букв.крутить руки красного ребенка) — *крайне просто*; *赤着物を着せられる* акакимоно-о кисэрарэру (букв. заставить носить красное кимоно) — *попасть в тюрьму*; *赤ゲット* акагэтто (букв. красное одеяло) — *деревенщина*; *赤鬼* акаони (букв. красный черт) — *настойчивый кредитор*.

Таким образом, фразеологический фонд современного японского языка, как и других языков, представляет собой своеобразное явление и имеет яркий национальный характер. При изучении фразеологической системы японского языка следует учитывать характер лексического состава фразеологизмов, т.е. специфические особенности слов, образующие фразеологизмы как определенные языковые единицы, семантику слова, связанную с национальной культурой.

При изучении японского языка как иностранного не следует пренебрегать важностью национально-культурного аспекта языка, в частности это касается фразеологизмов. Из-за недостаточного знания фактов реальной действительности, внимания к национальной специфике фразеологизмов, могут быть допущены неправильности и неточности в переводе фразеологизмов, и это ведет к неполному восприятию той информации, которая содержится в тексте.

Лингвокультурологическая парадигма исследования во фразеологии позволяет глубже — не в рамках фразеологических моделей или по степени семантического тождества — изучить природу фразеологического образа. Этот подход к рассмотрению фразеологии имеет большое познавательное значение при изучении иностранного языка. Коммуникативная значимость лингвокультурологически

ориентированных фразеологизмов становится очевидной при работе с газетной и художественной литературой, при переводе и устном общении. Имея представления не только о происхождении, но и зная национально-культурные специфику их, можно интересно и доступно изучить эти фразеологизмы, а также предоставить интересную и полезную информацию для студентов, изучающих японский язык.

Литература:

1. Маслова. Лингвокультурология. — М., 2001
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Языки русской культуры», 1996г
3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Языки русской культуры», 1996г
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Языки русской культуры», 1996г
5. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Школа «Языки русской культуры», 1996г
6. Стрижак ЮВ. Фразеология как элемент культуры, курс.раб., Санкт-Петербург 2010
7. 用例でわかる 慣用句辞典 — 東京、2008年
8. Фуджинума, Т. Японско-русский словарь/ Т. Фуджинума — Токио, ИД «Кэнкюся», 2000.
9. 梅澤「ことわざじてん」東京、世界文化社 2006年

Функционально-семантическое поле темпоральности в русском и персидском языках

Ханджани Лейла, кандидат филологических наук, преподаватель
Гилянский университет (Иран)

Настоящая статья посвящена изучению категории темпоральности в русском и персидском языках. В статье темпоральность рассматривается в структурно-семантическом и функциональном плане.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, темпоральность, время, русский язык, персидский язык.

Functional-semantic field of temporality in the Russian and Persian languages

Khanjani Leila, Assistant Professor, University of Guilan

The present study is concerned with temporality in Russian and Persian languages. Specifically, we regard temporality in a semantic-structural and applied framework.

Key words: functional semantic field, temporality, tense, Russian language, Persian language

Категория темпоральности достаточно широко изучена в современной лингвистике, что позволяет сконцентрировать внимание на определённых аспектах функционирования данной категории в той или иной сфере применения. Теоретической основой данного исследования является концепция функциональной грамматики, характеризующая категорию темпоральности как функциональ-

но-семантическое поле (ФСП). Такой подход определяет категорию темпоральности как «совокупность грамматических (морфологических, синтаксических), лексических, а также комбинированных (лексико-грамматических, грамматико-контекстуальных, т.п.) средств того или иного языка, используемых для выражения различных вариантов данной семантической категории» [1, с. 5].

Критериями для выделения центра поля по А. В. Бондарко являются:

1. Максимальная концентрация базисных семантических функций (признаков);
2. Наибольшая специализированность языковых средств, служащих для реализации базисных семантических функций;
3. Структурная концентрация семантических оппозиций;
4. Регулярность функционирования данных языковых элементов по отношению к нерегулярности или меньшей регулярности периферийных элементов [2, с. 39–41].

Ядро функционально-семантического поля темпоральности представляет система временных форм изъявительного наклонения действительного залога. Данная система включает три противопоставленных друг другу ряда форм: 1) формы настоящего времени; 2) формы прошедшего времени; 3) формы будущего времени. [3, с. 485]. Говоря о периферии поля темпоральности, мы имеем в виду не только явно маргинальные компоненты полевой структуры, но и ближайшее окружение ядра. Иными словами, рассматриваемая зона поля включает ближнюю и дальнюю периферию. [4, с. 43].

К ближайшему окружению ядра ФСП темпоральности (к ближней периферии) могут быть отнесены следующие компоненты данного поля: 1) аналитические причастно-страдательные формы типа *был рассмотрен* — *рассмотрен* — *будет рассмотрен*; 2) формы полных причастий прошедшего и настоящего времени; 3) образования типа *говаривал*, *едал*, *живал*, *нашивал*, *певал*, *хаживал* со значением «давнего обыкновения»; 4) безглагольные синтаксические конструкции со значением настоящего времени, соотносительные с конструкциями, включающими формы типа *был*, *будет* (*Ночь; Холодно и др.*). [5, с. 486].

Имеются в виду следующие основные типы языковых средств, участвующих в передаче темпоральных отношений: 1) деепричастия в составе деепричастных конструкций; 2) синтаксические конструкции с модальным значением, имплицитно указывающие на темпоральную отнесенность ситуации или одного из ее элементов к будущему (*Уйдите! Постройтесь! Отдохнуть бы; Вам в наряд идти; Помочь тебе? Ко мне могут зайти знакомые и т.п.*); 3) лексические обстоятельственные показатели типа *сейчас*, *завтра*, *через две недели*, *вчера*, *год тому назад*, *давно* и т.п.; 4) конструкции с временными союзами типа *когда*, *пока*, *в то время как*, *как только*, *лишь только*, *едва* и т.п.; подобные конструкции (придаточные части соответствующих сложноподчиненных предложений) включаются в выражение таксиса, но вместе с тем выполняют обстоятельственную темпоральную функцию, сопоставимую с обстоятельственной функцией упомянутых лексических средств; 5) различные контекстуальные средства передачи темпоральных отношений, не имеющие определенной и однородной структурной характеристики,

например *тогдашний*; в более поздних произведениях...; *вспоминается*...; *в своих мечтах*... и т.п. [6, с. 48–49].

Основываясь на принципах функциональной грамматики, нам можно построить и описать модель функционально-семантического поля темпоральности в современном персидском языке. Из числа тех семантических признаков, которые заложены в категориально-понятийной основе глагольных предикатов, наиболее интенсивно взаимодействуют аспектуальные и темпоральные. Первые дают представление о внутренней структуре действия, т.е. о характере его протекания и распределения во времени, вторые указывают на отношение действия к моменту речи или иной точке отсчета.

В персидском языке ядерным компонентом темпоральности является система временных форм. По мнению А. Гольфам, грамматическая категория времени показывает локализованность двух ситуаций на оси времени и может включать не более трех граммем: 'ситуация Р1 предшествует ситуации р2' 'ситуация Р1 следует за ситуацией р2' и 'ситуация Р1 совпадает во времени с ситуацией р2'. Поэтому в персидском языке выделяются три основных времени: настоящее, прошедшее и будущее [7, с. 70]. Каждое из которых представлено несколькими временными формами [8, с. 187].

Так настоящее время представлено настоящим-будущим временем изъявительного наклонения *guznāme* *mīxāpāt* 'я читаю газету', настоящим конкретным временем изъявительного наклонения *dāgam* *guznāme* *mīxāpāt* 'я (в данный момент) читаю газету' и настоящим-будущим временем сослагательного наклонения (аористом) *mīxāham* *guznāme* *be xāpāt* 'хочу прочитать газету'; прошедшее время — простым прошедшим временем изъявительного наклонения (претеритом) *guznāme* *xādam* 'прочитал газету'; прошедшим длительным временем изъявительного наклонения (имперфектом) *guznāme* *mīxādam* 'я читал газету', преждепрошедшим временем (плюсквамперфектом) изъявительного наклонения *vaqt-i-ke* *u* *nāzd-e mān āmad guznāme gā xānde budam* 'когда он пришел ко мне, я уже прочитал газету', прошедшим конкретным временем изъявительного наклонения *moqde-i-ke dāxel-e otdāq šodam u dāšt ruznāme mīxānd* 'когда я вошел в комнату, он читал газету', прошедше-настоящим временем изъявительного наклонения *u guznāme gā xānde ast* 'он уже прочитал газету' прошедшим предположительным временем сослагательного наклонения *motken ast guznāme gā xāneh bād* 'возможно, 'он прочитал газету' прошедше-настоящим длительным временем *guznāme mīxānde ast* 'читал газету' и будущее время — будущим категорическим временем изъявительного наклонения *guznāme gā xāham xānd* 'прочитаю газету'.

Таким образом «грамматическое ядро темпоральности — категория времени глагола. Она представляет собой в языке систему (точнее совокупность систем) противопоставленных друг другу рядов грамматических форм,

используемых для выражения отношения действия к моменту речи или ко времени другого действия (какому-либо моменту, помимо момента речи)» [9, с. 48–49].

К периферийным компонентам темпоральности относятся: лексические обстоятельственные показатели типа *ālān, aknun, fardā, diruz, sale gozašte, moddat hā piš, qablan* и т.п.; конструкции с временными союзами типа, *vaqti ke, dar hāli ke, be mahze inke* и т.п.; различные контекстуальные средства передачи темпоральных отношений, например, ... *ān zamn; dar zamāne...; be yād dāram...; yādām mi āyad...* и некоторые синтаксические конструкции с модальным значением типа *kāš komak konim, bāyad raft...*

Анализ функционально-семантического поля темпоральности русского языка по сравнению с персидским языком позволил прийти к ряду выводов. Как в русском, так и в персидском языке категория времени указывает на отношение действие или состояние к моменту речи или к какому-либо другому моменту, принятому за точку отсчета. Универсальным в сопоставляемых нами языках является наличие в темпоральной временной системе трех временных планов: настоящего, прошедшего, будущего. В персидском языке видовые оттенки проявляются во временных формах, которые могут выражать завершенность и незавершенность действия, его длительность, повторяемость и т.д. разнообразные временные значения глаголов тесно связаны со значениями видовыми. В традиционном понимании категории времени и вида не отличаются.

Литература:

1. Бондарко, А. В. Теория Функциональной грамматики: темпоральность. Модальность. Л., 1990. с. 5.
2. Бондарко, А. В. Теория Функциональной грамматики: темпоральность. Модальность. Л., 1990. с. 5.
3. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики на материале русского языка. М., 2002. с. 485.
4. Бондарко, А. В. Теория Функциональной грамматики: темпоральность. Модальность. Л., 1990. с. 5.
5. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики На материале русского языка. М., 2002. с. 485.
6. Бондарко, А. В. Теория Функциональной грамматики: темпоральность. Модальность. Л., 1990. с. 5.
7. Голфам, А. осулэ дастурэ забанэ фарси. Т., 1390. с. 70
8. Нобахар, М. Дастурэ карбордийе забанэ фарси. Т., 1389. с. 187
9. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971. с. 48–49.

В синтаксическом аспекте категория времени определяется системой отношений компонентов словосочетания, способных реализоваться в структуре предложения. конструкции с временными значениями показывают, что синтаксические модели сами по себе не имеют строго разграниченных значений. Связь между видо-временной характеристикой детерминированного глагола и детерминирующего компонента, а также их лексических свойств свидетельствует о взаимодействии их при выражении темпоральных отношений.

В основе ядра функционально-семантической категории темпоральности русского языка лежит морфологическая категория времени глагола. Средства выражения темпоральности в персидском языке, охватывают морфологическую (грамматическую) категорию времени глагола в изъявительном, повелительном, сослагательном, желательном и других наклонениях, различные синтаксические средства, выражающие темпоральное значение, лексические средства этого же порядка.

Несмотря на то, что лексические средства и, в частности, наречия, располагаются на периферии грамматико-лексического поля темпоральности, именно за счёт них осуществляется временная ориентация. Даже наречия, имеющие самую неопределённую временную ориентацию, служат целям уточнения временных координат, намечаемых в общем виде глагольными формами. Такие значения, как длительность, однократность, возобновление действия, многократность могут быть переданы только с помощью лексических средств.

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Спортивные метафоры семантического поля «шахматная игра» в печатных средствах массовой информации

Асмус Айгуль Сафиевна, кандидат филологических наук (г. Шверин, Германия)

Метафора, метафорические концепты, характерные для них контексты и закономерности употребления относятся к числу интереснейших предметов лингвистических изысканий. Внимание ученых привлекает также вопрос метафорической экспансии и ее источников, являющихся обозначениями «реалий, которые особенно актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес» [Чудинов, 27]. Наиболее продуктивными источниками метафорической экспансии являются следующие понятийные сферы: «Дорога», «Болезнь», «Война», «Игра», «Животные», «Театр», «Криминал».

Растет и популярность метафор, имеющих отношение к теме спорта. Они стали чаще употребляться в различных сферах жизни и все интенсивнее изучаются в лингвистике. Так, например, спортивные метафоры рассматриваются в работах А. П. Чудинова, Е. С. Кубряковой, Э. В. Будаева, А. М. Стрельникова, G. Lakoff, M. Johnson, H. Weinrich, G. Kirz и многих других.

Как уже было сказано выше, метафорические модели, связанные со спортом, встречаются во многих «неспортивных» областях и, в частности, в средствах массовой информации. Довольно часто спортивная метафора используется в текстах СМИ, освещающих политические события. Причиной этого является стремление авторов представлять свой материал на понятном читателю языке. Популярность спорта постоянно растет, а вместе с этим увеличивается и количество спортивных терминов, активно употребляемых вне спорта.

Большое распространение получили спортивные метафоры, входящие в семантическое поле «игра в шахматы». Политическую арену сравнивают с шахматной доской, на которой постоянно разыгрываются сложные партии с комбинациями, рокировками и патовыми ситуациями. Использование метафор, апеллирующих к шахматной игре, в этой области легко объяснимо. Шахматы уже на протяжении полутора тысячи лет является излюбленной настольной игрой человечества. Они стали настолько популярны и понятны широкому кругу лиц, что многие термины применяются в ситуациях, не связанных напрямую с шахматными партиями и политика не стала исключением. *Создается впечатление, что в сере-*

дине долгой шахматной партии один из игроков неожиданно вскочил из-за стола, сбросил фигуры на пол и с криком: «А теперь бои без правил», набросился на противника (Коммерсантъ 03.12.2014). Хорошая шахматная партия началась по отношению к строительству «Южного потока» — Брюссель воздействует на нас таким образом — не будете договариваться, значит не будем вообще трубу строить и все ваши затраты зря (Коммерсантъ 10.06.2014). «Мы не рассматриваем эту ситуацию как какую-то шахматную партию времен холодной войны, в которую мы играем против России», — заверил Барак Обама (Коммерсантъ 20.02.2014).

Политика метафорически иллюстрируется как шахматная игра, в которой каждая ситуация — это напряженная партия, где активно проявляют себя как сильные фигуры (ферзь, король, ладья), так и слабые пешки. На политической арене, как и на шахматной доске, производятся сложные ходы (комбинации, рокировки, ход конем), возникают критические ситуации (шах, пат), а иногда приходится уступать или сдавать свои позиции (мат).

Внутренние и внешние политические процессы, описываемые шахматной терминологией (миттельшпиль, гамбит, эндшпиль), гораздо понятнее адресатам, чем если бы они были переданы «сухими» официальными формулировками. *Москва пошла ва-банк, заявив о недовольстве правилами игры, которые установили победители в холодной войне. Потом, правда, красивый дебют перешел в мучительный миттельшпиль — Россия завязла в украинской трясине, из которой едва ли выкарабкается в 2015-м. Крымский гамбит действительно сотряс мировое устройство, заставив его бенефициаров беспокоиться. Но в выигрыше может оказаться не Россия (Коммерсантъ 03.01.2015). То есть мы наблюдаем своего рода президентско-премьерский гамбит, когда меньшим жертвуют ради большего (Коммерсантъ 01.12.2014).*

Наиболее напряженные моменты политического противостояния, как и отрицательные результаты дипломатических тактик, как нельзя проще и нагляднее можно преподнести читательской аудитории при помощи таких метафор, как «шах», «мат», «пат». *Запад может*

сколько угодно кричать «караул!», но он должен осознать, что получил **шах и мат** в своей игре, которую вел в ущерб России, добиваясь превосходства в регионе.. (Коммерсантъ 24.03.2014). Олимпиада несколько отвлекла нас от украинского сериала. А он между тем и не думает заканчиваться. **Пат есть пат**. Страсти поутихли, но явно разгорятся вновь (Коммерсантъ 12.02.2014).

Широкоупотребим в прессе и шахматный термин «рокировка», смысл которого заключается в выводе на лидирующие позиции более сильной фигуры. На политическом поле рокировки производятся с той же целью: улучшение позиций с помощью новых назначений на ключевые посты. *Все участники рокировки комментировали происходящее сдержанно (Коммерсантъ 23.09.2014). А рокировка в турецком тандеме считалась главным сценарием для правящей последние двенадцать лет умеренно-исламистской элиты (Коммерсантъ 12.08.2014).*

Однако рокировки не всегда дают желаемые результаты, и тогда приходит время для решительных ходов (ход конем), которые могут внести значительные изменения в существующий порядок вещей. *Волшебный ход конем с присоединением Крыма позволил очень многим удовлетворить чувство попранной гордости из-за ощущения непричастности к властным процессам» (Коммерсантъ 31. 12. 2014). Звуки британских буровых, очевидно, не есть приятная музыка для ушей аргентинцев. И посему Аргентина сделала свой ход конем (Российская газета 22.05.2010).*

В политике нет ничего предсказуемого и постоянного: меняются взгляды, силы, лидеры, принципы, приоритеты. Изменяются и цели, причем, иногда для достижения больших целей приходится жертвовать чем-то малым (гамбит). *На первый взгляд, крымский гамбит Москвы примиряет всех спорщиков в НАТО: Россия — держава-ревизионист, ставящая под сомнение устои, и все должны сплотиться против брошенного вызова. Но единого взгляда в альянсе все равно нет (Огонек, № 34, 01.09.2014). Крымский гамбит действительно сотряс мировое устройство, заставив его бенефициаров забеспокоиться (Коммерсантъ 03.01.2015).*

Политика, как шахматная игра, невозможна без фигур различного ранга и силы. Чем больше людей задействовано в действии, тем острее борьба и напряженнее ситуация. *В результате Россия пытается создать сложносбалансированную систему со многими составляющими, ведь чем больше фигур на шахматной доске, тем интереснее партия — вариантов развития событий больше (Коммерсантъ 17.12.0214).* Важен каждый, кто, так или иначе, участвует в игре и потеря хотя бы одного

игрока может привести к плачевному финалу. *В новой украинской партии, которую разыгрывают Россия и Запад, пытающийся играть белыми, соперник Москвы зевнул фигуру. И тем самым сделал России королевский подарок, которым было бы грех не воспользоваться (Коммерсантъ 10.02.2014). Второй путь чем-то, наверное, легче. Как легче решить головоломку про волка, козу и капусту, чем выиграть шахматный поединок без ферзя. Но проблема в том, не придется ли через непродолжительное время опять подвергаться нефтяному шантажу и озадачиваться перевозкой очередных волков, коз и капуст, так и не выбравшись из арьергарда глобальной «партии ресурсов (Известия 22.09.2014).*

Особая роль в шахматах отведена пешкам. Они не являются фигурами и не обладают функциональной силой, но участвуют в создании стратегического рисунка партии. Термин «пешка» часто используется в прессе для создания метафорических образов. При обсуждении или освещении политических баталий под пешками понимаются беспомощные, недалёковидные политики, которые зачастую руководствуются чужими принципами и методами управления. *Обсуждая ситуацию в Киеве, американские дипломаты весьма снисходительно отзываются о лидерах украинской оппозиции. Говорят о них как о пешках, переставляемых с поля на поле (Коммерсантъ 10.02.2014). Министр иностранных дел России Сергей Лавров и руководитель Госдепартамента США Джон Керри перед началом двусторонних переговоров в Париже выразили мнение, что Украина должна стать мостом между Востоком и Западом, а не пешкой в чужой игре (Коммерсантъ 05.06.2014).*

Быть пешкой означает занимать низшее место в иерархии. Пешки не могут самостоятельно мыслить, размышлять, совершать серьезные поступки или выдвигать интересные идеи. *Увы, молодежь, исковерканная дрожжевым ростом, богатством выбора и сладким примером легиона пешек, попавших вдруг в дамки, не способна ни к чему: ни к стратегиям движения при стагнации, ни к тяге и воле к предпринимательству (Коммерсантъ 24.06.2014).*

В заключении хочется отметить, что между политикой и шахматной игрой можно провести параллели: так, например, и там и там необходима способность анализа стратегий, продумывания ходов, подсчета рейтинга и т.д. Политика и шахматная игра требуют от участников высокого интеллекта и умения мыслить логично, не поддаваясь эмоциональным порывам. Такая общность и обуславливает частое обращение к шахматной терминологии в публикациях печатных СМИ, посвященных внешней и внутренней политике.

Литература:

1. Литвинова, Т.И. Спортивная и игровая метафора в немецком политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж: Воронежский государственный университет, 2008. — 24 с.

2. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: уч. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 160 с.
3. Чудинов, А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001, № 21. — с. 26–31.
4. Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. — 3-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 232 с.
5. www.izvestia.ru
6. www.kommersant.ru
7. www.rg.ru

Профессиональная этика журналиста: каноны и нарушения

Долгина Екатерина Станиславовна, кандидат культурологии, доцент;

Минязева Елена Александровна, магистрант

Нижневартровский государственный университет (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра)

Недоверие аудитории в последнее время направлено на журналистскую профессию. В то же время журналист и журналистика в целом являются неотъемлемой частью современного социума. Общество обвиняет журналистов в предвзятом отношении при публикации материалов, о привязанности к той или иной политической партии, о коммерческой направленности публикационных материалов и т.д. Это все говорит о нарушениях профессионального кодекса чести представителей журналистской профессии. Рассмотрим сущность журналистской этики и ее основные каноны.

Этика, как философское понятие, является наукой, которая рассматривает основные принципы морали в современном социуме [3, с. 237]. Относительно журналистской профессии, этика определяется стандартами журналистского профессионального поведения. Журналистская этика направлена на соединение нравственных принципов и ценностей со свободой выбора в публикационной деятельности. Нравственные конфликты, возникающие на данной почве, находят свое отражение в профессиональной морали. Из этого можно сделать вывод, что существует два понятия, относящиеся к этике в данной профессии: журналистская этика, которая направлена на выявление этических проблем при отборе материалов для публикаций, и этика в журналистике, которая направлена на выполнение требований декларации принципов профессионального поведения журналистов.

Журналистская этика направляет современных журналистов на принятие решений в нестандартных ситуациях, когда стоит выбор между увлекательностью материала и этической составляющей. Журналисты в публикационной деятельности должны ориентироваться на принципы этического кодекса. В то же время, журналистская этика дает индивидуальную свободу публицистам при написании журналистского произведения. Современный журналист сам выбирает манеру своего поведения: этичную или неэтичную. Следует определить со-

ставляющие этической модели поведения представителей журналистской профессии.

Одним из важнейших принципов журналистской этики является правдивость преподносимой информации. Зачастую сотрудники редакций ради получения сенсации, увеличения рейтингов издания, повышения читательского интереса публикуют откровенную ложь и клевету [2, с. 27]. Так же журналист несет ответственность за способ получения информации. Журналистская этика предписывает получение информации честным путем, не злоупотребляя доверием источника информации [6, с. 2]. Исследователь Д. С. Авраамов считает, что правдивое изложение информации — прямая обязанность журналиста. Представители журналистской профессии обязаны излагать факты, не нарушая подлинный смысл полученной информации, давая общественности правдивые и объективные данные [1, с. 240].

Журналист должен доносить до общественности только ту информацию, источник которой проверен и известен ему. Получение информации должно быть законным. При получении конфиденциальным путем информации, журналист обязан сохранять анонимность источника.

При использовании в написании журналистского произведения материалов скрытых видео- и аудиозаписей, журналист обязан проверять законность получения этой информации. Подобные материалы журналист вправе использовать в своих публикационных произведениях только в случаях, если: записи не нарушают права и свободы гражданина; существует необходимость защиты общественных интересов и приняты меры против идентификации посторонних лиц; демонстрация записи происходит по решению суда [2, с. 70].

Представители журналистской профессии обязаны уважать достоинство и честь объектов своего профессионального внимания. Журналисты не имеют права пренебрежительно относиться к взглядам общественности на расу, цвет кожи, национальность, социальный статус и прочее; употреблять оскорбительные выражения

в адрес общественности; наносить моральный вред социуму словом; публиковать частную жизнь без разрешения объекта публикации [4, с. 205].

В журналистской этике существует понятие конфиденциальности. Журналистская этика предполагает неразглашение тайны источника информации, если такое условие поставлено. При проведении журналистских исследований редакция не имеет права публиковать сведения о лицах, не достигших совершеннолетнего возраста, без согласия на это родителей или попечителей [2, с. 70].

Журналистская этика подразумевает отказ от фальсификации добытых сведений. Журналист не имеет права распространять слухи под видом достоверной информации.

Таким образом, принципы поведения направлены на регламентирование нравственных и безнравственных поступков представителей журналистской профессии. Журналистам недопустимо публиковать информацию, в которых преследуется личная заинтересованность или открытая поддержка тех или иных политических взглядов. Журналист должен быть объективен в своих рассуждениях.

Принципы журналистской этики должны реализовываться в следующих взаимоотношениях.

Во-первых, взаимоотношения с аудиторией. Журналист обязан ориентироваться на ценности, сферу интересов, взгляды общественности при создании журналистского произведения.

Во-вторых, взаимоотношения с источниками информации. В данном вопросе журналист взаимодействует в двух направлениях: открыто и скрыто. Если источник информации общедоступен и не имеет ничего против открытой публикации, то это открытая форма работы с источником информации. Так же при открытой форме работы с источником информации журналист обязан очерчивать круг проблем, о которых собирается писать. Скрытая работа с источником информации — это наблюдение за источником информации. Но здесь следует соблюдать права и законные интересы тех, за кем наблюдают. Источники информации в журналистской деятельности бывают индивидуальными, коллективными и документальными. Индивидуальным источником информации выступает любой член общества, имеющий ту или иную информацию, интересную общественности. К коллективному источнику информации можно отнести участников круглых столов, совещаний, конференций, деловых встреч и прочее. Данный источник информации ценен тем, что журналист на подобных встречах имеет возможность выслушать различные точки зрения на интересующую информацию. Документальный вид источника информации является самым надежным и проверенным. Документ является зафиксированными знаниями и доказательствами. Для использования документального источника информации, журналисту следует получить разрешение от автора или владельца документа [2, с. 38].

В-третьих, объект публикации. Представители журналистской профессии не имеют право выбирать в качестве персонажа своей публикации близких людей. В данном

случае будет нарушен принцип объективности журналистского произведения. В редких случаях допускается публикация о близких и родных людях с разрешения редакционного совета и при наличии веских доводов в пользу публикации.

Объектом публикации должен быть реальный человек (за исключением художественно-публицистических жанров). При описании фактов следует руководствоваться принципом «не навреди».

В-четвертых, взаимоотношения журналиста с авторами. В прессе нередко присутствуют рубрики «Письмо в редакцию». При подобных взаимоотношениях следует согласовывать с авторами все изменения в их письмах для публикации. В «письмах в редакцию» по возможности должна оставаться стилистическая окраска и манера письма автора. Не следует переписывать за автора материал к публикации.

В-пятых, взаимоотношения с редакционным коллективом. основополагающим принципом в подобных взаимоотношениях является сохранение профессиональных тайн. Культурой таких взаимоотношений выступает правило: журналист не имеет права печататься в других средствах массовой информации без согласования с редакционным коллективом.

В-шестых, взаимоотношения с коллегами. Главенствующим принципом здесь является соблюдение иерархии в трудовом коллективе. Корпоративная этика подразумевает ответственность журналиста перед коллективом за свои правомерные/неправомерные действия в получении информации. Журналист должен ощущать себя частью коллектива.

Таким образом, журналистская деятельность должна основываться на принципах в шести типах взаимоотношений. При соблюдении канонов журналистской этики профессия журналиста перестанет восприниматься социумом как профессия «проныр» и «желтухи».

Из вышесказанного можно сделать вывод, что требования журналистской этики становятся канонами во взаимоотношениях между журналистом и аудиторией, коллегами, руководством, источником информации, автором и героем журналистского творчества. Взаимоотношения с аудиторией, источником информации и героем журналистского творчества связаны с действиями журналиста в социуме. Взаимоотношения с коллегами, редакцией связаны с профессиональной деятельностью и служебной этикой журналиста [2, с. 30].

Журналистская этика неразрывно связана с правовыми нормами. Нередко между ними обыватели не проводят четкие грани. Тем не менее правовые нормы регламентируются органами законодательной власти, в то время как журналистская этика регламентируется стандартами профессиональных сообществ [5, с. 209]. Таким образом, можно говорить, что правовые нормы являются внешними, а этические — внутренними.

Тем не менее, несомненное сходство в двух понятиях — этика и право — это наказание за нарушения канонов.

С правовой стороны — это наказание с участием правоохранительных органов в соответствии с Законодательством Российской Федерации. Со стороны этики — это наказание в соответствии с инициативами профессиональной общественности.

Свобода массовой информации не должна подвергаться злоупотреблению. Разглашение тайны, сведений государственного значения, экстремистской направленности, пропаганде насилия, жестокости, порнографии не должны присутствовать в журналистских материалах.

Литература:

1. Авраамов, Д. С. Профессиональная этика журналиста. М., 1991.
2. Ворошилов, В. В. Право и этика в журналистике. Курс лекций. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004.
3. Дэннис, Э., Мэррил Д. Беседы о масс-медиа. М., 1997.
4. Лазутина, Г. В. Профессиональная этика журналиста. Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2011.
5. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студ. вузов по спец. «Журналистика» / Ред. — сост. С. Г. Корконосенко. — СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000.
6. Хартия телерадиовещателей // Телевидение и радио. 6 мая 1998.

Разнословные сложения как средство языковой игры в современных СМИ

Дрога Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена рассмотрению разнословных сложений как особой лексической категории русского языка. Уделяется внимание функционированию составных номинаций в языке прессы. Подобные слова отличаются свободным комбинированием компонентов, сложностью семантики, а также реализуют стремление к языковой необычности.

Ключевые слова: разнословные сложения, языковая игра, СМИ, заголовок.

Широкий пласт лексики современного русского языка занимают составные слова, по-разному определяемые в научной среде. «Классификационное объединение таких единиц возможно с формальной точки зрения. В этом случае выделяют тавтологическое и разнословное сложение, где во второй группе принято разграничивать аппозитивное сложение (последующий компонент является атрибутом к препозитивному имени) и гендиадис (рифмованное сложение слов)» [3, с. 84–85]. По отношению к словам *покупатель-невидимка, река-судьба, Госдума-театр* и т.п. мы используем синонимичные термины «составные наименования» и «разнословные сложения». «Создание составных наименований — индивидуально-авторский признак, а значит, главными факторами появления подобных слов становится языковая личность писателя и сюжетные потребности произведения» [1, с. 102].

Иллюстративным материалом исследования послужили примеры из газетных текстов последнего десятилетия: «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Собеседник», «Независимая газета», «Труд», «Известия» и другие. В то же время, несмотря на обилие газетно-журнальных жанров, «ко всякой речи предъявляется требование — вместить возможно большее количество информации в более сжатую

лексически-грамматическую структуру, причём учитывая, что эта структура должна легко восприниматься при быстром чтении про себя и иметь максимальное воздействие на получателя речи» [7].

Специально придуманные, «сотворенные» журналистами, разнословные сложения представляют собой реализацию потенциальных возможностей словообразовательной системы современного языка, демонстрируют, на что способен язык при создании новых слов. В каждом случае возникает новая комбинация слов, а сами слова не изобретаются, и извлекаются из языковой системы в новом качестве. «Среди причин, побуждающих авторов к словотворчеству, — стремление к новизне выражений, желание создать неожиданный словесный образ» [2, с. 61]. Словотворчество в газетно-публицистическом тексте помогает «выразить отношение автора к изображаемому, дать оценку описываемых событий, остановить внимание читателя на конкретном слове» [4, с. 52].

Гламур-маникюр, шутл. (о напыщенной красоте): *Актриса Настя Цветаева: «А моя елка плюшевая! Поэтому что мне надоели иголки, которые постоянно колются, а потом еще и сыплются. Гораздо приятнее, когда елочка мягкая и нежная. Вот у меня дома елки обычно до 8 Марта стоят, так я не люблю с ними расставаться. Этот Новый год впервые за*

долгое время буду отмечать дома с семьей, хватит уже этого гламура-маникюра. Буду отмечать со своим ребенком, ему уже три года, и он все понимает». Труд, 2008, № 243. В этом примере эстетический момент заключается в ощущении красоты и изящества сказанного. Мы вслед за Б.Ю. Норманом, рассматриваем термин «языковая игра» в широком смысле: «Использование языка в особых — эстетических, социальных и т.п. — целях, при котором языковая система наилучшим образом демонстрирует свою «мягкость»: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» [8, с. 6].

Как и в предыдущем случае, текст становится в глазах читателя более экспрессивным и раскованным, требующим к себе большего внимания и «уважения»:

Медведь-«единороссик», шутл.: *По личной инициативе депутата Госдумы Валерия Панова выпущен первый номер партийного издания для младшеклассников — цветного журнала «Единороссик». Журнал с упитанным медвежонком на обложке, одетым только в шарфик а-ля «Спартак»-чемпион», выпущен тиражом десять тысяч экземпляров за счет областного отделения партии «Единая Россия». Распространяется он по библиотекам и детским садам Златоустовского избирательного округа.* Труд, 2007, № 12.

Эти примеры позволяют говорить об особом виде языковой игры, объединяющем варьирование формы и — одновременно — значения слова. На практике это значит, что два разных слова «объединяются», складываются в одно. «В новых словах присутствует какая-то трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны» [6, с. 45].

Употребление разнословных сложений относят к инновационным процессам, развивающимся под влиянием разговорной сферы общения, размывающим границы между официальным и неофициальным общением. Применение журналистами такого экономого способа интерпретации описываемых фактов вызывает у читателя определённые, заранее программируемые информатором ассоциации. Благодаря тому, что стяженные (конденсированные) конструкции — «это средства, обладающие возможностями экспрессивного и наглядного воздействия и в то же время лаконичные и экономные» [Цит. по 5], они так употребительны в современной прессе. Такие конструкции позволяют устранять коммуникативно избыточные компоненты при полном сохранении семантико-синтаксического значения единицы. Исследуемые номинации частотны в заголовках газетных статей. Приведем пример:

Аэропорт-полиглот: *Буквально с каждым днем языковой диапазон дикторов в аэропорту расширяется. На сегодняшний день объявления делают на 7 языках: русском, английском, азербайджанском, французском, немецком, итальянском и узбекском. Но, по за-*

верению представителей Домодедова, к 2008 году их количество дойдет до 20. Практически каждая страна вылета будет представлена на родном для пассажиров языке. Труд, 2007, № 140.

В научной литературе, касающейся специфики газетных заголовков, отмечается, что, занимая сильную позицию в тексте, привлекают внимание читательской аудитории. Следующее яркое слово-заголовок иллюстрирует подобные утверждения:

Пол-фабрикат (о спортсменах, которые скрывали свой гендерный признак): *26-летняя Линдси Уолкер претендует на статус новой звезды в американском женском баскетболе. Основанием для претензий является даже не феноменальный рост 213 см, а тот факт, что совсем недавно Линдси была еще... баскетболистом Грегом Уолкером.* АиФ, 2012, № 15.

Отличительной особенностью языковой игры является её сопряженность с комическим эффектом. В зависимости от определенной ситуации авторское намерение принимает вид словесной остроты, каламбура, шутки, анекдота и т.п.

Разговоры-вóры (заголовок): *Осенью времени катастрофически не хватает, а столько всего надо успеть. Оказывается, собственную жизнь надо планировать. Например, болтовня по телефону — одна из «черных дыр», то есть дело, которое отбирает больше всего времени.* Телесемь, 2010, № 42. Одной из наиболее интересной и важной частей оказывается второй компонент сложения «воры», повторяя часть первого компонента и рифмуясь с ним, характеризует свойство и создает эффект языковой игры. Своеобразный рифмованный прицеп, «отзвучие» к базовому компоненту, вызывает «не досаду и недоумение, а желание «поддержать игру и попытаться вскрыть глубинное намерение автора, эту игру предложившего» [9, с. 23].

Счётчик-налётчик (заголовок): *Невыгодный расчет — почему приборы учета не помогают экономить? В последнее время в Москве проводится массовая замена старых электросчетчиков на современные, которые, по уверениям энергетиков, позволяют снизить платежи за свет на 25%. Новое оборудование ставят, но дают ли потом экономить?* АиФ, 2013, № 10.

Еще одна возможность искажения оболочки слова — перестановка в нем звуков, букв, целых элементов, которая производится умышленно, с намеком на другие слова:

Ангел-спаситель: *22-летняя Вика Зильберштейн из московского отделения службы бортпроводников, которая поработала стюардессой всего два года, стала ангелом-спасителем десятков пассажиров.* АиФ, 2006, № 31. Компонент «спаситель» употреблен вместо уже известного «хранитель».

Отмечен случай употребления разнословного сложения, компоненты которого отличаются одной буквой, что создает эффект заинтересованности. В основе таких

комических переделок лежит вполне объективное и случайное сходство разных слов:

Обмен-обман (заголовок): *Мошенники не щадят ни пожилых жителей столичного региона, ни семьи, приехавшие с Украины. Каждый день у столичных пенсионеров выманивают или отбирают их накопления на чёрный день. Совсем недавно полиция задержала в Восточном округе очередную воровку на доверии — 28-летнюю гражданку из Узбекистана. На счету «медсестры из поликлиники», продававшей непонятные капсулы под видом чудо-лекарства, как минимум 4 жертвы. Все пострадавшие — москвички старше 80 лет.* *АиФ*, 2014, № 40. Прием замены в известном слове одной из букв на другую, актуальную для конкретного текста, весьма популярен в современной прессе:

Лапочка-почка, ласк., ср. изв. *лапочка-дочка* (о донорской почке, которая спасла жизнь маленькой девочке). *АиФ*, 2005, № 20.

Леди-бокс, ср. изв.: *леди-босс* (о девушке, которая, потеряв своего любимого, стала заниматься боксом). *АиФ*, 2005, № 12.

Умышленная, «игровая» мена букв «ударяет» по ожиданиям читателя, заставляет еще раз перечитать заголовок. Перечисленные примеры подтверждают мысль о том, что от игры формальной один шаг до «игры смысловой, когда на слово наводятся дополнительные смысловые ассоциации, за ним как бы встает другое слово, со своим значением...» [7, с. 102]. Интересным и редким экземпляром в нашей картотеке является составное наименование **«мама-рама»**: *Артисты называют Ксению «мама-рама»: театральная студия называется «Окно», а Ксения — рама этого окна. А еще она ко всем относится с такой любовью, как родная мама. Вот и прижилось прозвище...* *АиФ*, 2010, № 15.

Как показывают результаты ассоциативного эксперимента, читатели определяют данный заголовок как «мама, которая моет раму», «мама большого роста», «злая мама». Раскрыть содержание созданного слова помогает контекст. Главное же для нас — в том, что контекст обладает способностью изменять привычное значение любого

слова. И как результат — читатель «включается», становится соавтором придуманной языковой игры. «Названия людей помогают нам составить наш собственный портрет, новые же названия добавляют в него новые черты» [6, с. 79].

Материал доказывает, что нередко в «лингвистическую ткань периодической печати» вплетаются заголовки, настраивающие адресата на одно прочтение сообщения, а затем, дальнейшим контекстом, разрушает складывавшийся до тех пор смысл [7]. Это очередная разновидность языковой игры, основанная на эффекте обманутого ожидания. К примеру, разнословное сложение **«пожар-птица»** нацеливает на мысли об известном сказочном персонаже. И только более широкий контекст проясняет, что речь в газетном отрывке идет о женщине, спасшей от пожара детей. Таким образом, контекст содержит в себе предпосылки, необходимые для правильного понимания слова.

Выводы. «Активные словообразовательные процессы в современных... СМИ являются отражением стремления говорящих эмоционально выразиться, выделиться среди окружающих. Описанные инновации привлекают ... своей необычностью, экспрессивностью и запоминаемостью. Именно этими причинами обусловлена их активность в СМИ» [10, с. 491–492]. Как отмечают ученые-лингвисты, язык — это «уникальный бесплатный полигон для игры мысли», а языковая игра — это постоянное нарушение каких-то правил или «балансирование на грани нормы». (Б. Ю. Норман). И в то же время сами эти нарушения не бессистемны и случайны, а также происходят по определенным правилам, подчиняются некоторым закономерностям.

Употребление разнословного сложения придает его компонентам необычное значение и необычную форму, сталкивая в одном контексте разные слова. И результатом этого является не только достижение какой-то дополнительной коммуникативной цели (удивить читателя, поразить, восхитить его и т.п.), но и творческое удовлетворение самого говорящего. Для современного журналиста игра — реализация его речевой раскованности и доказательство его языковой самобытности, непохожести.

Литература:

1. Демидова, Т. Д. Семантика составных одушевленных наименований в прозе В. П. Деткова // Вестник ЦМО МГУ. Литературоведение. Анализ художественного текста. — М., 2012. № 4. с. 98–102.
2. Дрога, М. А. Составные наименования как продукт индивидуального словотворчества в современных СМИ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — Архангельск, 2013. № 5. с. 60–67.
3. Журавлев, А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. — М.: Наука, 1982. с. 45–109.
4. Ильясова, С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. — Ростов на-Д., 2002. 359 с.
5. Кормилицына, М. А. Инновационные процессы в языке современной прессы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vivivi.ru/best/Innovatsionnye-protsessy-v-yazyke-sovremennoi-pressy-ref107112.html> (дата обращения 27.12.2014).

6. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак: Языки славянских культур, 2007. — 232 с.
7. Миронеско-Белова, Е. М. Прецедентный текст в газетно-журнальном заголовке (на материале русскоязычной прессы последнего десятилетия // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С.71–72.
8. Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 344 с.
9. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 544 с.
10. Тумакова, Е. В. Активные словообразовательные процессы в современных молодежных СМИ // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: матер. 2-ой Междунар. конф. / Сост. М. Н. Володина. — М.: МАКС Пресс, 2008. с. 489–492.

Языковая характеристика предвыборной кампании 2013 года через метафоризацию (на материале немецких СМИ)

Коновалова Лилия Алексеевна, соискатель
Липецкий государственный педагогический университет

События, происходящие на политической арене любой страны, воспринимаются и осмысливаются в непосредственной связи с речевыми особенностями языка политики. Язык не просто характеризует политику — они находятся внутри одной системы. «Политические действия», — пишет Хорст Грюнерт [4, с. 43] «планируются с помощью языка, подготавливаются, провоцируются, постоянно сопровождаются языком, находятся под его воздействием (контролем), регулируются им, а также описываются, дополняются, критикуются с помощью языка». Независимо от формы государственного устройства политическая коммуникация является неотъемлемой частью политики.

Известным является тот факт, что акт коммуникации между населением и политиками происходит благодаря средствам массовой информации. Именно СМИ формируют общественное мнение. Журналисты выступают посредниками между политиками и обществом, они высказывают свое мнение и свои политические взгляды. Именно роль общественного мнения выводит на новые позиции СМИ, которые объявляются «четвертой властью». Они являются таковой не сами по себе, а потому, что являются инструментом по формированию общественного мнения. Ричард Никсон заявлял, что успех президентства зависит от умения манипулировать прессой, но при этом никогда не следует демонстрировать этого журналистам.

Средства массовой информации напрямую включаются в процесс политической коммуникации, предоставляют актуальную социальную, культурную и политическую информацию, тем самым формируя определенные взгляды большинства населения.

Сегодняшний мир в сильной степени сформирован массовыми коммуникациями. Политическое или экономическое событие только тогда становится значимым, когда о нем рассказано в средствах массовых коммуникаций. «При этом обратим внимание на определенную зависимость: чем значимее эта фигура или структура в реальном мире, тем большее место она должна занимать в потоках

информации» [2, с. 296]. Сегодня ни одна западная структура не может существовать без соответствующей коммуникативной поддержки.

Газеты и журналы, радио и телевидение ориентированы на отображение политической жизни общества, тем самым связывая себя с процессом политической коммуникации. Этот процесс состоит в том, что любой политик, стремящийся занять важную позицию в общественной и политической жизни страны, должен активно использовать ресурсы СМИ. Это необходимо для того, чтобы иметь реальную возможность показать себя, обеспечить пропаганду своих политических взглядов, опираясь на поддержку общественного мнения.

Успех на политической арене зависит от многих факторов, но в первую очередь необходимо отметить эффективное информационное воздействие на избирателя. Когда имя политика постоянно мелькает на страницах газет, в радио и телепередачах, это, несомненно, подстегивает интерес граждан. И здесь весомую роль играет абсолютно все: и поведение политика, и его внешность, и то, как он разговаривает, к каким речевым манипуляциям прибегает. Однако, качество информации, транслируемой в любом источнике СМИ, не всегда является высоким, так как выступления политиков в телевизионных программах, новостях, а еще чаще в печатных источниках подвергаются редакторской правке. Поэтому чаще всего данные, представленные в СМИ, являются субъективными, и их необходимо рассматривать под критическим углом.

При описании политической действительности и ее характеристике политики, журналисты, да и рядовые граждане нередко прибегают к метафоре, характеризуя происходящее, тем самым повышая интерес к конкретному политическому событию.

Любой человек, прямо или косвенно связанный с политикой, воспринимает действительность посредством аналогии. И здесь как раз важно отметить, что метафора основана на способности человека улавливать и созда-

вать сходство между разными классами объектов [1, с. 15]. Таким образом, известное способствует познанию неизвестного, а абстрактное познается через свойства конкретного. Понятия и наименования из одной тематической области интегрируют в другую.

Вот какое определение метафоры дает немецкий словарь Дуден: «sprachlicher Ausdruck, bei dem ein Wort, eine Wortgruppe aus seinem eigentlichen Bedeutungszusammenhang in einen anderen übertragen wird, ohne dass ein direkter Vergleich zwischen Bezeichnendem u. Bezeichnetem vorliegt; bildhafte Übertragung (z.B. das Haupt der Familie)» [Duden, 496]. Следовательно, будем определять метафору как языковое выражение, в котором слово или словосочетание переносится из своего смыслового контекста в другой, без прямого сравнения между словом-источником и тем словом, на которое его значение переносится, метафорический перенос (например, глава семьи).

Аналоговый механизм метафоры в познании действительности более полно представлен в работах Дж. Лаккоффа и М. Джонсона, которые указывали на то, что «сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода» [3, с. 389]. Если взять во внимание политическую сферу коммуникации, то этот принцип особенно ярко прослеживается. Исходное понятие метафорически раскрывает особенности политической речи в ходе предвыборной кампании. Исходя из того, что «метафора имеет возможность выделять некоторые аспекты понятия и в то же время скрывать другие» [3, с. 10], она является мощным инструментом политиков для создания убедительных сообщений, выступающих в идеологических целях в прессе.

Следовательно, можно заключить, что политическая метафора — это не просто образное средство выражения мысли, которое связывает два значения слова, а «основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможности использовать потенциал сферы — источника при концептуализации новой сферы» [2, с. 36]. Использование метафор в текстах политической направленности имеет повсеместное распространение.

Для исследования метафоры в политической коммуникации во время предвыборной кампании 2013 года в Германии были рассмотрены ведущие немецкие периодические издания (Der Spiegel, Fokus, Die Zeit, Frankfurter Allgemeine Zeitung), опубликованные в течение одного месяца до проведения выборов. Примеры, содержащие метафорические обороты, взяты из статей, содержащих выступления политиков, из интервью, напечатанных в приведенных изданиях, комментариев журналистов и политических аналитиков относительно политической ситуации в Германии в данный период времени.

Теледебаты основных кандидатов именуются в прессе как *TV-Duell* (Der Spiegel, 16.09.2013) или «*Duel*» (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 3.09.2013). Тем самым предвыборная кампания характеризуется как борьба, дуэль, в которой кандидаты на пост федерального кан-

цлера намерены твердо идти до конца, где победителем станет только один. Да и сам период перед выборами называется в прессе ни как иначе как *Wahlkampf* (Der Spiegel, 02.09.2013). Действительно, выборы разворачиваются как политическая борьба, а иногда и переходит в самую настоящую войну. Об этом свидетельствует и глагол «*kapitulieren*» из концептуальной сферы «Война». При отсутствии поддержки у населения представителям Социал-Демократической Партии Германии (SPD) приходится оставлять свои попытки донести идеи партии, и они капитулируют «*kapitulieren*» (Der Spiegel, 02.09.2013).

Сами политики называют происходящее не иначе как *Rennen* (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 3.09.2013), сравнивая предвыборную гонку с «бегом», со «скачками», тем самым подчеркивая соревновательный, спортивный характер политических событий.

Журналисты издания Fokus видят только две альтернативы для Свободной Демократической Партии (FDP) «*Schwarz-Gelb oder ein Linkskartell*» (Fokus, 16.09.2013). Выбор лежит между Христианско-Демократическим Союзом (CDU) и Социал-Демократической Партией SPD). Куда примкнет партия остается вопросом.

Социал-демократы, вспоминают свое поражение на выборах в 2005, 2009 годах, в связи с чем появляется понятие из военной сферы «*Wahlniederlage*» (поражение на выборах) (Die Zeit, 05.09.2013).

Обращая внимание на количественную характеристику рассматриваемых примеров, важно отметить, что наиболее представленной является военная метафорика, которая представляет порядка 50 % языковых единиц. Сюда относятся такие единицы как *Attacke*, *Niederlage*, *Kampf*, *Angriff*, *Duell* (*Fernsehduell*), *Blokade*, *kapitulieren*.

— «... die Attacken der CSU ertragen ...» (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 3.09.2013).

— «... тепнеть атаки ХСС ...»

Спортивная метафора находит отражение в 30 % выделенных примерах, таких как *Meter*, *Radrennen*, *Spiel* (*politisches Spiel*), *die grüne Karte zeigen*.

— «*Auch Merkel selbst kann ein Lied davon singen, wie wichtig die letzten Meter sind*» (Fokus, 16.09.2013).

— «*Даже Меркель на основе собственного опыта говорит о том, как важны последние метры*» (Имеются в виду последние метры предвыборного марафона).

Характерно для отражения предвыборной кампании также и употребление театральной метафоры (около 15 % лексических единиц): *Festbühne* (*bundespolitische Bühne*), *Szenarien*, *Hintergrundgesprächen*, *inszenieren*.

— «*In Hintergrundgesprächen machen deshalb Szenarien die Runde, wonach einige Linke zur SPD wechseln können* ...» (Die Zeit, 05.09.2013).

— «*В закулисных разговорах сценарии повторяются, после чего некоторые Левые вернуться в СДПГ* ...»

На политической сцене разворачиваются настоящие театральные представления, где каждому политику определена своя роль.

Оставшиеся 5% распределяются между метеорологической (*atmosphärische Störungen, Rückenwind*), медицинской (*Sanierung (Haushaltssanierung), Gene*) и «семейной» метафорой (*Liebesheirat*):

— «*Damit hat Frau Merkel atmosphärische Störungen verursacht und Zugänge verbaut, die jetzt einem deutschen Einfluss offenstehen müssten*». (Der Spiegel, 09.09.2013).

— «*Вместе с тем г-жа Меркель вызвала атмосферные помехи и блокировала все доступы, которые должны быть сейчас открыты немецкому влиянию*».

— «*Ich kann die Gene einer Partei nicht umdefinieren, nur um eine Scheinkontinuität herzustellen, ...*». (Die Zeit, 05.09.2013).

— «Я не могу переопределить генофонд партии только для того, чтобы произвести мнимую непрерывность...»

— «*Koalitionen sind keine Liebesheirat, sagen Politiker*». (Fokus, 16.09.2013).

«Коалиции — это не брак по любви, говорят политики».

Литература:

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990
2. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации — М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер» — 2001. — 656 с.
3. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.
4. George Lakoff, Mark Johnson. Metaphors We live By. Chicago, University of Chicago Press, 1980.
5. Grünert, H. Politische Geschichte und Sprachgeschichte. Überlegungen zum Zusammenhang von Politik und Sprachgebrauch in Geschichte und Gegenwart // SuL 52, 1983. — S. 43—58.
6. Der Spiegel: Nr. 36/02.09.13; Nr. 37/09.09.13; Nr. 38/16.09.13
7. Die Zeit: Nr. 37/05.09.13
8. Fokus: Nr. 38/16.09.13
9. Frankfurter Allgemeine Zeitung: Nr. 36/03.09.13

Особенности рекламных текстов

Магомедова Адигат Нурахмагджиевна, кандидат филологических наук, доцент;

Идрисова Нурсият Пайзудиновна, кандидат филологических наук, доцент;

Эмирова Джамиля Гирамидиновна, студент;

Лабазанова Ханипат Лабазановна, студент

Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

Ментальность народа проявляется не только в живой и устной речи, в произведениях художественной литературы и публицистических текстах, она так же отражается и в текстах рекламы той или иной страны.

Реклама представляет собой один из важнейших способов внешних коммуникаций любой коммерческой организации наряду с такими элементами, как продажи, стимулирование сбыта, PR-кампании (формирование имиджа компании, связи с общественностью) и пропаганда.

Реклама служит мощным инструментом в продвижении товара и стимулировании сбыта повсеместно: как внутри одной страны, так и за ее пределами [3].

Количественный анализ рассматриваемых примеров показал, что для политической коммуникации предвыборного периода характерным является преобладание метафор военной и спортивной тематик, что делает акцент на характере политической деятельности. В этот период царит соревновательная атмосфера, разворачивается предвыборная война, и нередко политические лидеры ведут себя жестоко и воинственно. Вместе с тем, политические события предстают перед читателями как развернутые театральные события, где каждый играет свою немаловажную роль, что подчеркивается метафорой театрального характера. И, что важно, сфера политической коммуникации максимально приближена к самым разнообразным областям человеческой деятельности (медицинской, спортивной, военной, театральной и т.д.). И, несомненно, это делает сложные политические события доступными для понимания простых избирателей.

Однако, несмотря на всеобщую глобализацию, стиль работы рекламистов во многом диктуется культурой страны. Ничто не отражает особенности страны и эпохи лучше, чем реклама. Создатели рекламы находят вдохновение в повседневной жизни, в менталитете, который отражает национальные особенности. В рекламе мы видим саму страну, рекламные объявления говорят об идеалах нации. Реклама «ушедшая в народ» имеет в каком-то смысле историческое значение. «*Всемирная история. Банк Империял*». Легендарная кампания продолжалась целых пять лет, с 1992 по 1995 гг. За это время было создано 18 роликов.

Часто товар выпускается в одной стране, а распространяется по всему миру. И рекламная кампания, созданная для продвижения этого товара в стране производителя, уже не подходит для рекламы товара представителям другой культуры. Так, известны ставшие уже классическими примеры рекламы кока-колы и медицинских препаратов, в которых не учтены особенности арабского письма. Поэтому эта рекламная кампания потерпела фиаско в Саудовской Аравии [4]. Похожий пример приводит и О. А. Корнилов, описывая использование образа медузы в рекламе японской техники. Медуза в Японии — символ красоты, но у европейца ассоциации с медузой прямо противоположные [2].

Сравнение коммерческой рекламы разных стран обнаруживает немало различий. В Европе, например, сам акт продажи вызывает подозрение. Люди редко верят продавцам. Поэтому реклама в Европе театральная, а рекламные аргументы косвенные. Реклама старается скорее соблазнить, чем убедить. Слово «продажа» активно избегается, словно оно неуместно или перешло в разряд анахронизмов. В Америке же реклама навязчива — *hard sell*, однако это не возмущает покупателей. Американцы не боятся беспощадной конкуренции, поэтому в рекламе приветствуется грубый прагматизм. В США процветает культура «умения продавать» [1, 100].

В Европе стремятся в первую очередь найти идею, и если идея стратегически сильная и состоятельная, то и товар продается. Американские коллеги же более прямолинейны. Они изначально отталкиваются от того, что способны продать.

Российская реклама имеет довольно короткую историю. Она в большинстве случаев подражательна и впитала в себя черты как европейской, так и американской рекламы. Реклама в России обладает довольно низким уровнем самобытности. Каламбур проникает в головы творческих пар всего мира первым и может засесть там надолго, вместо воплощения идей в ролик, принт или Интернет-баннер. Признанным королем российских агентств по каламбурам можно признать агентство «Инстинкт».

В США вербализация традиционно предшествует мысленному представлению. Это обусловлено гибкостью и лаконичностью английского языка. Британские и американские газеты демонстрируют это ежедневно. Достаточно трех слов, чтобы «зацепить» читателя. То же верно и для рекламы.

Реклама в России проходила те же этапы развития, что и в Европе, но уровень советской рекламной продукции

значительно ниже Европейской и американской. В рекламных текстах на русском языке можно часто встретить такие слова, как надежный, честный, справедливый. Например: *Потому что надежно* — реклама LADA Granta. *Вклад в ВТБ Банк. Потому что выгодно* — реклама банка ВТБ.

Реклама, как коммерческая, так и социальная, обнаруживает множество схожих черт в разных культурах. Вследствие глобализации и более легкого распознавания людьми мировых брендов создатели рекламы все чаще прибегают к простому переводу оригинального рекламного текста компании.

Во многих случаях реклама отражает самобытные черты. Так, американская реклама, имея за плечами большую историю, настойчива, прямолинейна, иногда навязчива. Рекламные тексты часто лаконичны, что обусловлено гибкостью английского языка. Реклама в Интернете намного эффективнее телерекламы. Двухнедельная рекламная кампания McDonald's в Интернете значительно увеличила выручку сети ресторанов, сообщило на ежегодной встрече в Нью-Йорке Бюро Интернет-рекламы (IAB).

Европейская коммерческая реклама более сдержанная, рекламодатели ищут в первую очередь образ, именно поэтому европейской рекламе характерна метафоричность, образность. Рекламный текст в Европе нацелен на создание большого эмоционального эффекта. Социальная же реклама в Европе отличается креативностью и нестандартным подходом. Отличительной чертой европейской социальной рекламы является и спектр затрагиваемых задач.

Российская же реклама имеет «догоняющий» характер. Довольно часто она подражательна и редко вызывает глубокие эмоции у аудитории. Социальная реклама в нашей стране, имея небольшую историю, не всегда может составить конкуренцию американской, особенно в отношении тем, затрагиваемых в рекламных текстах. Низкий уровень жизни в стране приводит к тому, что население мало интересуется сокращением генно-модифицированной продукции и вакцинацией детей в Африке. Российская социальная реклама более приземленная, ее часто отличает беспощадность. Создатели рекламы, учитывая ментальность населения, вынуждены создавать шокирующую социальную рекламу, чтобы добиться желаемого эффекта. Реклама в основном обнаруживает множество схожих черт в разных культурах.

Литература:

1. Дрю, Ж. — М. Ломая стереотипы. Разрыв: реклама, разрушающая общепринятое. — СПб: Питер, 2002. — 118 с.
2. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — М., 2003.
3. Магомедова, А. Н., Хайбулаева А. М. Национально-культурная специфика рекламных текстов // Современные научные исследования. Вып. 2 / Под ред. П. М. Горева и В. В. Утёмова. — Концепт. — 2014. — Приложение № 20. — URL: <http://e-koncept.ru/ext/61>. — Гос. рег. Эл. № ФС 77–49965. — ISSN 2304–120 X.
4. Феофанов, О. А. Реклама: новые технологии в России. — СПб.: Питер, 2003. — 384 с.

Лингвостилистические особенности текстов современной рекламы

Матвеева Елена Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор
Московский государственный институт культуры

Одним из центральных понятий отечественной лингвистики, порожденных революционными социальными изменениями, произошедшими в России на рубеже 20–21 вв., а также развитием новых коммуникативных технологий, стало понятие «медiateкст», описывающее особенности языка средств массовой информации, публицистики и рекламы. Последний аспект, непосредственно связанный с влиянием рекламных текстов на речевую самореализацию наших современников, на языковую культуру и становление языковой личности, представляется чрезвычайно важным: можно не слушать новости, не читать социальную аналитику, не знакомиться с публицистическими материалами, однако уклониться от восприятия рекламного контента нам практически невозможно, ведь эти послания, формализованные как тексты различных моделей, окружают нас на каждом шагу, начиная от рекламы в привычных каждому печатных изданиях до посланий во всемирной компьютерной сети Интернет и телевизионных рекламных обращений.

Детские психологи все чаще констатируют: речевое развитие ребенка, его постижение родного языка все чаще начинается не со сказок, пестушек и потешек, как это было всегда, а с рекламных слоганов, оригинальных окказионализмов (например, «сникерсни») и эхо-фраз, легко запоминающихся, а затем с удовольствием воспроизводимых малышами. Дискурс рекламных текстов все сильнее влияет на жизнь россиян разного возраста и социального положения, поэтому закономерно, что их лингвостилистические особенности становятся в наши дни объектом научного исследования.

Будучи языком для специальных целей, язык рекламы имеет особые выразительные средства и особые задачи. Д. Э. Розенталь и Н. Н. Кохтев справедливо подчеркивали: «Язык рекламы выполняет две коммуникативные функции — информирует и убеждает. Он должен быть литературно грамотным. Его отличает конкретность и целенаправленность. Это помогает понять, чем рекламируемый объект отличается от себе подобных. При этом язык рекламных текстов должен быть доказательным (убедительным), логичным по форме и по содержанию, понятным. Важная особенность — краткость и лаконичность. Оригинальность, неповторимость, занимательность отличают художественную сторону таких текстов» [2; с. 27].

Приведенная характеристика рекламных текстов актуализирует их основную задачу, а именно — способствовать увеличению роста продаж и доходов компании.

Общезвестно: рекламный текст может быть и оригинальным, и отражающим сущностные свойства продвигаемого товара, и актуализирующим эстетически ценные прецедентные культурные феномены, но если при этом он

не способствует продажам, значит при всех лингвистических и эстетических достоинствах он не выполняет свою главную задачу, оставаясь коммерчески ничтожным.

Для усиления внушающего потенциала рекламных посланий их авторы часто прибегают к различным суггестивным приемам. Далее остановимся более подробно на некоторых из них. Во — первых, усилить доверие адресата к транслируемой информации помогает пресуппозиция, иными словами, психологическая предпосылка, исключающая возможность не последовать совету создателей рекламного послания. В качестве пресуппозиции может быть использована лесть самолюбию клиента, ссылка на авторитетную точку зрения, данные научных исследований.

Ссылка на авторитетное мнение — прием, довольно часто используемый для продвижения продуктов питания, бытовой химии, парфюмерии, косметики. В этом случае в рекламном тексте смысловой акцент делается на точке зрения популярной у данной целевой аудитории личности. В многочисленных рекламных посланиях звезды спорта, кино, театра или профессионалы, добившиеся ощутимых успехов в разных социальных сферах, рассказывают нам о том, как объект рекламы помогает бороться с проблемами и успешно преодолевать их. Вот пример такого текста, в котором известная актриса Татьяна Веденеева повествует о достоинствах экологически чистых соусов собственного производства: «Я человек творческий, поэтому, наверное, у нашей компании цель создать не просто качественный продукт, а некий образ, стиль. В момент, когда возник Trest «В», в России мало кто знал об экологически чистой продукции. Поэтому в начале было тяжело. Но мы очень высоко подняли планку и не могли себе позволить, чтобы качество наших соусов опускалось ниже. Ведь меня знает вся страна! И сейчас можно сказать, что мы находимся в авангарде здорового питания».

Представленный текст, продвигающий довольно дорогой продукт, отвечает внутренним психологическими потребностям целевой аудитории — состоятельных людей, привыкших заботиться о своем здоровье и не экономящих на нем. Образ звезды Татьяны Веденеевой поддерживает дискурс данного послания, ассоциирующий объект рекламы с качеством, стилем, избранностью.

Анализируя лингвостилистические свойства рекламных текстов, Т. Г. Добросклонская отмечает: «Ближе всего к полюсу воздействия на условной шкале «сообщение — воздействие» располагаются рекламные тексты. Дело в том, что с функциональной точки зрения, рекламные тексты сочетают реализацию двух функций

воздействия: функции воздействия как функции языка, реализуемой с помощью всего арсенала лингвистических средств выразительности и функции воздействия как функции массовой коммуникации, реализуемой с применением особых медиатехнологий, присущих тому или иному средству массовой информации [1, с.71].

Утверждение Т. Г. Добросклонской представляется вполне справедливым, если вспомнить психологическую эффективность телевизионной рекламы, где звучащий текст дополняется ярким визуальным рядом, весьма ассоциативным для потребителей.

Ссылка на результаты научных исследований, которые тяжело опровергнуть или подтвердить, — еще один популярный прием пресуппозиции, усиливающий суггестивный потенциал послания, ведь вряд ли кто-нибудь задумается над значением сугубо научных биологических, физических или химических терминов, щедро украшающих рекламные тексты, особенно, если речь идет о косметике, выполняющей в восприятии наших соотечественниц роль волшебной палочки.

Например, название одного из рекламных текстов фирмы «Ив Роше» звучит весьма интригующе: «Растение жизни: Мезембриантенум кристаллиnum». Далее следует текст, обещающий женщинам настоящее чудо: «Сверхмощный экстракт растения жизни Мезембриантенум кристаллиnum — естественная ассимиляция кожи благодаря уникальной технологии NAT. Он увеличивает на 32% выработку протеина mTOR (тесты invitro), который стимулирует механизмы борьбы с морщинами на клеточном уровне».

Итак, молодильные яблоки отменяются, отныне им на смену приходит волшебный мезембриантенум кристаллиnum!

Суггестивный потенциал рекламного послания усиливают рифма и поэтический ритм, так как зарифмованные строчки лучше запоминаются потребителями, вызывают более яркие ассоциации, цитируются по памяти. Копирайтеры еще со времен гениального В. В. Маяковского пытаются с разной степенью успешности зарифмовать рекламные предложения. Однако большинству их творений далеко до шедевров поэта. Зато в наши дни его последователи радуют потребителя такими откровениями:

По традиции мы любим
Оторваться всем селом
И отведать Воронцовских
За одним большим столом.
Чтоб стоял горою пир —
К сухарям добавим сыр.

В свое время эта поэтическая реклама, которой явно отказала в благосклонности муза эпической поэзии Каллиопы, наделала много шума в интернете, где авторы соревновались в язвительных комментариях, не щадя горе — поэтов. Необходимо отметить, что данный рекламный текст вызывает явный когнитивный диссонанс. На наш взгляд, основная ошибка авторов — это произвольное сочетание современного

вульгаризма «оторваться» с устаревшими словами «пир», «отведать», порождающими ассоциации с совершенно другой эпохой и иным образом жизни. Закономерно, что авторы остроумных комментариев, в том числе поэтических, проассоциировали со словом «оторваться» вульгаризмы «бухать», «рожи», «магазин», «упороться».

Однако есть и более удачные примеры современной поэтической рекламы. Чаще они встречаются в текстах, продвигающих какие-либо значимые социальные начинания. Вот текст современной социальной рекламы, обращенной к школьникам:

Выпал на пол уголек,
Деревянный пол прожог,
Не смотри, не жди, не стой:
А залей его водой.
Если вдруг пожар возник,
Ты обязан в тот же миг
В часть пожарным позвонить,
О пожаре сообщить.

Разумеется, это послание весьма далеко от высоких образцов мировой поэзии, но по сравнению с предыдущим текстом, оно выглядит гораздо логичнее, поскольку лингвостилистические средства, избранные автором, вполне раскрывают его идею. Модель-инструкция, акцентирующая внимание целевой аудитории на стратегии поведения во время пожара, здесь смотрится уместно, а глаголы в повелительном наклонении (не смотри, не жди, не стой, залей) четко алгоритмизируют действие человека в критической ситуации.

Рекламу нередко называют современной сказкой для взрослых. Отсюда понятно, почему авторы рекламных посланий так часто обращаются к сказочным, мифологическим образам. Т. Г. Добросклонская, рассматривая особенности психологического воздействия рекламных текстов на наших современников, пишет: «Инструктивная роль, которую играет реклама для современного человека, сравнивается с воздействием мифов на сознание человека в примитивном обществе. Некоторые исследователи полагают, что воздействие рекламы на индивидуальное сознание подобно действию мифов в примитивном обществе» [1, с.73].

Сказочная, мифологическая, архетипическая составляющая рекламы актуализируется в текстах, где повествование строится по сценарию: в жизни героя возникает серьезная проблема, которую он не способен самостоятельно решить, когда кризис достигает пика, на помощь приходит объект рекламы, выполняющий функцию волшебной палочки. Героями этих текстов нередко становятся сказочные персонажи: феи, гномы, чародеи, Дед Мороз, Снегурочка.

Изучение лингвостилистических особенностей текстов российской рекламы значимо не только для понимания тенденций развития медиатекстов, но и для постижения особенностей современного русского языка и отечественной культуры начала 21 века.

Литература:

1. Добросклонская, Т. Г. Язык средств массовой информации: Учебное пособие. — М.: КДУ, 2015. — 115 с.
2. Розенталь, Д. Э., Кохтев Н. Н. Язык рекламных текстов: Учебное пособие. — М.: МГУ, 1981. — 150 с.

Инновационный контент печатных масс-медиа как инструмент построения инновационной культуры современного российского общества

Нефедова Дарья Сергеевна, аспирант
Астраханский государственный университет

В статье описаны социальные изменения, связанные с инновационным курсом политики государства, рассматривается роль масс-медиа как социального института в формировании инновационной культуры общества.

This article describes social changes connecting with state innovative political course, the role of mass-media as a social institute in forming innovative culture of society.

Современное развитие российского общества связано, в первую очередь, с инновациями. В 2009 году Правительством Российской Федерации были определены направления инновационного развития российской экономики. Среди них приоритетными были обозначены следующие научные разработки: энергосбережение, ядерные, медицинские, космические и информационные технологии.

В 2011 году была разработана Стратегия инновационного развития России до 2020 года.

Однако формирование инновационной системы России, отвечающее новым реалиям и перспективам долгосрочного развития страны, сталкивается с некоторыми системными проблемами. Например:

— наличие низкого спроса со стороны реального сектора экономики на перспективные результаты научно-технической деятельности;

— отсутствие развитой нормативной правовой базы для осуществления инновационной деятельности, а также мер ее государственной поддержки;

— отсутствие действенных механизмов реализации определенных государством приоритетных направлений развития науки, технологий и техники Российской Федерации;

— ослабление кооперационных связей между научными организациями, учреждениями образования и производственными предприятиями, в т.ч. на уровнях системы воспроизводства научных кадров;

— низкая *информационная прозрачность* инновационной сферы, прежде всего, недостаток *информации* о новых технологиях и возможных рынках сбыта принципиально нового (инновационного) продукта [4].

Действительно, значительную роль в создании благоприятного инновационного климата, а значит, и мотивации к инновационной деятельности, играют средства

массовой информации. Успех прогрессивных преобразований, а также качество и характер освещения научно-исследовательской деятельности, формирование в общественном сознании престижного статуса науки зависят от информационной политики масс-медиа. Построение инновационного общества в России возможно лишь при активном участии масс-медиа.

Роль средств массовой информации в популяризации инновационной деятельности и технологического предпринимательства невозможно переоценить. Без профессиональной журналистики практически невозможно донести до общества необходимые сигналы от государства, сообщить основные направления развития российской экономики, ее модернизации и перевода на инновационный путь развития, обеспечить общественную поддержку всем инновационным процессам и, самое главное, наладить эффективную «обратную связь».

В теории журналистики выделяют следующие основные функции масс-медиа:

— коммуникативная функция, которая заключается в установлении между масс-медиа и аудиторией контакта, в котором производитель информационного продукта и его потребитель являются равноправными субъектами и носителями информации, занимающими определённую позицию;

— информационная функция, которая предполагает реализацию масс-медиа права потребителя на интересующую его информацию, представленную в виде объективных и достоверных знаний;

— идеологическая функция, сущность которой состоит в том, чтобы постоянно способствовать росту и развитию сознательности аудитории путём всесторонней ориентации в действительности, выражающейся в формировании

вании всех компонентов массового сознания при акцентированном внимании к задачам по развитию и активизации общественного мнения;

— культууроформирующая функция заключается в том, чтобы журналистика участвовала в пропаганде и распространении в жизни общества высоких культурных ценностей, знаний и достижений науки, способствовала всестороннему развитию человека, делая его активным участником процессов, происходящих в жизни общества.

Печатные масс-медиа реализуют культууроформирующую функцию посредством специальных публикаций в массовой прессе, выпуском целого спектра концептуальных научно-популярных изданий. Рейтинги этих изданий очень высоки и эта тенденция носит мировой характер. Журналисты и общественные деятели выделяют особую роль печатного слова в воспитании интереса молодежи к самореализации в научном творчестве [1].

Печатные масс-медиа призваны способствовать просвещению общества и вооружать людей адекватным пониманием происходящего. И в данном аспекте важна степень участия масс-медиа. В США и Англии примерно три четверти всех выступлений масс-медиа по проблемам науки приходятся на долю медицины, биоэтики и биотехнологий. Затем следуют науки о поведении, космонавтика и инженерия и только потом идут политические науки и экономика [2].

В России ярким примером конструктивного участия прессы в создании привлекательного имиджа науки и инновационной деятельности является инициатива журнала «Эксперт», который организует *Конкурс русских инноваций* с 2001 года. В то время отмечался бурный рост российской экономики, приходящей в себя после кризисного 1998 года. Специалистам было очевидно, что этот благоприятный период носит временный характер и не сможет продолжаться долго. В этих условиях для получения долгосрочного конкурентного преимущества отечественные компании должны были искать возможности создания собственных оригинальных продуктов, технологий их производства и систем управления всем этим — то есть, заниматься инновациями в самых разных формах.

Логичным выглядело предположение, что в поисках инновационных решений отечественные предприниматели обратятся, прежде всего, к разработкам российских ученых и изобретателей. Имеющийся в России интеллектуальный потенциал, созданный предыдущими поколениями, высоко оценивается во всем мире. Именно этот потенциал воплотился в конкретных инновационных проектах, востребованных экономикой.

Вместе с тем успешной практической реализации теоретических исследований развития российской инноватики мешали два обстоятельства.

Во-первых, немногие отечественные предприниматели были готовы заниматься долгосрочным планированием своего развития и в связи с этим четко осознавали безальтернативность инновационного пути развития.

Вторым обстоятельством являлось неумение отечественных разработчиков новых технологий представить их потенциальным инвесторам и партнерам. Имевшиеся проекты зачастую представляют собой интеллектуальный полуфабрикат, требующий значительных усилий по доведению до того состояния, когда их сможет воспринять потенциальный потребитель. В результате последний либо ничего не знал о таких проектах, либо не воспринимал их в качестве интересного и выгодного предложения [3].

В этих условиях редакция журнала «Эксперт» увидела свою миссию в том, чтобы помочь обеим сторонам — инноваторам и предпринимателям — увидеть друг друга и показать перспективы инновационного развития страны. Будучи ведущим деловым журналом России, «Эксперт» имел дело с читателями из числа предпринимателей. Тем не менее, по опросам аудитории, тема развития науки и техники, разработки и применения новых технологий всегда вызывала у отечественного бизнеса большой интерес, ведь большинство из них имеют серьезное инженерно-техническое образование, а многие получили опыт исследовательской работы в советских НИИ и НПО. Было очевидно, что, если инновационный проект будет представлен на страницах «Эксперта» в форме профессионального журналистского материала, он не только вызовет читательский интерес, но и даст колоссальный толчок для развития самого проекта. Оставалось создать соответствующую форму для поиска и оценки инновационных проектов.

В итоге выбор пал на такую форму, как открытый конкурс. «Эксперт» был не одинок в таком начинании. Именно в тот период (2000–2002 г.г.) появилось сразу несколько инициатив по проведению конкурсов инновационных проектов. Чуть раньше — осенью 2000 года — стартовали Венчурные ярмарки, организуемые Российской ассоциацией венчурного инвестирования. Несколько позже — в 2002 году — начался конкурс СТАРТ, проводимый Фондом содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере. В этом же ряду стоит и конкурс мегапроектов Министерства промышленности и науки, проведенный также в 2002 году.

В 2010 году ОАО «Российская венчурная компания» открыла **Всероссийский конкурс для представителей масс-медиа «Инновации в России глазами журналистов», который призван поощрять и стимулировать деятельность журналистов и масс-медиа, занимающихся освещением инновационных процессов и венчурного инвестирования в России.**

Журналистика — важный инструмент создания полноценного инновационного общества и воспитания нового поколения молодых инноваторов, а также поддержки уже добившихся успеха специалистов. Конкурс «Инновации в России глазами журналистов» призван создать новое сообщество квалифицированных журналистов, освещающих данную тему, оценить состояние журналистики на текущий день во всех регионах страны и начать процесс активной популяризации темы инноваций и венчурного инвестирования среди целевых аудиторий.

Одной из главных задач конкурса является **привлечение внимания широких слоев общества к вопросам инновационного развития** страны и **создание качественно новой аудитории**. Общество, выбравшее инновационный путь развития, не может успешно развиваться без освоения достижений науки, создания новых технологий и развития на их основе успешных инновационных бизнес-проектов практически в любой сфере деятельности. Сегодня только с помощью инновационно-технологического предпринимательства можно решить насущные проблемы человечества — продление жизни, обеспечение ее безопасности, сохранение окружающей среды, создание альтернативной энергетики, освоение космоса и многие другие. И, разумеется, обеспечить России одно из ведущих мест в мировом разделении труда.

За последние несколько лет круглые столы, конференции, форумы и другие подобные мероприятия были посвящены теме развития и популяризации инноваций. Основные выводы экспертов касаются сложных задач, которые должны решать современные средства массовой информации. Среди них задача изменения отношения об-

щества к инновациям, а также стимулирования спроса на новые разработки.

Пресса стремится к тому, чтобы кардинально изменить имидж тех, кто занимается наукой и инновациями. Однако важно понимать, что общественная потребность в пропаганде научного знания невозможна при разрозненных усилиях отдельных организаций и компаний. Она должна стать результирующей совместных усилий и взаимодействия государства, науки, средств массовой коммуникации и всего общества в целом.

Для этого представляются необходимым следующие мероприятия:

- подготовка журналистских кадров для работы с научной информацией и научным сообществом со стороны государства;

- изменение отношения к прессе, обеспечение масс-медиа оперативной и качественной информацией со стороны участников научно-инновационных процессов.

Необходимо создавать условия для полноценной работы журналистов на публичных мероприятиях, проводимых научными организациями, инновационными компаниями и выставочными центрами.

Литература:

1. Аполлонова, Л. П. Журналистика как социальный институт. Ростов-на-Дону, 2008. — 57 с.
2. Комарова, Ж. Роль СМИ в инноватике [Электрон. ресурс]. — М., 2010. — Режим доступа: http://iee.org.ua/files/alushta/78-komarova-rol_smi_v_innov.pdf, свободный — Загл. с экрана. — Яз. рус.
3. Конкурс русских инноваций: история конкурса [Электрон. ресурс]. — М. — Режим доступа: <http://www.inno.ru/about/history/>, свободный — Загл. с экрана. — Яз. рус.
4. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года. Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2006. — 125 с.

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Оценка качества перевода на примере переводов В. Звягинцевой из поэзии Ованеса Шираза

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, старший научный работник
Национальная академия наук Республики Армения, институт литературы имени М. Абегамяна (г. Ереван)

Статья посвящена освещению переводческих принципов русской поэтессы В.К. Звягинцевой, внесшей большой вклад в развитие русско-армянских литературных взаимосвязей. В статье рассмотрены переводы Звягинцевой из поэзии Ованеса Шираза, где всецело воссоздана поэтическая индивидуальность армянского поэта.

Ключевые слова: поэзия, перевод, оригинал, литературные связи, рифма, интонация, мастерство переводчика.

В истории развития русско-армянских литературных взаимосвязей второй половины XX столетия колоссальная роль по праву принадлежит талантливой поэтессе Вере Клавдиевне Звягинцевой (1894—1972).

С глубоким проникновением русская поэтесса отнеслась к поэзии выдающегося армянского лирика Ованеса Шираза, где образы родины и народа являются доминирующими темами. Эти образы вобрали в себя раздумья поэта над прошлым, настоящим и будущим. Поэзия Шираза явилась отражением всей его жизни, выявив внутреннюю глубину и богатство его духовного мира.

Указывая на достоинства и масштабность поэзии Шираза, литературовед Сурен Агабабян писал: «Вся его жизнь — с воспоминаниями о печальном детстве, светлыми грезами юности, пьянящим ликованием зеленой и голубой природы, с миром нескончаемых радостей и тревог его любви и ненависти, материнских и сыновних переживаний, патриотических порывов, нравственных исканий и убеждений — все это настолько органично вошло в его стихи, что судьба поэта отождествилась с его песней. Шираз вправе повторить известные слова: «Моя биография — это мои стихи»... [1, с. 5]

Поэзия Шираза послужила для русской поэтессы-переводчицы еще одним поводом для познания Армении и любви к древнейшей стране, образ которой был воспет поэтом самыми яркими и живыми красками бытия. Связав свою творческую судьбу с поэзией Ов. Шираза, Звягинцева перевела свыше десятка его стихотворений, передавая при этом творческую индивидуальность и специфические особенности его поэзии. Ее переводы из поэтических циклов Ов. Шираза, как «Родина», «Венок матери», «Раздумья», «Строки любви» и других, передают подлинную народность его поэзии, вобравшей в себя лучшие традиции народного творчества и классической армянской поэзии.

Лучшие переводы В. Звягинцевой были включены в сборник Ованеса Шираза «Лирика» (1986), где помимо ее переводов также были представлены работы таких выдающихся мастеров переводческого искусства, как А. Тарковский, Е. Николаевская, Н. Кремнева, К. Арсеньева, Н. Панченко, Ю. Хазанов, И. Снегова, Л. Гинзбург, Вл. Лифшиц, В. Тушнова и других, свидетельствующие о большом интересе русских поэтов-переводчиков к творчеству армянского поэта.

С особым вдохновением Звягинцева перевела такие стихотворения Ов. Шираза, как «Армения-мать», «С берега Арпачая кто-то зовет меня...», «Маленькая, кроткая моя...», «Мне аромат цветка сказал...», «Пора ей образумиться, пора...» и другие, в которых передан и раскрыт феномен поэзии армянского поэта, внесшего большой вклад в развитие армянской поэзии.

В переводах Звягинцева проявила себя талантливым и высокоодаренным поэтом-переводчиком, мастером сплетения и кладки рифмы, которая благодаря своим вольным переводам воссоздавала их аналоги на русском языке.

Подлинным празднеством жизнелюбия и гуманизма можно назвать стихотворение Шираза «Мир», где проявляются его нравственные идеалы. Поэт с чувством радости говорит о значении мира в жизни людей, называя его владыкой, добрым сеятелем, могучим и желанным. Созвучно оригиналу, Звягинцева передала мироощущение поэта, его возвышенные чувства к миру, созидательной жизни тружеников, благословляя их будни на удачу. В переводе, как и в подлиннике, мысли поэта звучат с чувством гордости и оптимизма: [1, с.32]

Мир, добрый сеятель, ты сеешь вечный свет,
В ладони солнечной сжав семена побед.
Пусть борозды твои по всей земле пройдут, —
Сторонники войны могилы в них найдут.

Пусть вдалеке еще немало черных туч —
Ты нас объединил, и натиск наш могуч.
Благоухание, цветенья буйный пир...
Ты все желаннее, все сладостнее, мир...

Образ родины в поэзии Ширази является источником его надежды и оптимизма, который тесно переплетается также с глубокой любовью к образу матери. Все стихотворения Ов. Ширази, посвященные образу матери, которую поэт, обожествляя, сравнивает с богиней, лучом света, дарящим счастье и жизнь, отличаются искренним и теплым чувством. Все эти стихотворения проникнуты лиризмом и имеют ярко эмоциональную окраску, раскрывающую душевную глубину и величие его чуткой души. Так, в стихотворении «Маленькая, кроткая моя» поэт, рисуя образ матери, сопоставляет ее с солнцем, тихим огоньком, душа которой озаряет его днем и ночью. В переводе В. Звягинцевой предельно близко переданы не только смысл и стиль подлинника, в нем особо выделены и чувства поэта, его трепетное отношение к матери. На русском языке голос поэта звучит также взволнованно и искренне: [1, с.32]

Маленькая, кроткая моя,
Просто — мать, каких не счесть на свете.
Не сравню родную с солнцем я, —
Тихим огоньком она мне светит.

Но когда внезапно на лету
Горе тучей солнце заслоняет —
Наступающую темноту
Огонек чуть видный разгоняет.

Маленькая, кроткая моя,
Просто — мать, каких не счесть на свете.
С горстку солнца вся-то жизнь твоя.
А душе и днем, и ночью светит.

В отличие от подлинника, написанного мужской рифмой, перевод выполнен чередованием женской во втором, четвертом, шестом, восьмом, десятом и двенадцатом стихах, с мужской рифмой, соответственно, в первом, третьем, пятом, седьмом, девятом и одиннадцатом. Фонетическое звучание стиха обеспечивает точная рифма с перекрестной рифмовкой — *абаб*.

В переводе Звягинцевой, как и в подлиннике, рефрен использован в первых двух стихах первого четверостишия и первых двух стихах третьего четверостишия, которые придают мыслям и чувствам поэта особую музыкальность. Богатство поэтического языка Звягинцевой созвучно поэтическому языку Ширази, состоящего из ярких сравнений, характеризующих образ матери.

Отметим, что стихотворения Ширази, посвященные образу матери, в свое время были высоко оценены литературоведом С. Агабабяном, который писал: «Черты подлинной народности присущи стихотворениям Ширази, посвященным матери. Развивая известные традиции армянской поэзии («Сон» С. Шахазиза, «Сердце матери» Ав. Исаакяна, газеллы В. Терьяна и Е. Чаренца), Шираз

и здесь остается самобытным, поскольку подчеркивает в образе матери не трагическое начало, как это делали его предшественники, а прославляет материнскую любовь как силу, дарящую человеку свет и радость». [1, с.32]

В своей статье «Что такое переводчик», Звягинцева, по поводу своей переводческой деятельности, писала: «Добиваться по мере своих сил, чтобы на русском языке звучали, не теряя своих особенностей, голоса друзей-современников и их великих предшественников, посылно содействовать своим трудом укреплению дружбы народов, которая стала одним из самых замечательных явлений нашей действительности, — в этом для меня смысл и значение работы поэта-переводчика». [3, с.120]

Синтезом поэтического почерка Ов. Ширази и В. Звягинцевой является перевод стихотворения «Пора ей образумиться, пора...», где раскрыты пламенные чувства поэта, для которого жизнь без возлюбленной является непроходимой тьмой. Перевод совершенен и тем, что, помимо основного смысла, В. Звягинцева передала стиль подлинника, соответствующий стилю средневековой народной поэзии: [1, с.51]

Пора ей образумиться, пора...
Довольно очагу стыть без огня,
А сердцу пламенеть огнем костра.
Довольно ей во тьме держать меня.
Прекрасен непорочный горный снег,
Но он еще прекраснее, когда,
Растаяв, превратился в струи рек
И кружит жернова его вода...

Перечисляя и анализируя переводы Звягинцевой из поэзии Ширази, бесспорен тот факт, что переводчица блестяще справилась со своей переводческой задачей, представив на русском языке аналоги, всецело раскрыв поэтическую сущность армянского поэта.

Поэзия и переводческая деятельность Звягинцевой была высоко оценена как русской, так и армянской критикой. Так, большой ценитель армянской поэзии, русский поэт-переводчик Евг. Евтушенко, оценивая переводческую деятельность Звягинцевой, писал: «Вера Звягинцева принадлежит к тем чистым, светлым людям, без которых немыслима атмосфера искусства. Ее душа была переполнена поэзией — больше чужой, чем своей, что служит драгоценным признаком преданности смыслу искусства, который важнее мелкого смысла ежедневных, увы, неизбежных забот. Она была в жизни трогательно близорука, но близорукостью по отношению к другим поэтам никогда не отличалась». [2, с. 47]

Изучая переводы В. Звягинцевой из армянской поэзии, приходим к выводу, что она была масштабной переводчицей, которой удалось проникнуться поэзией армянских поэтов разных эпох и стилей, выделяя при этом их поэтическую индивидуальность. В. Звягинцева блистательно вживалась в подлинник, образуя поэтический синтез с языком переводимого поэта, что является свидетельством того, что она обладала большим поэтическим талантом, служению которому посвятила всю свою жизнь.

Литература:

1. Шираз Ов. Лирика. Ереван. Советский писатель. 1986. 150 с.
2. Звягинцева, В. Душа, открытая людям: Воспоминания, статьи, очерки. / Сост. Дейч Е. К. Ереван. 1981. 220 с.
3. Звягинцева, В. Кланяюсь Еревану и Арапату. Ереван. 1998. 120 с.

Латинские заимствования в английском языке права

Галахова Анастасия Алексеевна, магистрант
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Ключевые слова: латинский язык, континентальное право, общее право.

Правовая система западного мира распадается на две основные правовые традиции. С одной стороны, традиция Континентального права обнаруживает себя в тех странах или политических единицах, которые являются последователями Римской правовой системы. Такие системы придают особое значение систематической кодификации общего закона. С другой стороны, традиция Общего права заимствует свои положения из английского общего права. Страны Общего права устанавливают главенствующее положение прецедентного права, как противоположность закону и как выражение общего закона. В США, например, большее количество штатов следует традиции Общего права, в то время как Луизиана — штат континентального права, как и Пуэрто-Рико (территория, принадлежащая США). Страны Латинской Америки в основном следуют традиции Континентального права.

В рамках споров о европейской правовой интеграции часто признается тот факт, что для успешной интеграции национальной системы необходимо развитие общего правового языка в Европе. Разнообразие правовых языков является преградой для интеграции, и таким образом, это разнообразие должно быть сокращено. Здесь встает вопрос, может ли в Европе появиться общий язык права, когда в ней нет даже общей правовой системы.

Если мы рассмотрим отношения между языком и правом, то придем к общему мнению о том, что язык права отличается от всех остальных подгрупп языка в одном важном отношении: в то время как научный язык считается универсальным языком, используемым учеными несмотря на различные социальные и культурные барьеры, язык права культурно ограничен и переплетен с определенным обществом и его правовой системой.

В предшествующие века латинский язык играл роль именно такого общего языка права, который использовался в системах местного права. В каком-то плане латынь можно назвать родным языком западной европейской культуры, которая влияла на развитие всех основных европейских языков. Ее влияние на развитие других языков начинается с завоеваний римской армии, что оставило несмываемый след на вокабуляре и синтаксическом строе

литературных языков. Латынь была привнесена римскими солдатами, административными лицами, поселенцами и торговцами в различные части растущей империи. Сицилия, Сардиния, Корсика, Далмация, а также южный и восточный берега Испании уже к концу третьего века до р.х. находились под властью Римской империи. Завоевание продолжалось до захвата Траяном Дакии, когда Римская империя достигла своей максимальной величины, включая Британию на дальнем западе и Эллинистические владения на востоке, с западными границами у Рейна и Дуная. Одним из последствий стало развитие общей цивилизации, имеющей некоторые отличия от одной страны к другой. Латынь, язык новой правящей силы, с этого момента был языком правительства и управления, юриспруденции и законодательства, торговли и военных операций [1, с.191].

После падения Римской Империи в 476 г. до н.э., Рим потерял свою политическую независимость, но значимость латинского языка наоборот не уменьшилась. В средние века, а также в последующие периоды Возрождения и Реформации, латынь использовалась в особенности как язык церкви, образования и научной сферы. Переговоры между государствами и нациями велись на латинском языке, а также переписка образованных людей и ученых.

Латынь также занимает значительное место в истории развития права в западной цивилизации. Значение латыни как языка права можно отнести к 450–451 гг. до н.э., когда были созданы «двенадцать таблиц», формирующих основу последующего развития римского права. Все основные источники римского права были написаны на латыни — к примеру, труды римского императора Юстиниана, известные как «*Corpus Iuris Civilis*». Эта кодификация имела прямое влияние на развитие правовой системы Европы. Считалось даже, что данный труд был наиболее влиятельной когда-либо написанной правовой книгой. Ко всему прочему, латынь была языком наиболее выдающихся книг по юриспруденции и философии права, включая знаменитые трактаты Цицерона, Святого Фомы Аквинского, Гуго Гроция и многих других.

В Европе сегодня нет такого правового *lingua franca*. Это следует из принадлежности юристов к разным пра-

вовым системам, у которых нет общего языка. Правовые языки зависят от правовых систем, к которым они относятся. Таким образом, общению между европейскими юристами часто препятствуют языковые барьеры, а различия в правовом опыте часто вызывают недопонимание.

К примеру, когда французский адвокат использует термин *contract*, его смысл радикально отличается от того, который вкладывают в него юристы стран Общего права. Внешне эти понятия одинаковы, но на более глубоком правовом уровне они формируют противоположные подходы к составлению контрактов. Юристы из различных языковых обществ обычно используют английский язык, но английская терминология не гарантирует успешной правовой коммуникации. Наоборот, английский может считаться самым неподходящим общим языком права, так как правовой английский язык — это язык Общего права [3, с.63–64].

Равным образом, отсутствие мгновенного понимания между европейцами не вполне может быть исправлено путем перевода, так как перевод юридического текста всегда носит односторонний характер, перенося юридические термины из правовой системы языка-источника

в другой язык (целевой язык). Таким образом, ни английский, ни юридический перевод не могут компенсировать потерю нейтральной, общей почвы для международной правовой коммуникации в Европе. Правовые языки полностью зависят от правовых и культурных систем, к которым они относятся.

Использование латинских терминов и фраз в юридической литературе ощутимо возросло за последние годы, в особенности, за последнюю пару лет. Опираясь на недавние исследования, касающиеся использования латинского языка в Эстонии и Финляндии, мы видим, что латынь сегодня занимает прочное место в юридическом письме и терминологии [5, с.79–103].

Английская правовая система изобилует латинскими словами и выражениями. Некоторые из них настолько распространены, что не вызывают каких-либо проблем понимания, к примеру:

- *alibi* (где-либо в другом месте)
- *alias* (иначе, другими словами)
- *versus* (против)

В нижеследующей таблице представлены другие распространенные латинские слова, используемые в английских судебных разбирательствах:

Слово	Произношение	Исходное значение	Современное значение
<i>affidavit</i>	<i>uhf-fee-day-wit</i>	клясться	заявление под присягой, письменное заявление
<i>bona fide</i>	<i>boh-nuh fee-day</i>	добросовестно	искренний, подлинный
<i>habeas corpus</i>	<i>ha-bay-uskor-pus</i>	ты должен иметь тело	представь арестованного лично в суд
<i>per diem</i>	<i>pur dee-em</i>	в день, посуточно	ежедневно
<i>pro bono</i>	<i>pro bo-no</i>	ради блага	ради общественного блага
<i>status quo</i>	<i>stuh-toos kwo</i>	существующее положение дел	текущее положение дел
<i>sub poena</i>	<i>soob poi-na</i>	под страхом наказания	повестка в суд

Язык, как инструмент коммуникации, создается, адаптируется и совершенствуется в ответ на разнообразные и постоянно меняющиеся запросы общества и среды, в котором он формируется. Соответственно этому, необходимо отметить, что традиции использования латинских терминов могут сильно варьироваться среди основных правовых культур. Такое различие между латинскими терминами значительно проявляется применительно к Общему праву и Континентальному праву. Например, термин *exitus* происходит от латинского слова *exire* («истекать», «проходить»). В системе континентального права этот термин означает «смерть», в то время как словари стран Общего права дают следующее определение «дети, отпрыски; арендная плата, прибыль от земли и жилья; экспортная пошлина; заключение судебных прений» [2, с.574].

Так как большее количество юридических терминов и фраз были заимствованы из латыни более двух тысяч лет назад, не удивительно, что их значение изменилось за века. Например, термин *ius civile* (континентальное право) имеет множество значений. Прежде всего, даже в самой

римской системе права есть некоторые отличия. Так, *ius civile* относится к части закона, в которой рассматриваются вопросы, связанные с государством (*civitas*) в противоположность части, имеющей отношение к народу, *ius gentium*. Во времена Византийской империи и в Средние века в Европе, *ius civile* означал римское право в целом. В широком смысле значение этого термина было «положительное право» в противоположность «божественному праву» (*ius divinum*) и «естественному праву» (*ius naturae*). В Средние века термин *ius civile* также претерпевал изменения, и в итоге он получил то значение, которое сохранилось до сегодняшнего дня. Иногда термин подвергается влиянию дискурса. Так, современное значение «гражданского права» в современной Европе — свод законов, регулирующий отношения между частными лицами.

Использование латинских терминов способствует совершенствованию знаний правового языка. Изучение правового языка показывают, что синонимия, как правило, распространена даже в терминологии, в особенности это касается юридических переводов. Обычно, за исключением романских языков, одно и то же понятие

может быть выражено как иностранным словом (с латинским корнем), так и «новым» словом, появившемся позже, например *delictum* — *delict* — *tort* (гражданское правонарушение).

В правовом языке также используется частичная синонимия (так называемая, квази-синонимия). В этом случае необходимо особая осторожность — если значения слов совпадают только частично, это может вызвать непонимание и неправильную интерпретацию. Например, термин «*agreement*» (соглашение) может быть выражен по латыни следующими словами: *contractus*, *pactum*, *conventio*, *consensus*, и *stipulatio* — все они совпадают семантически, однако, согласно их юридическим определениям, все являются различными понятиями [4].

Использование современных языков в рамках международной коммуникации часто может способствовать недопониманию. Таким образом, применение латыни

в качестве общего языка права в Европе может быть эффективным во многих отношениях по следующим причинам:

1. этот язык имеет прочную историческую связь с развитием европейского права (основная часть юридической литературы была написана на латыни);
2. латынь является крайне лаконичным языком;
3. латынь содержит в себе полный и хорошо построенный блок терминологии (латинские термины и фразы создают базу для правового дискурса, минуя барьеры в виде различий между правовыми и культурными системами Европы).

История языка имеет не меньшее значение, чем история культуры. И хотя мы не можем использовать латынь так широко, как это было в прошлые века, этот язык до сих пор помогает нам лучше понимать значения юридических терминов и точно использовать терминологию.

Литература:

1. D. Tamm. Roman Law and European Legal History. Copenhagen: DJOF Publishing 1997, p. 191;
2. Exitus — Black's Law Dictionary by H. C. Black. 6th edition. by the publisher's editorial staff; J. R. Nolan et al. (eds). St. Paul, Minnesota: West Group 1998, p. 574;
3. P. Legrand. European Legal Systems Are Not Converging. — International and Comparative Law Quarterly 1996 (45), pp. 63–64;
4. S. Sarcevic. New Approach to Legal Translation. The Hague, London, Boston: Kluwer 1997;
5. S. Wright. A Community That Can Communicate? The Linguistic Factor in European Integration. — Whose Europe? The Turn Towards Democracy. Oxford: Blackwell 1999, pp. 79–103.

Тема финансового обогащения во фразеологии английского языка

Дворовкина Елена Васильевна, магистрант
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

В данной статье на материале английского языка рассматриваются фразеологизмы, компонентный состав которых тематически представляет экономический уклад в одной из всегда актуальных сфер жизнедеятельности человека — путях и способах финансового обогащения.

Ключевые слова: фразеология английского языка, фразеологизмы экономической направленности, фразеологические единицы со значением «обогащение»

Фразеология — это раздел лексикологии, изучающий совокупность фразеологических единиц (фразеологизмов), то есть устойчивые выражения, речевые обороты, словосочетания, поговорки.

Фразеология помогает сделать речь более эмоциональной и выразительной. Это сокровищница языка, а фразеологизмы — его богатство.

Тем не менее, фразеологию нельзя рассматривать только как украшение языка, это своего рода языковая универсалия, и нет языка без фразеологизмов.

Фразеология любого языка очень разнообразна, она включает исконные и интернациональные устойчивые словосочетания, которые не только отражают культуру

и быт языка, но и делают речь выразительной, эмоциональной.

Люди, сами того не замечая, часто употребляют фразеологизмы. Фразеологизмы давно стали частью повседневной речи.

Английский язык в настоящее время насчитывает огромное количество фразеологизмов. Хорошее знание языка, в том числе и английского, невозможно без знания его фразеологии.

Изучение фразеологии составляет необходимое звено в усвоении языка и повышении культуры речи. Правильное и уместное использование образной речи придает ей неповторимое своеобразие, выразительность и меткость.

Особенно сложной отраслью фразеологии является перевод фразеологических единиц, требующий немалого опыта в сфере исследования данной дисциплины.

Устойчивые выражения не определяются значением отдельных слов, входящих в их состав и, скажем, не переводятся дословно, а воспринимаются переосмысленно, усиливается эстетический аспект языка. В большинстве случаев, например, дословный перевод искажает смысл и доводит до полного непонимания выражения, поэтому приемы калькирования здесь недопустимы, иначе возникает сложность с пониманием той или иной фразы: в ней знакомы все слова, грамматические конструкции тоже ясны, а с переводом возникают проблемы. Ведь смысл некоторых фразеологических единиц совершенно невозможно определить сразу. Они могут принадлежать любому слою речи (литературному, разговорному и др.), пронизывая весь язык. Поэтому знание фразеологизмов значительно облегчает чтение как публицистической, так и художественной литературы и дает возможность полной и свободной коммуникации на иностранном языке.

В этой связи рассмотрим фразеологизмы, компонентный состав которых так или иначе связан с экономическим укладом жизни человека в рамках, и в рамках этого уклада остановимся на теме обогащения, представленной устойчивыми оборотами английского и русского языка.

Проанализировав фразеологизмы экономической направленности в английском языке, следует выделить фразеологические единицы со значением «обогащение», которые, свою очередь, можно разделить на три группы: **обогащение незаконным путем** (или путем наживы), **обогащение легким путем** (или без затраты усилий), **обогащение при помощи личностных качеств**.

Первая группа, **обогащение незаконным путем** (или путем наживы), самая многочисленная, представлена такими фразеологическими единицами как: *pick smb's pockets* — обчистить чьи — либо карманы [1, с. 349], *sell smb's abill of goods* — жульничать, облапошить. Эта фраза так же может быть переведена как втянуть в невыгодную сделку, надуть [1, с. 396], так же эта фразеологическая единица часто используется в сленге *заморочить голову* или *подтасовывать факты*. *Pull a fast one* — надуть, мошенничать, ловко обмануть или одурачить, как слег может быть переведен как «кинуть» или «обойти», американизм — «обманывать», «мошенничать». *Sharp practice* — в экономическом аспекте эта фразеологическая единица переводится как надувательство или махинация, а в общем понятии это «темные делишки», или мошенничество [1, с. 402]. *Have an itching palm* — брать взятки, быть корыстолюбивым, жадным [1, с. 204]. *Sell smb. a rip* — надуть кого-либо (особенно, при продаже); втянуть кого-либо в невыгодную сделку; обвести кого-либо вокруг пальца [2, с. 380]. *Have an eye for the main chan* — преследовать корыстные цели, стремиться к выгоде, обогащению [1, с. 204]. *Blach money* — грязные деньги, незаконные доходы. В разговорной речи эта фразеологическая единица часто переводится как «чёрный нал» [1, с. 69]

Daylight robbery — грабёж среди бела дня. [1, с. 117] *Grease (oil) smb's palm* — дать взятку, подкупить, подмазать кому-либо [1, с. 192] *Line one's pocket's* — набивать карман, обогащаться, нагреть руки [1, с. 283] *Stick to smb's fingers* — прилипать к рукам, прикарманить, присвоить. Так же это выражение часто переводится как «не чист на руку». [1, с. 430] *Pork barrel* — «кормушка», «казенный пирог» — государственные или общественные средства, которыми можно поживиться. В политическом жаргоне переводится как «бочка с салом», т.е. мероприятие, проводимое правительством, для завоевания популярности. *Feather one's nest* — как сленг может переводиться как достать деньги любым способом, в разговорной лексике часто применяется в значении набить себе карман, ну а в общей лексике эта фразеологическая единица имеет значение нажиться [1, с. 142] Воров-карманников шуточно называют *the light-fingered gentry* — «специалисты по чужим карманам» [2, с. 302]. *Pick and steal* — заниматься мелкими кражами [2, с. 419]

Существует ряд случаев, когда образы в русских и английских фразеологизмах совпадают, даже может создаться ложное впечатление об эквивалентности выражений. Например, нельзя смешивать фразеологизм *to throw dust into smb's eyes*, означающую намеренное отвлечение внимания от чего-либо в целях обмана, и «пускать пыль в глаза». Они будут употребляться в разных ситуациях.

Вторая группа, **легкое обогащение**, представлена некоторыми фразеологизмами, выражающими обогащение без затраты усилий, широко употребляемые в английском языке. Например: *a fast (quick) buck* — легкий заработок, или дословно — легко заработанный доллар. Эта группа часто представлена таким выражением как золотая жила или золотое дно: *gold mane* — золотая жила, так же переводится как золотое дно или источник обогащения [1, с. 183]. *Strike gold* — напасть на золотую жилу, преуспеть [1, с. 434]. *Hit the jackpot* — напасть на золотую жилу или добиться успеха [1, с. 223]. *Strike it rich* — напасть на золотую жилу, богатое месторождение, преуспеть, быстро разбогатеть [1, с. 434]. *Get up (ulu rise) in the world* — преуспеть, сделать карьеру; идти в гору, [2, с. 379]. *carry all before one* — преуспеть, добиться прекрасных результатов [2, с. 379].

Некоторые фразеологизмы восходят к эпохе древнего мира: *the golden mean* — золотая середина (Гораций); *the sinews of war* — деньги, материальные средства (необходимые для ведения войны) (Цицерон). *The streets paved with gold* — золотое дно [1, с. 433]. Так же часто встречаются такие выражения как «грести деньги лопатой», «денег куры не клюют», «купаться в золоте», например: *be made of money* [1, с. 55]. или *have (got) money to burn* [1, с. 208], или «манна небесная»: *money from home* (так же часто переводится дословно: деньги из дома) [1, с. 306]; *pennies from heaven* (так же может переводиться дословно — деньги с неба) [1, с. 348].

Во фразеологии огромную часть фонда составляют единицы, представляющие человеческий фактор, так как

подавляющее большинство фразеологизмов связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности, и третья группа представлена фразеологизмами, отображающими обогащение с помощью личностных качеств человека, то есть с применением собственных знаний, усилий, хитрости и других его качеств.

Третья группа, **обогащение при помощи личностных качеств**, состоит из фразеологизмов, демонстрирующих обогащение при помощи личностных качеств. Представлена такими фразеологическими единицами, как: *know what side one's bread is buttered* — не упускать выгоду, знать с какой стороны хлеб намазан маслом (дословно) [1, с. 261]. *marry a fortune* — жениться (выйти замуж) по расчету, на деньгах [1, с. 303], *hit (strike) pay dirt* — добиться успеха, разбогатеть, преуспеть. [1, с. 221]. *A lounge lizard* — бездельник, праздный гуляка, ищущий знакомства с богатыми женщинами, альфонс [2, с. 298]. *Eat somebody out of house and home* — разорить человека, живя за его счет [2, с. 258] Это выражение заимствовано из произведения Шекспира («King Henry IV»), такие фразеологические единицы называются шекспиризмами. *A fool's bolt is soon shot* — у дурака деньги долго не держатся; дурак быстро упускает свои возможности [2, с. 435]. *He that serves God for money, will serve the devil for better wages* — тот, кто служит богу за деньги, будет служить и дьяволу, если дьявол заплатит больше [2, с. 450].

To fish in troubled waters означает использование неясной обстановки с выгодой для себя. Сравнение с ловлей рыбы не выражено открыто, не акцентируется, а предлагается в приглушенном, скрытом виде, чем и достигается большая выразительность. *Kill the goose that laid the*

golden eggs — убить курицу, несущую золотые яйца [1, с. 261]. Это выражение идет из древнегреческой басни.

Таким образом, во фразеологии английского языка можно выделить устойчивые сочетания, значение которых тем или иным образом связано с разнообразными способами обогащения: **обогащение незаконным путем** (или путем наживы), **обогащение легким путем** (или без затраты усилий), **обогащение при помощи личностных качеств**.

В этой связи компонентный состав указанной тематической группы фразеологизмов представлен, в основном, такими элементами, как *золотая жила* и *золотое дно* (*strike gold, strike it rich, gold mine*) и *жульничать, мошенничать* и *обчистить чьи — либо карманы* (*sell smb's abill of goods, pick smb's pockets, pull a fast one*). Эти компоненты в составе оборота, главным образом, номинируют способ обогащения, раскрывая незаконный путь наживы, легкий путь, а также при непосредственном участии личных качеств человека.

Рассматриваемые нами эти и другие примеры фразеологизмов показывают, что современное общество представлено сложной динамичной системой, а финансовая составляющая этой системы является важнейшей ее частью и играет значительную роль в существовании общества, обеспечивает саму возможность жизни людей. Многие из рассмотренных экономических фразеологизмов берут начало еще в древности.

На примере фразеологизмов экономической направленности, можно отчетливо проследить такую особенность человеческого бытия, как финансовая составляющая повседневной жизни и её разнообразные проявления.

Литература:

1. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии. — Л.: Наука, 1989
2. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь. О М.: Рус.яз., 1998.
3. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка. — М.: Международные отношения, 1996.

Способы перевода фразеологизмов в рассказах О. Генри

Михеева Светлана Валерияновна, старший преподаватель
Московский государственный машиностроительный университет

Емцева Екатерина Павловна, преподаватель
Московский государственный строительный университет

Английский язык имеет тысячелетнюю историю. За это время в нем накопилось большое количество выражений, которые люди нашли удачными, меткими и красивыми. Так и возник особый слой языка — фразеология, совокупность устойчивых выражений, имеющих самостоятельное значение.

Изучение английского языка широко распространено в нашей стране. Хорошее знание языка, в том числе

и английского, невозможно без знания его фразеологии. Знание фразеологии чрезвычайно облегчает чтение как публицистической, так и художественной литературы. Разумное использование фразеологизмов делает речь более идиоматичной.

С помощью фразеологических выражений, которые не переводятся дословно, а воспринимаются переосмыслено, усиливается эстетический аспект языка. Данная статья по-

священа исследованию способов перевода фразеологических единиц, взятых из рассказов О. Генри, таких, как «Пока ждет автомобиль», «Третий ингредиент», «Чародейные хлебцы», «Гарлемская трагедия», «Недолгий триумф Тильди», «Гнусный обманщик» и др. Фразеологизмы и фразеологические единицы занимают едва ли не первое место по трудности перевода в художественной литературе. Достижение полноценного словарного перевода фразеологических единиц зависит в основном от соотношений между единицами иностранного языка и родного языка:

1) Фразеологические единицы имеют в родном языке точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение + коннотации);

2) Фразеологические единицы можно передать на родной язык тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, переводится вариантом (аналогом);

3) Фразеологические единицы не имеет в родном языке ни эквивалентов, ни аналогов, непередаваемы в словарном порядке.

Таким образом, можно сказать что, фразеологические единицы переводят либо фразеологизмом, либо иными средствами. **Фразеологический** перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей иностранного языка и соответствующей единицей родного языка — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия. **Нефразеологический** перевод, учитывая даже компенсационные возможности контекста, трудно назвать полноценным: всегда есть некоторые потери (образность, экспрессивность, коннотации, афористичность, оттенки значений).

Для достижения максимальной адекватности при переводе фразеологизмов с русского на английский переводчик должен уметь воспользоваться различными способами перевода. К **эквиваленту**, т.е. имеющемуся в русском языке адекватному фразеологическому обороту, совпадающему с английским оборотом по смыслу, и по образной основе, авторы перевода рассказов О. Генри пришли в следующих случаях:

I leave you to your fate. Предоставляю вас вашей судьбе. Not a man followed her with his eyes. Ни один мужчина не провожал ее глазами. They who were in a hurry restrained their impatience... Торопившиеся сдерживали свое нетерпение... She was glad to see Aleen rule hearts. Она радовалась, видя, как Эйлин властвует над сердцами. From them Nancy began to take toll. И с них Нэнси начала взимать дань. Your grandchildren will have to take your word for it. Вашим внукам придется поверить вам на слово. I'll crush the sentiment out of my heart. Я вырву из сердца чувство. Young artists must pave their way to Art by drawing pictures for magazine stories that young authors write to pave their way to Literature. Для молодых людей путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в Литературу. He drank gin to excess. Он пил запоем.

Me and Andy propose to teach these prayers upon society a lesson. Мы с Энди намерены дать этим социальным паразитам хороший урок. It's a sad thing, Andy, to think that we've been the cause of the breaking of a woman's heart. Но, Энди, горько думать, что по нашей вине сердце женщины будет разбито. Everything in the room spoke of a loss. Все в комнате говорило об утрате. They filled his head with big stories about the States. Они забили ему голову рассказами о Штатах. He would pull himself out of the mire. Он выкарабкается из грязи. The destinies of the girls are in his hands. Судьбы девушек целиком в его руках. Fate has sent me and you together. Сама судьба свела нас. He caught at the immediate straw of "disorderly conduct". Он решил хвататься за соломинку хулиганства в публичном месте. Abandon the subject. Оставим эту тему. Her heart missed a beat. У нее замерло сердце. His friend caught him in a rank lie the other day. Его приятель вчера поймал его на вранье. Nerves a little unstrung. Нервы немного расшатаны.

Аналог, т.е. такой русский устойчивый оборот, который по значению адекватен английскому, но по образной основе отличается от него полностью или частично, применен в следующих случаях: ... to shoot Folly as she gallops.

... ловить на лету счастье. ... had cast a cloud over the Kid's standing... омрачило пенумацию Малыша... they went over the divide. ... они отправились на том свет. I haven't met anybody in a long time that keeps up with an argument as well as you do. Я давно не встречал человека, который так хорошо следил бы за ходом моей мысли. I went over to the store where the rude fourflushers of the hamlet lied to see if I could get a line on the kind of man I wanted. Я как-то зашел в лавочку, где собирались все сливки местного общества, и начал нащупывать почву. But I meant to give him a lecture on general business principles in the morning. И я решил наутро прочесть ему хорошую нотацию о принципах нашего дела. You... put the game on crutches. Вы... сорвали мне всю игру. ... as one by one the ties that bound her to friendship and earth were loosed. ... как одна за другой рвались все нити, связывавшие ее с жизнью и людьми. ... who he said was high up in sociable and diplomatic rings and circles. ... он утверждал, что она очень важная птица в дипломатических кругах и высших сферах. Then he gave me that eye. Он мне этот фонарь и поставил. With this handsome plea Mr. Seeders backed away... Выразив столь деликатно свое раскаяние, мистер Сидерс дал задний ход. She had a spirit and charm. В ней был огонь, в ней была прелесть... exist only in the eye... существует лишь в воображении... to keep the chafing dish bubbling. ... свести концы с концами. Luck would again run against him. Судьба сыграет с ним скверную шутку. I can see stars yet. У меня до сих пор искры из глаз сыплются. He comes in tanked up. Он приходит домой под мухой. He makes for home and does me up. Он спешит домой меня разукрасить. Winter is near at hand. Зима на носу. They take to their heels. Они берут ноги в руки.

Передача смысла английского оборота свободным словосочетанием называется **описательный перевод**. Он применяется тогда, когда в русском языке отсутствуют эквиваленты и аналоги, например: He certainly don't ever make no Steve O'Donnel out of me. Он не превращает меня в отбивную котлету. You ain't up against it too, are you? Вам что, тоже не сладко приходится? I've had it handed to me in the neck, too. Я тоже оказалась на бобах. He would conquer the evil that had taken possession of him. Он победит зло, которое сделало его своим пленником. Fresh guy. Нахал какой-то. I turned him down, cold, and he made a sneak. Я его отшила, и он отстал. He tried his hot air again. Он опять начал представлять. Another thing dawned upon Tildy's recovering wits. И ещё одна мысль забрезжила в сознании Тильди. Sashayed up, so he did, and made a break. Пристал ко мне, лезет да и только. She is out of pocket. Она была да вся вышла. I'm done with the swindle. Я бросаю мошенническое дело. You've always been a man of soft and generous heart and disposition. У тебя всегда был мягкий и нежный характер. We were running our business on the level. Наше дело правильное и придаться к нему невозможно. But every room-hunter was made to visit his room. Однако сюда приводят каждого нового кандидата в съёмщики. ... but I worried him into parting with it. ... но я так пристал к нему, что он сдался. Mrs. Parker said with her demon's smile at his pale looks. С демонической улыбкой сказала миссис Паркер, увидев его смущение. Don't be too hard on me, Jeff. Не сердитесь, пожалуйста, Джефф. I wanted to hear it in cold syllables. Я хотел услышать своими ушами коротко и ясно — обо всем происшествии. Shucks, now! Что вы говорите! What I wanted was a partner with a natural rural make-up. Мне нужен был компаньон деревенской наружности. ... ready to jump at the job. ... готов хоть сейчас. ... besides having so many new schemes up my sleeve. ... и в голове у меня было тесно от всяких затей и проектов. ... without pulling the valve-cord ... чтобы не закинуть удочку. The shop-lady did not retreat a hair's-breadth. Продавщица не двинулась с места. The young man seemed to have arrived at some extreme height of feeling. Молодой человек, казалось, достиг высшей точки раздражения. The smile on her face vanished by little jerks and twitches. Улыбка медленно сползла с её лица. I'm a double-dyed dub. Ну и дубина же я. He looks the swell article all right to me. По-моему, товар что надо. I've made my catch-the biggest catch in the world. И я поймала лучшую добычу в мире. And he was talking on the level, too. И ведь он говорил всерьёз. Yes, I'm looking out for a catch. Это правда, я хочу подценить богача. Don't you ever let one get by you, Nance- even if he is a few dollars shy. Смотри, Нэн, не упusti, если подвернется хоть один даже с неполным миллионом.

Антонимический перевод, т.е. передачу негативного значения с помощью утвердительной конструкции или наоборот, можно наблюдать в следующих случаях: I

had my eye on you yesterday. Я вчера не спускал с вас глаз. ... fixing him with her world-sarpient eyes. ... не сводя с него умудренного жизнью взгляда. I'll take my chances where there's big prizes offered. Я по мелочам не играю. ... that you didn't warm up to that fellow?... почему ты его спровадила? ... if you don't understand their ways. Этих черномазых нужно знать. I thought you had lost them ideas of realism in your art. Я и не знал, что ты такой реалист в искусстве.

Метод **калькирования** применяется в тех случаях, когда переводчик хочет выделить образную основу фразеологизма, или когда английский оборот не может быть переведен при помощи других видов перевода, например: ... to see him pluck at his beard from envy. ... чтобы увидеть, как он рвет на себе бороду от зависти. The next two hours tripped by on rosy wings. Следующие два часа пролетели на розовых крыльях. When Della reached home her intoxication gave way a little to prudence and reason. Дома оживание Деллы поулеглось и уступило место предусмотрительности и расчету. ... and went to work repairing the ravages made by generosity added to love. ... и принялась исправлять разрушения, причиненные великодушием в сочетании с любовью. His piety was rewarded. Его благочестие было вознаграждено. Hetty's eyes bored into him like two steel gimlets. Глаза Хетти вонзились в него, как стальные буравчики. ... the bondage of life. ... нуты жизни. ... the disturber of the piano keys. ... возмутитель покоя фортепианных клавиш. ... the cold breath of autumn. ... холодное дыхание осени. ... solace and balm to the eyesight. ... бальзам и утешение для глаз. ... watered stock. ... подмоченные акции. ... after we had rubbed noses. ... после того, как мы уже достаточно потерлись носами. Just after Morpheus had got both my shoulders to the shuck mattress... Едва только Морфей приковал мои плечи к жесткому матрацу...

Why you should want to stain your soul... ... какая вам охота пятнать свою душу... Hetty was a Shoulder. All her life people had laid their heads upon it, metaphorically or actually, and had left there all or half their troubles. Хетти была Плечом. Всю жизнь люди склоняли на это плечо свои головы (как метафорически, так и буквально) и оставляли на нем все свои горести или половину их. Every smile that she sent forth lodged, like pellets from a scatter-gun, in as many hearts. Каждая ее улыбка, как дробинки из дробовика, попадала сразу в несколько сердец.

Комбинированный перевод применяется в тех случаях, когда русский аналог не полностью передает значение английского фразеологизма или же имеет иной специфический колорит места и времени. В таком случае дается калькированный перевод, а затем идет описательный перевод и русский аналог для сравнения, например: carry coals to Newcastle — “возить уголь в Ньюкасл”, т.е. возить что-либо туда, где этого и так достаточно (ср. ехать в Тулу со своим самоваром). My fingers go on a

strike every time I try it. Рука не поднимается, пальцы бастуют.

Строго **лексический перевод** применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом — словом. Так, многие английские глаголы, выраженные словосочетаниями, можно передать совершенно безболезненно их лексическим эквивалентом: *set* или *put on fire* — «зажечь», *catch fire* — «зажечься», «загореться». В переводах О. Генри такой способ использован в следующих случаях: ... *with instant avidity*. ... алчно... *made eyes*. ... подмигнул. ... *to dodge and skim*. ... красться... *to throw down*... обойти... *was broken up*... убивалась... *for regular "blow out"*... «проветриться»... *shake your soul*... обескуражить. ... *her mind dwelt on*... думала... *Extend the time*. Потерпите. ... *collected herself*. ... остановилась.

Переводу фразеологизмов уделено немало внимания в теоретических работах, в каждом пособии по переводу,

в особенности по переводу художественной, публицистической, общественно-политической литературы, во многих публикациях по теории фразеологии и сопоставительной лингвистике. Связанные с этим проблемы рассматриваются по-разному, рекомендуются различные методы перевода, встречаются несовпадающие мнения. В каждой конкретной ситуации требуется индивидуальный подход. Но основная роль здесь принадлежит личности самого переводчика. Он должен ощутить себя частью той культуры, на языке представителей которой написан тот или иной текст, должен вжиться в него, сделать единственно возможным и в то же время неповторимый вариант перевода. Однако, следует учитывать и то, что помимо мастерства переводчика на качество перевода фразеологических единиц влияет и множество иных факторов, таких, как заказчик перевода, совокупность культурных знаний потенциального получателя, характер взаимоотношений культур и другие.

Литература:

1. Алехина, А. И. Фразеологическая единица и слово. — Минск, 1991.
2. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — М.: Наука, 1986.
3. Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. — М.: Русский язык, 2006.
4. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — М.: Феникс, 2005.

Контекстуальный и комбинированный переводы как способы перевода контекстов с ФЕ невербального поведения человека из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки

Пархомик Владимир Владимирович, магистр филологических наук, аспирант
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка (г. Минск)

Фразеология — это наука о фразеологических единицах (фразеологизмах), т.е. об устойчивых сочетаниях слов с осложненной семантикой, не образующихся по порождающим структурно — семантическим моделям переменных сочетаний.

Фразеологические единицы заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком (новых) сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д. Образование фразеологизмов ослабляет противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка. В тех же случаях, когда у фразеологизма имеется лексический синоним, они обычно различаются в стилистическом отношении. Фразеология — это сокровищница языка. Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Фразеологизмы часто носят ярко национальный характер [9, с. 11].

Шарль Балли ввел термин *phraseologie*, в значении «раздел стилистики, изучающий связанные словосочетания», но этот термин не приобрел прав гражданства в трудах западноевропейских и американских лингвистов и употребляется в трех других значениях: 1) выбор слов, форма выражения, формулировка; 2) язык, слог, стиль; 3) выражения, словосочетания. Это подтверждается определениями слова *phraseology* в английских и американских словарях.

В современном языкознании важное место выделяется вопросам перевода или переводоведения. Важное место уделяется исследованию лингвистических аспектов межкультурной речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью» и изучению перевода как лингвистического явления.

Актуальность исследования определяется также недостаточной изученностью переводов контекстов с ФЕ невербального поведения человека, выбранных из сказок братьев Гримм с немецкого языка на русский и белорусский языки.

Цель исследования — проанализировать переводы контекстов с ФЕ, выражающих невербальное поведение человека с немецкого языка на русский и белорусский языки, осуществлённых таким трансформационными способами, как контекстуальный и комбинированный переводы.

«Переводческая трансформация — это творческий процесс, связанный с глубинным пониманием смысла текста на одном языке и свободное владение выразительными средствами другого языка» [7, с. 61].

Я.И. Рецкер обращает внимание на два типа трансформаций:

— грамматические трансформации в виде замены частей речи или членов предложения;

— лексические трансформации заключаются в конкретизации, генерализации, дифференциации значений, антонимическом переводе, компенсации потерь, возникающих в процессе перевода, а также в смысловом развитии и целостном преобразовании.

Л. С. Бархударов выделил четыре типа трансформаций:

- перестановки
- замены
- опущения
- добавления

«Для фразеологических единиц характерна не вообще устойчивость, а устойчивость на фразеологическом уровне, закономерные зависимости словесных компонентов и структурно-семантическая немоделированность. Фразеологические единицы образованы по грамматическим моделям переменных сочетаний и предложений» [5, с. 24].

Все переводческие трансформации чем-то мотивированы. Но это не означает, что переводчик, применяя трансформации, абсолютно точно осознает, для чего он это делает. Многие преобразования выполняются интуитивно и автоматически, но все же любая трансформация чем-то вызвана, определенной необходимостью.

Основоположниками немецкого языкознания XIX века были братья Якоб и Вильгельм Гримм, издавшие Немецкий словарь, который был закончен в 1960 году. Братья Гримм создали ряд других научных работ в области грамматики языка. Братья Гримм стояли у истоков немецкой фразеологии, т.к. они были знаменитыми путешественниками, и, путешествуя, Братья Гримм начали вести регулярные записи сказок с 1807 года, во время своего путешествия по Гессену, затем продолжили в Вестфалии. Они много слышали народных выражений, устойчивых фраз, которые затем были отражены в словаре.

Рассмотрим следующие переводные варианты, осуществлённые способами контекстуального и комбинированного перевода:

а) контекстуальный перевод;

Контекстуальный перевод используется при отсутствии эквивалентов и аналогов, в том случае, если фразеологизм приходится передавать нефразеологическими средствами.

1) нем. *Der Königssohn dachte: Der Bund ist leicht, ich will wohl meine Augen offen behalten, doch rief er seine Diener, erzählte ihnen, was die Alte gesagt hatte, und sprach: «Wer weiss, was für eine List dahintersteckt, Vorsicht ist gut, haltet Wache und sorgt, dass die Jungfrau nicht wieder aus meiner Kammer kommt».* (Die sechs Diener) / бел. *Падумаў каралевіч: «Гэта лёгкае задача. Хіба можна заснуць з маладой дзяўчынай?» Ён усё-ткі клікнуў сваіх слуг, парайўся з імі, а пасля прананаваў: — Хто ведае, на якую хітрасць заманьвае вядзьмарка. Прашу вас: пастойце на варце, сачыце, каб дзяўчына не выйшла з маёй спальні (Шэсць слуг).* Белорусский переводчик обошёл перевод ФЕ *will wohl meine Augen offen behalten* 'досл. буду держать глаза открытыми', использовав нефразеологические средства.

2) нем. *«Ach», antwortete der Mann, «meine Natur ist ganz anderer Art, je heisser es ist, desto mehr frier ich, und der Frost dringt mir durch alle Knochen. Und je kälter es ist, desto heisser wird mir. Mitten im Eis kann ich's vor Hitze und mitten im Feuer vor Kälte nicht aushalten».* (Die sechs Diener) / бел. — *Ах, — адказаў чалавек, — у мяне такая натура: чым гарачэй у прыродзе, тым халадней мне, і наадварот: чым халадней, тым мне гарачэй. На лёдзе я пакутую ад спёкі, а ў агні — ад холаду (Шэсць слуг).* Белорусский перевод не содержит перевода немецкой ФЕ *der Frost dringt mir durch alle Knochen* 'мороз пробирает меня до костей', т.к. использованы нефразеологические средства, например, введение в перевод наречия *наадварот*, которого нет в оригинале. Сравним с дословным русским переводом: — *Ах, — ответил человек, — у меня совсем другая натура: чем жарче, тем я больше зябну и меня пробирает мороз до самых костей; а чем холодней, тем становится мне жарче; на льду я страдаю от зноя, а в огне от холода (Шестеро слуг).*

3) нем. *Da stellte sich der Mann hin und mähte es so still und so geschwind nieder, dass die Leute Maul und Nase vor Verwunderung aufsperrten* (Die drei Glückskinder) / рус. *И вот пошел средний брат на поле и стал косить, да так бесшумно и быстро, что люди от изумленья так рты и пораскрывали* (Три счастливица) / бел. *Падышоў сярэдні брат да гэтых людзей і так хутка і бясшумна пачаў касіць, што яны аж раты паразяўлялі ад здзіўлення (Тры шчасліўцы).* Русский переводчик добавил выражение *и вот пошел средний брат на поле*, переставил местами компоненты в части: *что люди от изумленья так рты и пораскрывали*, т.к. в немецком сначала стоит *Maul und Nase* 'досл. рот и нос', а компонент нос опущен при переводе вообще. А белорусский переводчик добавил: *Падышоў сярэдні брат да гэтых людзей*, опустил компонент нос. Изначально в оригинале стоит выражение *da stellte sich der Mann hin* 'досл. остановился мужчина здесь'.

4) нем. *Wer kann da lustig sein, wenn's einem an den Kragen geht», antwortete die Katze, «weil ich nun zu Jahren komme, meine Zähne stumpf werden, und ich*

lieber hinter dem Ofen sitze und spinne, als nach Mäusen herumjagen, hat mich meine Frau ersäufen wollen; ich habe mich zwar noch fortgemacht, aber nun ist guter Rat teuer: wo soll ich hin?“ (Die Bremer Stadtmusikanten) / рус. — Да как же мне быть веселым, когда дело о жизни идет, — отвечает кот, — стал я стар, **зубы у меня притупились**, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить, — вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться? (Бременские музыканты) / бел. — Ах, — гаворыць кот, — пашкадуўце вы мяне, асёл і сабака. Жыў я ў сваёй гаспадыні, доўга жыў, — лавіў пацукоў і мышэй. А цяпер стары стаў, **зубы ў мяне прытупіліся**, і захацела мая гаспадыня мяне ў рэчцы ўтапіць. Я і збег з дому. А што далей рабіць — не ведаю (Брэменскія музыкі). При переводе ФЕ *an den Kragen geht* 'досл. кого-л. оштрафовать' были применены нефразеологические средства.

б) комбинированный перевод;

Комбинированный перевод — это перевод, когда переводчик применяет сразу несколько приёмов для перевода исходного текста.

1) Так, проследим, как белорусский переводчик, в отличие от русского, его использовал при переводе следующего немецкого контекста: нем. *Vor einem großen Walde wohnte ein armer Holzhacker mit seiner Frau und seinen zwei Kindern; das Bübchen hieß Hänsel und das Mädchen Grethel. Er hatte wenig zu beißen und zu brechen, und einmal, als große Theuerung ins Land kam, konnte er auch das täglich Brot nicht mehr schaffen* («Hänsel und Gretel») / Жыў дрываcek надгаладзь; але наступіла аднойчы на той зямлі такая дарагоўля, што не было за што яму купіць нават хлеба **замарыць чарвячка**. Как видно, конец немецкого предложения заменён при переводе на белорусский язык ФЕ **замарыць чарвячка**, т.к. конец немецкого предложения не содержит ФЕ и дословно переводится '... не мог больше создать хлеба'.

2) Но также следует отметить, что при переводе данного немецкого контекста русский и белорусский переводчики применили приём **опущения**: рус. *Жил дровосек впроголодь; вот наступила однажды в той земле такая дороговизна, что не на что было ему купить даже хлеба на пропитание*. Проследим пропущенные компоненты немецкого предложения: *Vor einem großen Walde* 'перед большим лесом', *wohnte ein armer Holzhacker mit seiner Frau und seinen zwei Kindern* 'жил дровосек со своей женой и двумя детьми'; *das Bübchen hieß Hänsel und das Mädchen Grethel* 'мальчика звали Гензель, а девочку — Гретель', *und einmal, als große Theuerung ins Land kam* 'и, однажды, когда в страну пришла беда'. Поэтому, учитывая использованные приёмы опущения и контекстуального перевода (2 вида) определяем переведённый контекст с немецкого языка, как **комбинированный** перевод.

3) Нем. *Als er gekommen war, blies er aus den Funken sein Feuer frisch an und wärmte sich. Und als er so saß, wollten ihm die Augen nicht länger offen bleiben und er bekam Lust zu schlafen. Da blickte er um sich und sah in der Ecke ein großes Bett* (Mährchen von einem, der auszog das Fürchten zu lernen) / бел. *Вярнуўся ён да агню, раздзьмуў яго, захацелася яму паспаць. Азірнуўся, бачыць у куце вялікі ложак* (Казка пра таго, хто хадзіў страху вучыцца). Видно, что белорусский переводчик при переводе добавил в начале предложения предлог и существительное *да агню*, применив этим приём добавления, дальше заменил существительное *огонь* на местоимение *яго*, опустив при этом существительное *Funke* 'искра', кроме того опустил часть немецкого предложения *wollten ihm die Augen nicht länger offen bleiben* 'досл. не захотели у его глаза дальше оставаться открытыми', опустил глагол *wärmte sich* 'досл. грелся' и при этом заменил существительное *Lust* 'желание' *zu schlafen* на глагол *захацелася*. Таким образом, были применены приёмы добавления, замены, опущения при переводе. Русский вариант перевода таков: *Потом он вернулся назад, раздул опять из искры огонек, и глаза стали у него смежаться: захотелось ему поспать. Оглянулся он — видит в углу большую кровать* (Сказка о том, кто ходил страху учиться). Русский переводчик добавил наречие *назад*, опустил глагол *wärmte sich* 'досл. грелся' и добавил при переводе соответствующую подходящую немецкому выражению *bekam Lust zu schlafen* ФЕ *глаза стали у него смежаться*. Таким образом, русским переводчиком применены приёмы **добавления** и **опущения**.

4) Нем. *Beim vierundsiebzigsten Male aber kam der Hase nicht mehr bis ans Ende. Mitten auf dem Acker stürzte er zur Erde, das Blut schoss ihm aus dem Halse, und er blieb tot auf dem Platze* (Der Hase und der Igel) / рус. *Но на семьдесят четвертый раз не добежал заяц до конца: упал на передние ноги, пошла у него кровь горлом, и не мог он двинуться дальше* (Заяц и ёж) / бел. *На семдзесят чацвёрты раз дабег заяц да сярэдзіны поля і зваліўся на зямлю* (Заяц і вожык). В данном случае применены следующие виды перевода: 1. **добавление**: русский переводчик добавил при переводе части тела — *упал на передние ноги*; 2. **Опущение**: опустил прилагательное *tot* 'мёртвый'; 3. Замена: *blieb auf dem Platze* 'досл. остался на месте' заменено в переводе на выражение *не мог он двинуться дальше*. В белорусском переводе: 1. опущены компоненты: *упал на передние ноги, пошла у него кровь горлом*; 2. Применён приём антонимического перевода: в переводе отсутствуют отрицания, которые есть в оригинале и в русском переводе.

5) Нем. *Die Falsche, sie hat mich betrogen und mich verlassen, als ich eingeschlafen war». Da hing er seinen Mantel um und ging unsichtbar ins Schloss hinein* (Der König vom goldenen Berg) / бел. — *Хлуслівая жанчына вакол пальца мяне абвяла. — І ахінуўся накідкай, і*

нябачна ўвайшоў у палац (Кароль з залатой гары). Белорусский переводчик использовал жестовую ФЕ *вакол пальца абвесці* 'падмануць' для перевода глагола 'обмануть', кроме того он опустил контекст *und mich verlassen, als ich eingeschlafen war* 'досл. и меня покинула, когда я уснул'; рус. — *Лживая женщина, она меня обма-*

нула и покинула город, когда я уснул. — И он накинул на себя свой плащ и вошел невидимкою в замок (Кароль с золотой горы). Русский переводчик заменил личное местоимение *меня* на *город*, по контексту заменил наречие *unsichtbar* 'незаметно' на существительное в творительном падеже *невидимкою*.

Литература:

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Издательство Союз, 2000. — С.123.
2. Горденко, Н. В. Сложности перевода английских фразеологизмов на русский язык // Успехи современного естествознания. — 2008. — № 3 — стр. 77–78.
3. Дзенис, Н. И., Перевышина И. Р., Кошкарров В. А. Теория и практика перевода: учебное пособие. — М.: Высшая школа, 2007. — с. 324.
4. Жуков, В. П. Русская фразеология. — М.: Высшая школа, 1986. — с. 221–242.
5. Кунин, А. В. Английская фразеология. — М.: Высшая школа, 1970. — с. 24.
6. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. — М.: Международные отношения, 1974. — с. 149.
7. Семенов, А. Л. Современные информационные технологии и перевод. — М.: Академия Год, 2008. — с. 61.
8. Смит, Л. П. Фразеология английского языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — 24.
9. Телия, В. Н. Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 285 с. — С.11.
10. Bally, C. A. *Precis de stylistique*. — Geneve, 1905. Bally, Ch. *Traite de stylistique francaise*. — Heidelberg, 1909. *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*. — London, 1971.

Translation concept

Тибинько Надежда Дмитриевна, магистр, старший преподаватель
Карагандинский университет «Болашак» (Казахстан)

The article deals with the translation concept and the goals of translation.

Key words: *translation, concept, notion, Target language, Source language.*

What is “translation” in our daily, nonprofessional understanding? Any case when the text created in one language, changing means of other language, we name translation. Thus the term “text” is understood extremely widely: any oral statement and any written writing from the instruction to the refrigerator, and for example, to the novel means.

If to believe that language is some kind of a code, that is any subjects designation and the phenomena of the validity by conventional signs means it is possible to name translation code conversion as each of conventional signs is replaced while translating familiar other sign system.

Translation — one of the most ancient occupations of the person. Languages distinction has induced people to this hard, but to so necessary work which served and serves the purposes of dialogue and an exchange of cultural wealth between the people. The word “translation” is multiple-valued, and it has two terminological values which interest us. The first of them defines cogitative activity, translation process of the maintenance expressed in one language by means of another language. The second names result of this process —

the text oral or written. Though these concepts different, but they represent the dialectic unity, one isn't thought without another. Also pertinently to notice that in linguistics there is wider, than translation concept of bilingual communications. The main place in it occupies language intermediary which concern both translation, and an abstracting, both retelling, and other adapted transpositions [1].

So, translation is reexpression or code conversion. However this code conversion isn't objective natural process, it is carried out by the person. The person possesses individuality and ability to creativity. These two factors allow him to choose at code conversion from several or many possible variants of translation the necessary variant. Therefore sometimes speak even about heuristic character of translation process which is understood first of all as a freedom in choosing.

Translation is a difficult and many-sided kind of human activity. Though usually speak about translation “from one language on another”, but, actually, in translation process there is not simply a replacement of one language with another. In translation the various cultures, the different per-

sons, different attitude of minds, the different literatures, the different epoch, and the different levels of development, different traditions and installations face. Culture specialists, ethnographers, psychologists, historians, literary critics are interested in translation, and the different parties of translational activity can be object of studying within the limits of corresponding sciences. At the same time in a science about translation and theory translation can be allocated — psychological, literary, cognitive, culturological and other aspects [1].

However, traditional representation that the leading role in translation is played by languages, has received a serious scientific substantiation, and in modern theory translation the leading place belongs to linguistic theories of translation. It is necessary to notice that translation inclusion in linguistic interests sphere has occurred rather recently and thus it was necessary to overcome considerable difficulties. Till now in the majority of fundamental works on linguistics there is no even a mention of translation as about possible object of linguistic research.

Translation is a peculiar type of communication — interlingua communication.

The goal of translation is to transform a text in the Source Language (SL) into a text in the Target Language (TL). This means that the message produced by the translator should call forth a reaction from the TL receptor similar to that called forth by the original message from the SL receptor. The content, that is, the referential meaning of the message with all its implications and the form of the message with all its emotive and stylistic connotations must be reproduced as fully as possible in the translation as they are to evoke a similar response. While the content remains relatively intact, the form, that is, the linguistic signs of the original, may be substituted or replaced by other signs of the TL because of structural differences at all levels. Such substitutions are justified; they are functional and aim at achieving equivalence. Therefore, translator has a difficult task to transfer every meaning of his translation. Interpreting undoubtedly antedates writing; translation began only after the appearance of written literature. As the Mexican poet and essayist, Octavio Paz, pointed out that each language is a way of seeing, of interpreting the world in a specific way. Even though the shape of natural phenomena does not change from one country to the next, the way we interact with and interpret these phenomena is distinctly different from one language to the next. In German the moon happens to be “masculine” (*der Mond*), in French it is feminine (*la lune*); in German the word for sun is feminine (*die Sonne*) in French masculine (*le soleil*). Thus, as translators, people cannot take anything for granted. A person must be involved in a constant process of unlearning, because the realities and expectations of his culture are not necessarily the same in the other culture. Not only that, a person doesn't even know whether his cultural and social situation wants to open itself up to an influx of ideas and perspectives that are prominent in another culture [2].

As translators, carry across language borders is always packaged in words: pronouns, verbs, nouns etc. However, the problem with words is their imprecision hardly any word can be forced into clearly defined conceptual contours that would suggest the exact same thing to every person who comes in contact with the word.

In order to reconstruct that which is or might be behind the words, it is important that the translator becomes familiar with the nature of words. A pianist will listen over and over again to the intrinsic quality of a note or a composition of a chord. With respect to the word, a person defines its semantic parameters, listen to its sound and rhythm, and explore its existence within its immediate and larger context. The specific placement of a word within a sentence or a page, even in terms of its graphic design (point side, bold, italics etc.) continuously changes the energy and the possible associations that the word might be establishing with another word. This is particularly true in the realm of literary works, and most conspicuously present in poetic works. The only way that a translator can get close to the specific association that a poet attributes to a word is through a contextual analysis. If indeed the poet has created a new perspective of seeing or interpreting the world, or a moment in that world, then the established meanings of a word are in a process of being changed or modified by cultural or social changes. Creation in whatever form presupposes some kind of discontinuity, a degree of disruption. Whatever the new creation might be, it constitutes a difference to what there was before. In a sense, that is both the attraction we find in creativity and at the same time the fear we have in the presence of creativity. Some of the established ways of thinking or interpreting are being challenged [3].

People know that translation is not the translation of words, even though the final product of translations appears in the form of words and sentences. Words in themselves are very fragile entities. Each one of people develops different connotations in their encounter with every word. Thus, people have to acquire a sense for the magnetic field of words, their semantic fields both in the present as well as in the past. Translators often need to go back to the origin of a word, the moment that a word entered the world because at that time words were still very closely related to the visual image they project. Some of the visual energy inherent in words gets lost over a longer period of time. Translators fail to experience the original power and intention of a word.

Each translator should receive a thorough training in the etymological and philological development of words. Every word that translators use today has its roots somewhere in the past and as people know new words are being created every day which means that they will better understand and experience a word, if they become familiar with the original moment of the word's coming into life: in other words, its etymological origin. However, words never stay the same; therefore, translator should follow the transformation of meanings that accompany a word through a longer period of time, whether it will be just a few decades or a few centuries: the

word's philological history. Each historical period as well as each human being impresses its own refined connotations on a word. The philological study allows people to get a feeling for the semantic changes that words have undergone from one generation to the next. When XVIth century person talks about "art", then the connotations and implications of the word "art" indicate different directions of thinking from our contemporary concept of art. Etymological and philological probing into the realities of words in their cultural and historical context enriches the experience of the usage of words in the present and brings those words to life for people [3].

For a text to be transported from a foreign language into English or vice versa, an interpretation and an understanding of the text under consideration must be initiated first. A great number of mistakes in translation occur because translators do not fully understand the text that they are supposed to transplant. Naturally, the misunderstanding or misinterpretation of the text has very little to do with the fact that the translator might not know a word, on the contrary, the words are known as words but they are not known as constructing elements of a particular situational context. Differently said, the words have a clearly defined boundary of meaning.

A short factual insert might be called for in this context. The English language has about four hundred and fifty thousand words, the German and French languages hover between two hundred and two hundred and fifty thousand words. This fact immediately throws a different light on the usage and practice of the respective languages. It so happens that words in the French language are much more clearly defined in terms of the conceptual boundaries attributed to each word in comparison to the English language. In the English language we might have eight or ten different adjectives to say the same thing, each adjective expressing a slight nuance of meaning [4].

The notion of cultural incompatibility can be thought out in greater length. The exact transference of the nuances underlying cultural traditions seems questionable, if not impossible. However, the translators, because of their living intensely in two different languages and cultures, develop an insight into the refinements of the other culture and therefore keenly perceive the differences that separate nations. In a sense, these translators hold the keys to certain secrets in the other culture that they know cannot be adequately transplanted into the receptor language. As translators, deeply rooted in the language from which they translate, they recognize the refined differences of seeing the world in the other language, and they are clearly aware of what cannot be carried into the new language. It is also a recognition that causes us, the translators, and many moments of keen frustration. Yet, because the translators are tuned in to these differences, they can often illuminate, through the possibilities of critical language, the foreignness of the other language. One might even say that translators hold certain secrets that they discovered in the source — language environment, and that they alone and not the critic or the scholar can provide entrances into these secrets for people who were not brought up in that

language. In our multicultural context, the translator therefore must become the most indispensable mediator, if indeed true communication between people of different languages were to happen. Translation fosters the understanding of a foreign culture, and through the juxtaposition of our cultural habits with those of the other culture, we begin to clarify how we think and feel, how we interpret the world often in entirely different ways from the people in other cultures.

By its very nature, translators are always in between two places: the reality of the source — language and the possibilities of the receptor language. Through the act of translation the translator opens the door for "*dialogue*". That must be the translator's greatest mission in today's world in which nations and countries fall back into building walls among themselves rather than opening themselves to the foreignness of other cultures. [5].

The parameters of concept considered by us "*translation*" concerned mainly its descriptions as process, but during its studying as process became obvious that the same term we designate also result of this process. Thus, as working concept definition of "*translation*" we can accept the following:

"Translation is an activity which consists in variative expression, code conversion of the text generated in one language, in the text in other language, carried out by the translator who creatively chooses a variant depending on language variative resources, a kind of translation, translation problems, a text type and under the influence of own individuality; translation is as well result described above activity" [5].

Hence, to translators, as well as writers, the multilateral life experience, indefatigably filled up impressions stock which studying of culture, history, country study and so on consists in constant studying not only language features of other language [5].

Language of the writer-translator, as well as language of the writer original, develops of supervision over language of the native people and from supervision over a native literary language in its historical development. Only those translators can count on success that starts to work with consciousness that language will win any difficulties that barriers to it aren't present.

National color is reached by exact rewriting on of its portrait painting, all set of household features, way of life, internal furniture, labor conditions, customs, a reconstruction of a landscape of the given country or edge in all its distinctness, revival of national popular beliefs and ceremonies.

At any writer, if only it the original artist, the vision of the world is own, and, hence, and the means of the image too. Individuality of the translator is shown and what authors and what writings for a reconstruction in a native language he chooses. After all very often happens that while translating this or that work of art the translator doesn't arise deeply perceptions of the given writing, in such cases original translation turns out "dry" and, We will not be afraid of this word, "*soulless*".

For the translator the ideal is, some kind of, merge to the author, uniform thinking and understanding of that they want

to transfer to the reader. But merge demands searches, an invention, resource, infusion, empathy, visual acuties. Constant necessity is to open creative individuality but so that it

doesn't cover an originality of the author. Nothing personal, only ability to think as the author feels and speaks as the author.

References:

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М.: 1975. — 238 с.
2. Savory, T. The art of translation. Jonathan Cape, 1968. — 253 p.
3. Snell-Hornby, M. Translation studies. An integrated approach. John Benjamins Publishing Company, 1988. — 389 p.
4. Коршак Е. Н. Авторские новообразования и контекст. — СПб.: 1981, 32 с.
5. Комиссаров В. К. Теория перевода. — М.: 1990, 253 с.

Исследование перевода конструкций со сцеплением на русский язык

Чжу Лицунь, профессор

Чанчунский институт Гуан Хуа (Китай)

«兼语句 (кит. грам. сцепление, членная конструкция) — соединение двух предложений на общем члене, который служит дополнением к сказуемому первого звена и одновременно подлежащим второго звена» (БКРС 1983:784) Этот общий член называется сцеплением (兼语), а предложение с ним — конструкцией со сцеплением (兼语句) (далее КС). Например: 我约自己的旅伴一道喝茶。Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая. (Лермонтов). Здесь 旅伴 (спутник) — сцепление, выполняет функцию дополнения к глаголу первого звена и в то же время — подлежащего второго звена к сказуемому 喝 (пить).

КС является часто встречающимся грамматическим явлением в китайском языке, потому что она широко употребляется во всех стилях речи. В русском языке существует аналогичная структура. Например: Год назад Андрей Иванович начал кашлять, доктор советовал ему переменить занятие. (Вересаев) 一年前安德烈·伊万诺维奇开始咳嗽, 医生劝他换个工作。Но по сравнению с китайским языком в русском языке гораздо меньше таких конструкций, и они употребляются при условии, что сказуемое первого звена требуют после себя глагола в инфинитиве. Например: 大家称赞小王工作好, а употребляется предложение: Вся хвалят Сяо Ван за то, что он хорошо работает.

Рассмотренные примеры показывают, что одинаковые по структуре КС переведены на русский язык по-разному, и это нуждается в особом внимании и тщательной работе с нашей стороны. Вместе с этим необходимо подчеркнуть, что КС отличается от конструкции с дополнением, выражаемым в форме предложения (КДП) 用句子形式做宾语的句子。В КС действие или поступок второго звена вызваны действием или поступком первого звена, а КДП совершенно другим образом. Сравните:

我听他怎样讲课 (КДП)。

Я слушаю, как он объясняет урок.

我请他讲课 (КС)。

Я попросил его объяснить урок.

Студентам-русистам нетрудно справиться с переводом КДП на русский язык. Обычно КДП выражается сложноподчинённым предложением с придаточным определительным. Но к КС надо относиться со всей серьёзностью, между главными членами первого и второго звена КС разные отношения. Поэтому надо выбирать подходящий способ высказывания. Очевидно, в КС содержится два действия. Необходимым условием при переводе является усвоение того, чего требует после себя русский глагол, выступающий в роли сказуемого первого звена, дальше мы разделяем перевод КС на несколько вариантов и останавливаемся на них.

1. При разъяснении вторым звеном какой-нибудь цели или требования КС может быть выражена следующими способами:

1) Имя существительное с предлогом, имеющим значение цели, использовано для перевода глагольного сказуемого второго звена. Например:

营长留下部分战士防守阵地。

Командир батальона оставил часть бойцов для защиты обороны позиции.

Когда глаголы первого звена не требуют после себя глагола в инфинитиве, то глагольная структура второго звена тоже выражена предложным оборотом. Сюда относятся, например, следующие глаголы: 唤起、动员、鼓励、领导、号召、选举、妨碍、拥护 (поднять кого на что, мобилизовать кого на что, вдохновлять кого на что, руководить кем в чём, звать кого на что, выбрать кого во что. Препятствовать кому в чём, поддерживать кого в чём)。

а) 发动群众进行反法西斯斗争。

Поднять массы на борьбу против фашистских захватчиков.

б) 学生会组织大家参观名胜古迹。

Студенческий Союз организует всех на осмотр достопримечательности.

в) 班长通知我们参观博物馆。

Староста сообщает нам об осмотре музея.

г) Надо организовать студентов для участия в выездном спектакле.

应该组织大学生参加巡回演出。

д) Как вдохновить людей на подвиги?

怎样激励人们去建立功勋?

Второе звено КС может быть выражено сложноподчинённым придаточным предложением с союзом «чтобы», в этом случае при первом звене обычно существуют такие сказуемые-глаголы: 指示、教育、希望、要求+去做什么 (указать кому, воспитывать кого, требовать от кого, + чтобы). Например:

а) 市长指示我们在工作中依靠群众。

Мэр указывает нам, чтобы мы опирались на массы в работе.

б) 父亲应当教育自己的儿子向好人学习。

Отец должен воспитывать своего сына, чтобы он учился у хороших людей.

в) 教师要求我重新做一篇练习。

Преподаватель требует меня, чтобы я переписал упражнение.

Глагол в инфинитиве выражает глагольное сказуемое второго звена КС, такие предложения в русском языке совпадают с КС в словосочетании. Обычно следующие глаголы входят в роль сказуемого первого звена: 命令、教、提议、请、帮助、让、允许, приказать, учить кого, советовать кому, рекомендовать кому, предлагать кому, просить кого, помогать кому, давать кому, отправлять кого, разрешать кому, поручать кому, призывать кого...+ что делать). Например:

а) 团长命令战士拂晓出发。

Командир полка приказал бойцам выступить на рассвете.

б) 这迫使我们意识自己的处境。

Это заставило нас осознать своё положение.

в) 省长马上叫人跟上他。

Губернатор тотчас же позвал людей последовать за ним.

г) Заставить людей пользоваться общественным транспортом — задача маловыполнимая.

迫使人们使用公共交通—这是远没有完成的工作。

д) Своими разговорами вы мешаете нам работать. 你们说话妨碍我们工作。

Литература:

1. Большой китайско-русский словарь Т. 3. С. 784. иероглиф № 9334. — М., 1983

2. Второе звено КС разъясняет повод, причину, и оно обычно существует в следующих трёх вариантах:

Выражает сообщение (叙述), то есть глагол выполняет функцию сказуемого, выражает описание (描述), имя прилагательное — сказуемое; выражает суждение (判断) имя существительное — сказуемое. При переводе глагольная структура второго звена КС может быть выражена предложным оборотом со значением причины или сложноподчинённым придаточным причины. Чаще всего употребляется предлог «за» в значении причины и союзное слово — «потому что». Например:

а) 同志们昨天在会议上批评我不努力学习。

Вчера товарищи на собрании критиковали меня за то, что я учусь нестарательно (выражает сообщение).

б) 全村的人都称赞这个姑娘朴实。

Вся деревня хвалит эту девушку за то, что она скромна. (выражает описание)

в) 同志们批评他是个胆小鬼。

Товарищи критиковали его за то, что он трус (выражает суждение).

3. Сказуемым второго звена служат глаголы, имеющие значение направления «到», «来», «去», «进», «出» «想» и т.д., при переводе, как правило, вместо глаголов употребляются предлоги со значением направления «в», «на», «до», «к», «из» или наречия того значения «туда», «домой». Пример:

а) 我送他回家。

Я провожу его домой.

б) 每年招收优秀学生入大学。

Каждый год принимает отличников в вузы.

в) 我们应当团结一切可以团结的人到我们方面来。

Мы должны привлечь на нашу сторону всех, кого можно сплотить.

Русский и китайский языки относятся к разным языковым группам. И в произношении, и в лексике, и в грамматике существуют большие различия. Но между ними всё-таки существуют и общие черты.

Работа над их поисками и анализом полезна для точной передачи мысли, для повышения качества обучения русскому языку в нерусской аудитории, потому что совершенствование овладения одним языком как иностранным обусловлено тончайшим пониманием разницы и тождества между ним и родным языком.

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

IV Международная научная конференция
Уфа, март 2015 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Подписано в печать 24.03.2015. Формат 60х90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,17. Уч.-изд. л. 15,55. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Лайм»
450059, г. Уфа, ул. Новосибирская, д. 2